

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 6

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет;
Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS)
(Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении
(Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
д. философии, профессор, Университет Тромсё –
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН,
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- Т. РУСЕН**
д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук
Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет
(Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт
кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной
университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН
(Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 6

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrso.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Saint Petersburg State University of Cinema and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Бубличенко В. Н. Кылтовская обитель: от женского монастыря к детскому городку для беспризорных	70
АРХЕОЛОГИЯ			
Блышко Д. В., Жульников А. М. Реконструкция петроглифического святилища на мысе Пери Нос VI.	8	Зеленская Ю. Н. Организация ремонтно-восстановительных ра- бот на Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны.	77
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ			
Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях ки- тайских историков 1980–1990-х годов	15	Попов С. А. Паспортные документы сельского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в начале XX века.	83
Черевко М. В. Особенности изображения и характеристики ко- ренных народов Тайваня в «Хуан Цин чжи гун ту» . .	24	Филимончик С. Н. Как в Карелии строили партию-крепость: опыт 1930-х годов.	91
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ			
Разумова И. А. Книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между бе- лым и красным» как исторический источник и авторский текст	32	Дранникова Н. В. Культурная память жителей Архангельска о раз- рушении и осквернении культовых сооружений в советский период.	100
Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В., Ходаковский Е. В. Нименьгский приход Онежского уезда Архан- гельской губернии: строительная история.	40	Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Функция печи в родильной обрядности и лече- нии детских заболеваний у карелов	110
Савицкий И. В. Российские ученые и публицисты о роли крым- ских татар в «крымской весне»	50	Рецензии	
		Толстиков А. В. Рец. на кн.: Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамерикан- ские финны в Советской Карелии 1930-х годов	115
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
Калинина Е. А. Проблемы организации физической культуры и спорта в Карелии в годы Великой Отечествен- ной войны	62	Научная информация	
		Илюха О. П. Институту языка, литературы и истории Карель- ского научного центра РАН – 90 лет.	121
Contents			124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.09.2020. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 60 экз.). Изд. № 159

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор
С. Г. Веригин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Каждый номер имеет свои особенности. Данный выпуск сформирован в основном из научных публикаций карельских ученых. Все названные ниже авторы являются преподавателями или выпускниками нашего университета, который в сентябре 2020 года отмечает юбилей – 80 лет со дня образования. Славные традиции исторической науки продолжают развиваться и в наши дни.

В рубрике «Археология» помещена статья Д. В. Блышко и А. М. Жульникова, посвященная описанию методики реконструкции Онежских петроглифов – одного из крупнейших в Северной Европе скоплений монументального первобытного наскального творчества. Интересна и насыщена рубрика «Отечественная история», в которой опубликованы статьи Ю. Н. Зеленской, Е. А. Калининой, С. Н. Филимончик. В них на основе анализа и обобщения архивных документов из фондов центральных и региональных, государственных и ведомственных архивов, воспоминаний очевидцев рассмотрены сложные и противоречивые процессы политического и социально-экономического развития Карелии в 1930–1940-е годы. В «Историографии, источниковедении и методах исторического исследования» выделим статьи И. А. Разумовой (представлен профессионально выполненный источниковедческий анализ текста Р. А. Кравченко-Бережного) и И. В. Савицкого. Его статья носит полидисциплинарный характер и исследует работы ученых и публицистов о деятельности крымских татар на Крымском полуострове в период вхождения Крыма в состав России весной 2014 года. Рубрика «Этнография, этнология и антропология» представлена статьей Е. В. Каракина и Т. В. Пашковой о традиционной культуре карелов. Завершают номер рецензия А. В. Толстикова на книгу историков А. В. Голубева и И. Р. Такала «В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов», посвященную истории трагической иммиграции североамериканских финнов в Советскую Карелию, и рубрика «Научная информация», в которой О. П. Илюха пишет о 90-летию Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Поздравляем коллег с этой знаменательной датой!

В заключение подчеркну, что все статьи и материалы журнала будут интересны как профессиональным историкам, так и всем, кто интересуется историей и культурой Европейского Севера России.

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БЛЫШКО

ведущий научный сотрудник
ООО «Аристо Северо-Запад»
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
dblyshko@gmail.com

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
rockart@yandex.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОГО СВЯТИЛИЩА НА МЫСЕ ПЕРИ НОС VI

Природные процессы оказали разрушительное воздействие той или иной степени на большинство скоплений древних наскальных изображений. В районе расположения Онежских петроглифов некоторые участки поверхности гранитных мысов оказались повреждены из-за воздействия льда и волн. В результате часть отколотых от скального массива каменных плит, в том числе с гравировками, была перемещена или разрушена. Кроме того, семь плит с петроглифами с мысов Пери Нос III и VI были вывезены исследователями в Государственный Эрмитаж и Национальный музей Республики Карелия. Исходное расположение некоторых из плит до настоящего момента не установлено. В этой связи возникает необходимость выработки методики, позволяющей воссоздавать первоначальный облик петроглифического святилища. В статье приводится описание методики реконструкции внешнего вида скалы с петроглифами на мысе Пери Нос VI: поиск отделившихся фрагментов скалы, установка плит на места сколов, использование прозрачных полиэтиленовых копий, виртуальная реконструкция с использованием трехмерных моделей. Разработанная методика может быть использована для воссоздания первоначального облика остальных поврежденных скал Онежского святилища, а также других скоплений наскальных изображений.

Ключевые слова: Онежские петроглифы, мыс Пери Нос, петроглифическое святилище, неолит, энеолит, реконструкция, цифровая фотограмметрия

Для цитирования: Блышко Д. В., Жульников А. М. Реконструкция петроглифического святилища на мысе Пери Нос VI // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.511

ВВЕДЕНИЕ

Онежские петроглифы – одно из крупнейших в Северной Европе скоплений монументального первобытного наскального творчества. Оно состоит из 25 локальных групп, расположенных на протяжении 20 км восточного побережья Онежского озера. Здесь известно более 1200 отдельных фигур, включая петроглифы на фрагментах скал, попавших в музейные коллекции. Судя по имеющимся археологическим и геологическим данным, подавляющая часть Онежских петроглифов была создана в неолите и энеолите – в V–III тысячелетиях до нашей эры [1: 22]. Наиболее крупное скопление Онежских петроглифов располагается на мысе Пери Нос, который состоит из семи скальных выступов (мысы Пери Нос I–VII) (рис. 1). Наскальные изображения в настоящее время обнаружены на мысах Пери Нос I–IV, VI–VII.

Природное окружение Онежских петроглифов остается практически неизменным на протяжении последних тысячелетий, однако и здесь, на ряде мысов, некоторые участки скальной поверхности оказались повреждены из-за воздействия льда и волн, а многие оторванные от гранитного массива плиты, в том числе с гравировками, оказались под водой или далеко от берега. Кроме того, семь плит с петроглифами с мысов Пери Нос III и VI были вывезены исследователями в Государственный Эрмитаж и Национальный музей Республики Карелия. Исходное расположение некоторых из них до настоящего момента не установлено.

Петроглифы мыса Пери Нос VI стали известны науке в середине XIX века. Они были открыты К. Гревингом и П. Шведом в 1848 году. В 1910 и 1914 годах Онежские петроглифы обследуют Г. Хальстрем и М. Беркит [4: 15–25]. В 1920–1930-х годах исследованием петрогли-

фов на восточном берегу Онежского озера занимались А. М. Линеvский¹ и А. Я. Брюсов². Петроглифы на мысе Пери Нос впервые были зафиксированы документально в 1934 году В. И. Равдоникасом. На мысе Пери Нос VI им было выявлено 77 изображений³. В 60–70-е годы XX века изучение Онежских петроглифов велось Ю. А. Савватеевым [4]. В 90-е годы XX века скопление петроглифов на мысе Пери Нос изучалось Эстонским обществом доисторического искусства под руководством В. Пойкалайнена и Э. Эрнитса [7].

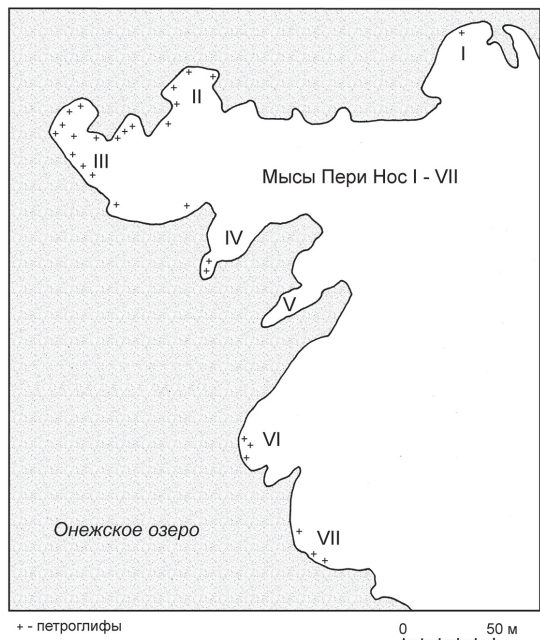

Рис. 1. Схема мысов Пери Нос I–VII
Figure 1. Scheme of Peri Nos I–VII capes

Поверхность скалы на мысе Пери Нос VI была частично уничтожена под воздействием природных факторов, вероятнее всего ледохода, уже после создания наскальных изображений. Об этом свидетельствуют как наличие на мысе неполных изображений, примыкающих к сколотым участкам поверхности, так и открытие, совершенное в 2004 году эстонским художником Л. Йыэкалда, членом Эстонского общества доисторического искусства, который обнаружил на этом мысе каменную плиту с ранее неизвестным петроглифом – изображением зооморфной фигуры.

Современные подходы к исследованию наскальных изображений подразумевают интерпретацию не только отдельных фигур, но и их взаимного расположения, а также размещения изображений относительно окружающего ландшафта. Полнота внешнего вида петроглифического святилища напрямую определяет возможность корректной интерпретации наскальных

изображений. Это определило цель работ авторов данной статьи: произвести реконструкцию внешнего вида скалы на мысе Пери Нос VI на момент создания наскальных изображений с учетом максимального количества доступных материалов. Данная цель подразумевала выполнение двух задач: поиска отколовшихся фрагментов поверхности скалы и реконструкции ее внешнего вида на основе разработанной в ходе работ методики.

ОПИСАНИЕ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ПО ПОИСКУ ФРАГМЕНТОВ СКАЛЫ

Поиск отколовшихся фрагментов скалы производился в 2008–2009 годах, а также в 2019 году как в форме сбора подъемного материала, так и в форме археологических раскопок.

В 2008–2009 годах археологической экспедицией ПетрГУ под руководством А. М. Жульникова были проведены разведочные работы на мысе Пери Нос VI, цель которых – выявление фрагментов скал, отколотых от оконечности мыса. В результате работ было обнаружено и зафиксировано шесть каменных плит, которые ледоходом были оторваны с оконечности мыса Пери Нос VI и перемещены на значительное удаление от берега озера. На четырех плитах были обнаружены петроглифы [2]. Две из обнаруженных на мысе Пери Нос VI плит с петроглифами позже были перемещены в фонды Национального музея Республики Карелия.

На оконечности мыса Пери Нос VI имеются две крупные расщелины со сбитой скальной гладкой поверхностью (глубиной до 60 см, шириной до 1,7 м, длиной от 2 до 5 м). Из этих расщелин и происходят обнаруженные в 2008–2009 годах каменные плиты с петроглифами. В результате исследований, проведенных А. М. Жульниковым в 2008–2009 годах, удалось определить места происхождения всех семи обнаруженных плит, что позволило выполнить реконструкцию их размещения на оконечности мыса с использованием полиэтиленовых копий [2: рис. 2].

В ходе полевых исследований 2019 года были осмотрены все валуны и расколотые гранитные куски, расположенные в скальной расщелине в центральной части мыса, где в 2008 году экспедицией ПетрГУ были проведены раскопки – убран песок, содержащийся между валунами. Всего в ходе этих работ было обнаружено 12 плит (№ 8–19), сравнительно небольших по размерам, имеющих гладкую поверхность, характерную для скалы на оконечности мыса. Кроме того, в ложбинке центральной части мыса Пери Нос VI в 2019 году был обнаружен кремневый отщеп, который частично сохранил валунную корку. Связь

отщепа с петроглифами неясна. Скорее всего, при дальнейшей шурфовке у основания мыса Пери Нос VI могут быть выявлены следы кратковременной древней стоянки, с которой и происходит обнаруженный нами кремневый отщеп.

В результате работ по поиску отколовшихся фрагментов скалы в 2008–2009 и 2019 годах было установлено, что с учетом плиты, открытой в 2004 году Л. Йызкалда, в настоящий момент известно 19 каменных плит, происходящих с окочности мыса Пери Нос VI.

ОПИСАНИЕ МЕТОДИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ ВНЕШНЕГО ВИДА СКАЛЫ

Реконструкция расположения отколовшихся участков скал относительно коренной скалы мыса Пери Нос VI, а также относительно друг друга требует применения нескольких методов. С одной стороны, применение различных методов обусловлено особенностями обнаруженных объектов: плиты значительно различаются по своему размеру и по степени сохранности. Кроме того, определение положения одних и тех же плит разными методами повышает достоверность реконструкции. В ходе реконструкции авторами было использовано три метода: физическая установка отколовшихся плит на негативы сколов, определение положения плит с использованием прозрачных полиэтиленовых копий, а также совмещение масштабных моделей скалы и отколовшегося фрагмента в виртуальном пространстве.

Установка отколовшихся плит на негативы сколов

Одним из очевидных преимуществ установки каменных плит на места первоначального расположения является возможность получить достаточно точные данные для реконструкции петроглифического комплекса.

Семь плит, обнаруженных в 2019 году (№ 8–14), имели небольшой размер, что позволило временно установить их на место первоначального расположения (рис. 2, 3). Кроме того, плиты № 3, 5, найденные в 2008 году, в 2019 году были временно установлены на места первоначального расположения с соблюдением мер, исключающих повреждение поверхности скалы. Место расположения плиты № 15 точно определить не удалось, так как ее толщина оказалась меньше глубины скола на месте предполагаемого первоначального расположения. Тем не менее особенности фактуры поверхности плиты № 15 и ее конфигурация позволяют установить ее первоначальное местонахождение. Для остальных плит (№ 16–19) в дальнейшем также, возможно, удастся найти места, где они располагались изначально.

Рис. 2. Плиты № 8, 9, установленные на место первоначального расположения

Figure 2. Stone plates 8 and 9 relocated to their initial position

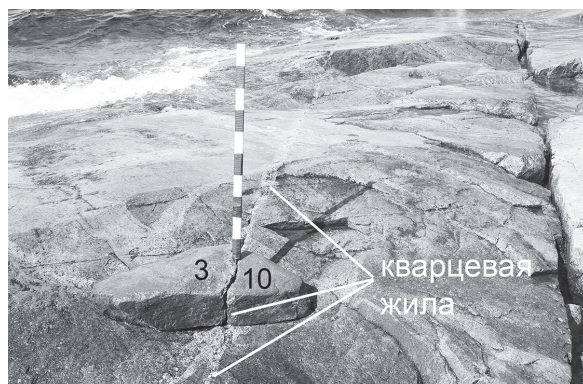

Рис. 3. Плиты № 3, 10, установленные на место первоначального расположения

Figure 3. Stone plates 3 and 10 relocated to their initial position

К сожалению, этот способ может быть применен только для обломков скал небольшого веса, тогда как подавляющая часть каменных плит, оторванных льдом или волнами с мыса Пери Нос, имеет крупные размеры и значительный вес. Кроме того, было установлено, что некоторые небольшие по размерам гранитные плиты утратили часть нижней плоскости, которой они ранее примыкали к основному массиву скалы, что создает существенные трудности в поиске мест, где изучаемые фрагменты располагались изначально.

Использование прозрачных полиэтиленовых копий фрагментов скал для реконструкции их первоначального расположения

Из-за массивности ряда гранитных плит, в том числе с петроглифами, их установка на места первоначального расположения оказалась невозможна. Для поиска мест изначального расположения крупных фрагментов скал нами были выполнены их копии (прорисовки) из тонкого прозрачного полиэтилена. На эти копии помимо петроглифов

и краев плит были нанесены имеющиеся трещины, цветные пятна, контуры кварцевой жилы (рис. 4). Затем копии были состыкованы друг с другом на местах их предполагаемого размещения на мысе Пери Нос VI с учетом их толщины, имеющихся трещин и кварцевой жилы, а также параметров иных сколотых участков скалы (рис. 5). В результате этой работы удалось достаточно точно определить места размещения плит, обладающих крупными размерами, и соотнести полученные данные с результатами установки на оконечности мыса относительно небольших по размерам плит № 3, 5, 8–14.

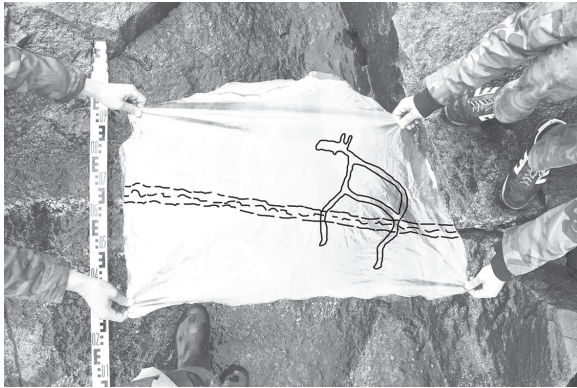

Рис. 4. Использование полиэтиленовых копий плит с петроглифами для определения мест их первоначального местонахождения

Figure 4. Identifying the initial positions of engraved stone plates using transparent plastic copies

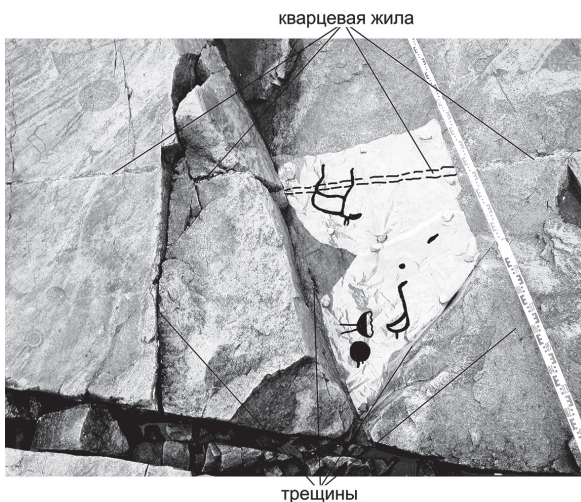

Рис. 5. Размещение полиэтиленовых копий плит с петроглифами относительно природных маркеров: кварцевой жилы и трещин на скале

Figure 5. Placement of engraved stone plates in relation to natural markers: a quartz vein and rock cracks

Опыт использования прозрачных полиэтиленовых копий крупных каменных плит для определения мест их первоначального расположения оказался достаточно успешным, так как он позволяет не только учитывать конфигурацию плит

в плане и разрезе, но и использовать в полевых исследованиях природные маркеры – трещины, кварцевые жилы, лавовые включения и т. п. Однако, поскольку верхняя часть поверхности скалы далеко не всегда совпадает по конфигурации с ее нижней частью, возникают трудности, которые могут привести к некоторым неточностям в установлении первоначального положения скального обломка с использованием данной методики.

Виртуальная реконструкция

Прозрачные полиэтиленовые прорисовки представляют собой двухмерные копии каменных плит, и их применение дает наилучшие результаты при работе с относительно плоскими участками скал. В ситуации, когда форма каменной плиты требует одновременного позиционирования в трех измерениях, наиболее удачным представляется использование виртуальной реконструкции. В случае реконструкции внешнего вида мыса Пери Нос VI применение виртуального моделирования было оправдано для определения положения фрагмента скалы № 1. Этот фрагмент имеет сложную внешнюю поверхность, состоящую из двух плоскостей, и неравномерную толщину, что затрудняет его позиционирование на участке скалы с обширными сколами.

Методика трехмерного моделирования фрагментированных участков поверхности скалы на Онежских петроглифах с использованием трехмерной фотограмметрии была предложена и апробирована Д. В. Блышко в 2018 году. В ходе данной работы были выполнены:

- фотофиксация фрагментированного участка скалы на мысе Пери Нос VI;
- фотофиксация плиты № 1, хранящейся в Национальном музее Республики Карелия;
- подготовка трехмерных моделей указанных объектов методом трехмерной фотограмметрии и их совмещение.

Метод цифровой фотограмметрии применяется в археологии с начала XXI века. В основе технологии цифровой фотограмметрии лежит структурированное фотографирование объекта с последующим построением трехмерной модели с использованием автоматизированных компьютерных расчетов. Каждая точка поверхности объекта должна быть отображена минимум на трех фотографиях. После загрузки пакета фотографий в специальную программу последняя производит поиск цветовых соответствий каждого пикселя одной фотографии на других фотографиях. Помимо самих фотографий программа использует данные о камере и объективе, которые содержатся в метаданных каждого снимка. Если соответствие найдено более чем на трех

снимках, программа строит точку в трехмерном пространстве на основе разности углов и расстояний. В результате формируется облако точек, повторяющее поверхность исследуемого объекта. На последующих этапах обработки на основе облака точек формируются трехмерная модель и тайловая модель, передающая цвет объекта. В ряде исследований есть информация о том, что точность моделей, полученных методом трехмерной фотограмметрии, очень высока. Например, в исследовании «Multi-image 3D reconstruction data evaluation» [6] сравнение результатов измерения дистанций на трехмерной модели средневековой церкви и на самом здании показало субсантиметровую точность трехмерной модели. При проверке точности моделей, построенных с использованием фотограмметрии на материале австралийских писаниц, было показано, что при определенных условиях этот метод позволяет получать субмиллиметровую точность [5]. На настоящий момент трехмерная фотограмметрия является признанным и широко применяемым в археологии методом построения трехмерных моделей. Принцип фотограмметрии позволяет работать с объектами практически любого масштаба при наличии подходящей оптики [5]. При соблюдении рекомендаций авторов используемого программного обеспечения данный метод позволяет получать модели адекватного для поставленной цели качества.

В ходе полевых работ в 2018 году на Онежских петроглифах была проведена фотофиксация участка скалы с петроглифами на мысе Пери Нос VI. Для создания трехмерной модели было сделано 40 снимков, из которых для построения модели было использовано 32. При съемке использовался фотоаппарат Canon 1100d, объектив Canon EF-S 10-18. Фотографирование производилось с применением масштабной линейки. Постобработка фотографий проведена в программе Adobe Photoshop. Фотографирование отколотого фрагмента скалы (плита № 1) производилось в 2019 году в Национальном музее РК. При фотофиксации отсутствовала возможность перемещать обломок скалы, в результате чего не удалось произвести качественную фотофиксацию двух граней скалы: нижней стороны плиты и самой узкой грани, повернутой к стене. В ходе фотографирования было сделано 150 снимков, для построения модели использовано 140 снимков. При фотографировании использовался фотоаппарат Sony a6000, объектив Sony SEL-P1650 16-50 mm F/3.5-5.6/. Фотографирование производилось с использованием масштабной линейки. Постобработка фотографий проведена в программе Adobe Photoshop. Создание трехмерных

моделей методом трехмерной фотограмметрии – в программе Agisoft Metashape. Совмещение моделей и визуализация – в программе Blender. При позиционировании объектов относительно друг друга учитывались следующие параметры: 1) линейные размеры объектов; 2) расположение трещин и цветовых пятен; 3) расположение характерных участков скальной поверхности, таких как грани и ребра.

Первичное позиционирование плиты производилось с учетом линейных размеров объектов, корректировка положения – с учетом нескольких характерных линий. Поверхность коренного участка скалы, относительно которого производилось позиционирование отколотого фрагмента, состоит из двух граней, разделенных ребром, имеющим характерный изгиб. Такое же ребро имеется на отколотом фрагменте скалы. Данное ребро пересекается жилой крупнокристаллической породы. Эта жила прослеживается также на отколотом фрагменте скалы. Возможность реконструировать две линии, пересекающиеся под характерным углом на поверхности скалы, позволила позиционировать отколотый фрагмент с высокой точностью. Позиционирование по двум граням, одному ребру и одной жиле инородной породы было проверено по трещинам на поверхности коренной скалы. При подобном позиционировании отколовшегося фрагмента становится заметно, что положение северной и южной граней фрагмента скалы совпадает с трещинами в теле скалы (рис. 6–8). Наличие такого количества признаков достаточно, чтобы признать позиционирование каменной плиты убедительным.

Рис. 6. Трехмерная реконструкция первоначального расположения плиты № 1, вид с юга

Figure 6. 3D reconstruction of stone plate 1 initial position, view from the south

Применение метода трехмерной фотограмметрии позволило уточнить позиционирование отколотого фрагмента скалы относительно результатов, полученных с использованием копии из

прозрачного полиэтилена. Апробация этого метода позволила сформулировать ряд рекомендаций для дальнейшего его применения: при последующей работе необходимо учесть разницу в освещенности объектов, влияющую на цвет получаемых изображений, тщательнее выстроить технологию сбора полевых данных, учитывая дефекты моделей, полученных в процессе апробации методики. Стоит также учесть, что при фотографировании массивных каменных плит могут возникать технические трудности, связанные с невозможностью осуществить фотографирование нижней стороны объекта.

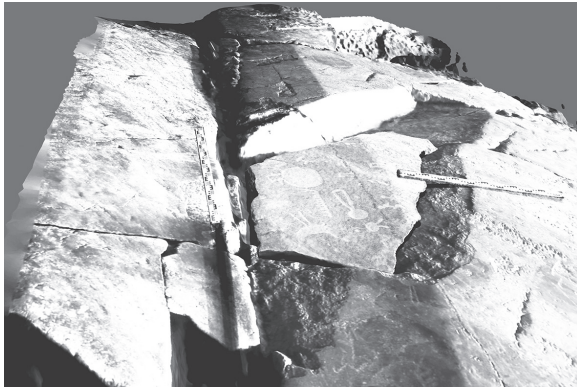

Рис. 7. Трехмерная реконструкция первоначального расположения плиты № 1, вид с севера

Figure 7. 3D reconstruction of stone plate 1 initial position, view from the north

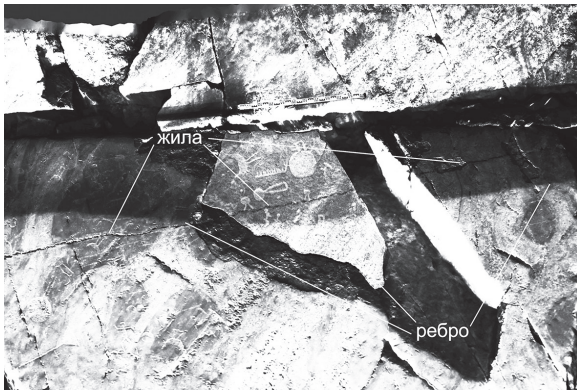

Рис. 8. Первоначальное расположение плиты № 1 относительно природных маркеров: кварцевой жилы и ребра скалы

Figure 8. Stone plate 1 initial position in relation to natural markers: a quartz vein and the rock edge

ВЫВОДЫ

В ходе работ, проведенных в 2008–2009, 2018–2019 годах, был собран значительный объем новой информации о внешнем виде петроглифического святилища на мысе Пери Нос VI. Археологической экспедицией ПетрГУ в 2019 году при содействии экспедиции ООО «Аристо Северо-Запад» было обнаружено 12 плит, проис-

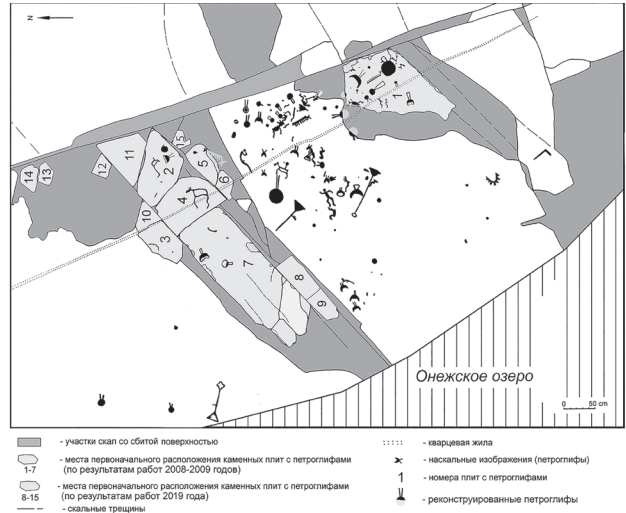

Рис. 9. Графическая реконструкция центрального скопления петроглифов мыса Пери Нос VI по результатам исследований 2018–2019 годов

Figure 9. Graphic reconstruction of the central group of rock carvings at Peri Nos VI Cape according to the research results of 2018 and 2019

ходящих с оконечности мыса. На основе этой информации была проведена новая реконструкция поверхности скалы. Первая реконструкция была выполнена А. М. Жульниковым в 2009 году, когда на основе методики применения прозрачных полиэтиленовых копий определено положение семи известных на тот момент плит. Позже на основе этой информации Н. В. Лобанова осуществила альтернативную реконструкцию размещения фрагментов скалы на мысе Пери Нос VI [3: илл. 126], не получившую, впрочем, признания других исследователей Онежских петроглифов [7]. Материалы, собранные в ходе полевых и камеральных работ в 2018–2019 годах, позволили дополнить и уточнить реконструкцию 2009 года. Использование методов физического размещения фрагментов скалы на негативах сколов, применение прозрачных полиэтиленовых копий и виртуального моделирования позволили получить точные и проверяемые результаты расположения плит № 1–15 (рис. 9). В завершение стоит отметить, что методика, разработанная при реконструкции внешнего вида святилища на мысе Пери Нос VI, может быть применена для решения аналогичных задач на других мысах Онежского озера, где участки скал с петроглифами были повреждены в результате природных или антропогенных факторов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы статьи благодарят волонтеров экспедиции ООО «Аристо Северо-Запад» за помощь в финансировании и выполнении работ в 2019 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Линеvский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: КАРГОСИЗДАТ, 1939. 194 с.
- ² Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды Государственного исторического музея. Вып. IX. М., 1940. 320 с.
- ³ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М., 1936. 205 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006. 224 с.
2. Жульников А. М. Новые петроглифы мыса Пери Нос VI на Онежском озере // Краткие сообщения Института археологии. 2012. № 227. С. 315–323.
3. Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М., 2015. 449 с.
4. Савватеев Ю. А. Вечные письма (наскальные изображения Карелии). Петрозаводск, 2007. 458 с.
5. Davis A., Belton D., Helmholtz P., Bourke P., McDonald J. Pilbara rock art: Laser scanning, photogrammetry and 3D photographic reconstruction as heritage management tools // *Heritage Science*. 2017. July. No 25 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heritagesciencejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40494-017-0140-7> (дата обращения 01.05.2020).
6. Koutsoudis A., Blaž V., George I., Fotis A., George P., Christodoulos Ch. Multi-image 3D reconstruction data evaluation // *Journal of Cultural Heritage*. 2014. Vol. 15. Issue 1. January – February. P. 73–79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.culher.2012.12.003> (дата обращения 01.05.2020).
7. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega II: The Besov Nos region. Karetski and Peri localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2019. 610 p.

Поступила в редакцию 20.04.2020

Dmitriy V. Blyshko, Leading Researcher, ООО “Aristo Severo-Zapad” (St. Petersburg, Russian Federation)
dblyshko@gmail.com

Alexander M. Zhulnikov, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

RECONSTRUCTION OF PERI NOS VI CAPE PETROGLYPHIC SHRINE

Natural causes have damaged most of the ancient rock art sites to certain extent. Thus, some rock plates were split off the granite capes of the Onega petroglyphic site by waves and moving ice. As a result, some of separated rock plates including those with ancient engravings were relocated or destroyed. Seven rock plates from Peri Nos III and Peri Nos VI capes were transported by researchers to the State Hermitage Museum and the National Museum of the Republic of Karelia. The initial location of some of these rock plates has not been identified yet. The article describes the methods of reconstructing the rock plates' initial position at the rock surface of Peri Nos VI Cape: searching for relocated rock plates, placing them where they allegedly chipped off, positioning with the help of transparent plastic copies, and virtual positioning using 3D models. This method can be used in further studies for reconstructing other capes of the Onega petroglyphic site, as well as for similar tasks at other rock art sites.

Keywords: Lake Onega Petroglyphs, Peri Nos Cape, petroglyphic shrine, Neolithic, Eneolithic, reconstruction, digital photogrammetry

ACKNOWLEDGMENTS

The authors express their gratitude to the volunteers of Aristo Severo-Zapad expert organization for their financial support and research participation in 2019.

Cite this article as: Blyshko D. V., Zhulnikov A. M. Reconstruction of Peri Nos VI Cape petroglyphic shrine. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.511

REFERENCES

1. Zhulnikov A. M. Petroglyphs of Karelia: Image of the world and the worlds of images. Petrozavodsk, 2006. 224 p. (In Russ.)
2. Zhulnikov A. M. New petroglyphs of Peri Nos VI Cape on Lake Onega. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2012. No 227. P. 315–323. (In Russ.)
3. Lobanova N. V. Petroglyphs of Lake Onega. Moscow, 2015. 449 p. (In Russ.)
4. Savvateev Yu. A. Eternal letters (rock carvings of Karelia). Petrozavodsk, 2007. 458 p. (In Russ.)
5. Davis, Annabelle & Belton, David & Helmholtz, Petra & Bourke, Paul & McDonald, Josephine. Pilbara rock art: Laser scanning, photogrammetry and 3D photographic reconstruction as heritage management tools. *Heritage Science*. 2017. July. No 25. Available at: <https://heritagesciencejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40494-017-0140-7> (accessed 01.05.2020).
6. Koutsoudis, Anestis, Blaž Vidmar, George Ioannakis, Fotis Arnaoutoglou, George Pavlidis, and Christodoulos Chamzas. Multi-image 3D reconstruction data evaluation. *Journal of Cultural Heritage*. 2014. Vol. 15. Issue 1. January – February. P. 73–79. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.culher.2012.12.003> (accessed 01.05.2020).
7. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega II: The Besov Nos region. Karetski and Peri localities. Tartu, 2019. 610 p.

Received: 20 April, 2020

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
d.mayatsky@spbu.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТАТЬЯХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ 1980–1990-х ГОДОВ*

Тема актуальна в связи с наблюдаемым в последние годы растущим интересом российских и китайских ученых к изучению истории контактов России и Китая. Важной частью этих контактов была деятельность императора Петра Великого, при котором они сформировались на регулярной основе в различных сферах. В статье затрагивается приобретающая в условиях усиливающейся глобализации особую важность проблема диалога государств и цивилизаций, восприятия одних народов – в данном случае через переосмысление фактов истории – другими. Статья посвящена вопросу, который также может быть поднят при изучении образа Петра I в китайской научной литературе, – оценке его деятельности в сфере внешней политики Российского государства. Тема для исторической науки новая, прежде специально никем не исследовавшаяся. Автором осуществляется обзор выходявших в Китае между 1977 и 1999 годами научных публикаций о дипломатии Петра I. Выявляются, классифицируются и рассматриваются связанные с ней направления и проблемы, волновавшие китайских ученых. Устанавливаются особенности трактовки дипломатии Петра I. В отдельных случаях объясняются истоки этих трактовок. Статья призвана привлечь внимание исследователей проблем исторического образа России в Китае, а также помочь заинтересованным лицам понять то, как в Китае воспринимается выдающийся деятель российской истории – царь Петр I.

Ключевые слова: Петр I, Россия и Китай, империя Цин, образ Петра Великого, имагология, российско-китайские отношения, внешняя политика России

Для цитирования: Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512

ВВЕДЕНИЕ

Личность российского царя Петра Великого начала привлекать к себе внимание образованной части китайского общества еще в конце XIX века, когда в цинский Китай, насильно открытый иностранцами внешнему миру в результате поражения во Второй опиумной войне (1856–1860), через печатные средства стала проникать обширная информация о различных сферах жизни в передовых для того времени зарубежных странах. Неожиданное и для всех слишком уж очевидное превращение огромного и беспомощного Китая в полуколониальное государство шокировало тогда многих китайских патриотов, побудило их озадачиться поиском ответа на ставший злободневным вопрос: каким образом ранее неизвестным и непонятно где находившимся «варварским» странам удалось вдруг опередить в развитии и поставить в зависимое от себя положение некогда могущественную китайскую империю, тысячелетиями претендовавшую на роль крупнейшей, мощнейшей и ци-

вилизированнейшей державы? Осознав причины сложившейся отсталости Цин и унижительные для страны последствия, китайские интеллигенты развернули масштабное просветительское движение. Поскольку в той ситуации одним из выходов виделись преобразования сверху, то появилась потребность в популяризации таких монархов мировой истории, кто имел тягу к новому, продвигал науки и образование, проводил реформы, способствовавшие усилению их государств. На этой волне и возник глубокий интерес к Петру Великому, проявившийся в публикации ряда работ (главным образом в канун и первые годы после движения «Ста дней реформ» 1898 года) со сведениями о его биографии и осуществившихся им преобразованиях. В 2020 году об этом явлении вышла статья профессора Восточного факультета СПбГУ Н. А. Самойлова [2], пока единственная в нашей стране и за рубежом, исследующая образ первого российского императора в Китае.

В настоящей статье автор хотел бы отдельно изучить другой, прежде в России еще не рассматривавшийся имагологический вопрос: как в китайских научных работах характеризуется внешнеполитическая деятельность Петра Великого, в годы правления которого был заключен первый в истории русско-китайских отношений межгосударственный договор – Нерчинский трактат 1689 года – и при котором между двумя странами активизировались политические, торговые и гуманитарные контакты? Какой китайцам представляется внешняя политика петровской России, какие проблемы обычно волнуют их в связи с нею, насколько специфично восприятие их китайскими учеными и чем оно может быть объяснено? Попробуем разобраться в этих вопросах, насколько не претендуя на всеохватность и опираясь на доступные нам материалы китайских научных журналов 1980–1990-х годов.

Несмотря на то что, согласно наблюдениям Н. А. Самойлова, ранние упоминания Петра Великого в китайской публицистике относятся еще к первой половине XIX века [2: 107], специальное изучение внешней политики Петра I учеными КНР началось лишь в 1977 году, когда была опубликована статья Тун Синя и Ши Биня [19]. В ней авторы предложили краткий общий обзор его внешнеполитической деятельности. После нее до конца XX века по данной теме в Китае вышли еще около 15 работ – Гао Юйхая [7], Цзин Дуна [10], Ли Найлина [11], Линь Цзюня [12], Лю Шаоуха [13], Н. Н. Молчанова [15], Нань Хая [16], Тан Сяоли [17], Тао Хуэйфэня [18], Ван Яна [20], Янь Чжия [21], Ян Юйлина [22], Чжао Шиго [23], Чжоу Цзошао [24] и Цзо Шу-э [25]. Эти работы принадлежат хронологическому периоду с 1977 по 1999 год – рамки выбраны нами произвольно исходя из доступного материала, а также в силу необходимости ограничиться рамками статьи. Стоит оговориться, что одна из перечисленных работ представляет собой выполненный Юй Чуньлин (于春苓) китайский перевод, к сожалению, на данный момент неустановленной, небольшой и тоже обзорной статьи крупного советского историка, профессора Николая Николаевича Молчанова (1925–1990), трудившегося в Институте всеобщей истории АН СССР и Университете дружбы народов им. П. Лумумбы [15]. Поскольку она отражает взгляд советской науки, то на ней внимания заострять не будем, а ограничимся только упоминанием в ряду материалов, вышедших на китайском языке. Кроме того, публикация Линь Цзюня является рецензией на изданную в 1984 году в Москве Н. Н. Молчановым монографию «Дипломатия Петра I» [12]. Она примечательна лишь тем, что автор два

раза вступает в полемику с советским историком, критикуя его то за оправдывание «империалистических амбиций» Петра I, проводившего по отношению к соседним странам и народам «агрессивную» политику, то за оценку Нерчинского договора как неравноправного [12: 88–89]. В первом случае Линь Цзюнь обильно цитирует известную своим откровенным русофобством публикацию Карла Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (кит. «十八世纪外交史内幕»), которая выходила в 1856 году на английском языке под названием «The Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century» и потом переиздавалась в 1899 году под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century» (переведено на русский язык как «Секретная дипломатия XVIII века»). Во втором случае автор обнаруживает солидарность с распространенной в китайской академической среде позицией и ссылается на изданную в 1986 году сотрудниками Института новой истории Академии общественных наук КНР (中国社会科学院近代史研究所) «Историю вторжения царской России в Китай» («沙俄侵华史», 上海: 人民出版社, 1986年). Корни этой позиции восходят к первой сводной истории последней императорской династии в Китае – многотомному «Черновику истории Цин» («清史稿»), составленному в 1914–1927 годах коллективом из 100 ученых под руководством Чжао Эрсюня (赵尔巽, 1844–1927).

Тогда же, в последнее двадцатилетие XX века, в научной периодике Китая выходили и другие близкие по теме, общие или частично затрагивающие интересующие нас вопросы исследования: Дун Симиня [4], Фу Суньмина [5] (также его статья в соавторстве с Фэн Синшэном – [6]), Ху Личжуна [8] (та же статья с незначительными изменениями – [9]), Лу Минхуэя [14] и других специалистов. Безусловно, авторов таких работ было гораздо больше, чем специальных, и их ряд можно было бы продолжить.

Ознакомление с перечисленными публикациями позволило установить, что в 1980-х и 1990-х годах китайскими историками была изучена фактически вся международная деятельность России эпохи Петра Великого. Но каким-то внешнеполитическим делам они уделяли больше внимания, каким-то – меньше. В целом ученых волновали два больших блока тем – географически относящихся к действиям Петра I в западной (Европа) и восточной (Азия) частях евразийского континента. Параллельно они были озабочены размышлениями над причинами высокой активности царя на международной арене и, как им показалось, его постоянного на протяжении всего царствования стремления к увеличению терри-

тории Российского государства. Рассмотрим оба указанных блока.

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

В этой части китайские исследователи выделяют три основных вектора:

- борьба с Османской империей за побережье Черного моря и другие контролировавшиеся турками земли (Азовские и Прутский походы);

- польский вопрос (включение в политическую борьбу за власть в Речи Посполитой ради сохранения ее участия на стороне России в конфронтации с Османской империей и Швецией, а также, по мнению исследователей КНР, возвращения некогда утраченных белорусских и украинских земель) [11: 34];

- война со Швецией (с целью прорубить «окно в Европу», получив побережье Балтики) [13: 51].

Китайскими историками отмечено, что в первые годы царствования Петра I российское правительство прежде всего было озабочено решением доставшегося ему в наследство от предшественников и обострившегося тогда турецкого вопроса. Активное наступление Османской империи в 1670-х годах на украинских землях против Речи Посполитой и России, а также в начале 1680-х годов против Австрии привело к созданию в 1683 году антитурецкого австро-польского военного союза (Священной лиги) и последовавшему вскоре присоединению к нему Венецианской республики (1684 год) и России (1686 год) [10: 10]. Именно с участием в этом союзе китайцы связывают Азовские походы царя Петра Алексеевича 1695–1696 годов и совершенное им в 1697–1698 годах Великое посольство в Европу [10: 10].

О поездке Петра Великого инкогнито в Европу и ее поворотном влиянии на дальнейшую судьбу России китайцам стало известно еще в 1830-х годах благодаря первым публикациям о Петре I на китайском языке. В 1837 году в «Ежемесячной хронике общих заметок о Восточных и Западных морях» (кит. «东西洋考每月统记传», англ. «Eastern Western Monthly Magazine»), издававшейся с 1833 по 1837 год в городе Гуанчжоу прусским протестантским миссионером Карлом Гюцлафом (нем. Karl Gützlaff, 1803–1851), вышел написанный неизвестным автором на китайском языке «Краткий очерк истории Российского государства» (кит. «俄罗斯国志略»). В нем в числе прочего сообщалось:

«В 35-м году эры правления под девизом Канси (1697 год) [Петр I] тайно покинул столицу и в составе посольской миссии прибыл в Нидерланды, где собственноручно трудился, стремясь постигнуть технологию строительства военных кораблей. Затем отправился в Англию

– там ознакомился с верфями... Петр увеличил количество боевых судов, армию, организовал управление страной, распространил науки и искусства, перевоспитал народ, поддержал хорошие обычаи и добился многих благ...» [3].

Современные китайские историки Великому посольству тоже придают значение исключительной для истории России важности. Они непосредственно связывают с этим событием осуществленную затем Петром I корректировку внешне- и внутривосточного курса. Четыре исследователя посвятили этой поездке отдельные статьи: Цзин Дун [10], Тао Хуэйфэн [18], Гао Юйхай [7] и Ван Ян [20]. Они позитивно оценивают уникальную в мировой истории акцию молодого правителя, восхищены его смелостью, любознательностью, жадностью знаний, практическим умом, выдающимися организаторскими способностями и умением лично вникать в нюансы каждого дела, которое могло представлять пользу для государства. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что статьи Цзин Дуна, Тао Хуэйфэня и Гао Юйхая были опубликованы в первое десятилетие политики реформ и открытости, начавшейся, как известно, в Китае в декабре 1978 года. Причем в статье Тао Хуэйфэня петровское посольство изучается в сравнении с миссией Ивакуры Томоми (яп. 岩倉具視, 1825–1883) – министра иностранных дел Японии, совершившего в 1871–1873 годах в ранге полномочного посла и во главе группы из шестидесяти японских аристократов турне по США и одиннадцати государствам Европы. Эта миссия имела целью, параллельно с решением внешнеполитических задач (добиться перезаключения договоров с Японией), познакомиться с политическим и экономическим устройством, образованием, культурой и другими сторонами жизни посещаемых стран. Путешествие по западным странам произвело неизгладимое впечатление на участников миссии, кардинально изменило их мировоззрение и впоследствии во многом повлияло на характер реформ Мэйдзи (1868–1889), за короткий срок сделавших Японию сильнейшим государством в Азии. Ван Ян основной упор делает на важности научно-технического обмена, состоявшегося в ходе миссии Петра Великого, и в заключение задает риторический вопрос:

«Петр I за короткие полтора года зарубежной поездки постиг многое. Конечно, нам не стоит придерживаться тех целей, которые он ставил перед собой, изучая западные вещи. Но его усердие во благо родной страны, готовность без сожаления пожертвовать ради нее собой, его ненасытная тяга к знаниям в области современных наук или просто культуры разве не должны вызвать у нас глубоких размышлений?» [20].

Очевидно, обращаясь в переломную для Китая эпоху к близким аналогиям из российской и японской истории, китайские ученые, помимо прочего, хотели сгладить опасения настороженно настроенной консервативной части китайского общества, напомнить о случившихся и в XVIII, и в XIX веке ярких прецедентах успешного реформирования некогда отсталых государств, смело открывшихся миру, перенявших передовые достижения зарубежных стран и благодаря этому возвысившихся.

Китайские ученые в основном придерживаются распространенного в отечественной историографии мнения, что главной целью Великого посольства был поиск союзников для продолжения наступления на Османскую империю ради завоевания черноморского побережья. Они отмечают, что к посольству Петр I явно готовился целенаправленно несколько лет и что его победоносная Азовская кампания задумывалась как часть этой подготовки: имея за плечами успех в недавней войне с турками, он в дальнейшем противостоянии им мог рассчитывать на доверие и более охотную поддержку со стороны европейских стран [10: 10–11]. В качестве дополнительных признаются и другие цели миссии – знакомство с разными сферами жизни европейских стран (с особым уклоном в современное военное дело, кораблестроение и промышленное производство), определение на учебу российской дворянской молодежи, приглашение в Россию на службу зарубежных военных и технических специалистов, размещение заказов на производство оружия, строительство судов, закупка необходимых для военных нужд материалов и другие практические цели, преимущественно связанные с намечавшейся войной. Прямыми следствиями миссии видятся отказ от продолжения войны с Турцией (по причине обнаруженных в ходе переговоров нежелания или объективной невозможности предполагавшихся союзников участвовать в ней), образование антишведского Северного союза и Северная война.

Способность Петра I в ходе посольской миссии подстроиться под новые внешнеполитические обстоятельства и мгновенно переключиться с юга Европы на север, его вмешательство в дела престолонаследия в Речи Посполитой (содействие возведению на трон саксонского курфюрста Августа I), активная роль в создании и поддержании Северного союза, а потом в Северной войне, проведение ради победы в ней масштабных преобразований и мобилизация ресурсов всей России побуждают китайских историков видеть в нем весьма амбициозного и по-наполеоновски воинственно настроенного, но в то же время мудро-

го, практичного, целеустремленного, умевшего учиться на ошибках правителя, на протяжении всего царствования стремившегося к завоеванию новых земель, а то и к достижению мирового господства. Фу Суньмин пишет: «[Петровская] Россия, опираясь на флот и армию, повсюду вела завоевательные войны... Петр почти не знал мира» [5: 50]. Тун Синь и Ши Бин находят в действиях царя неустанные попытки или намерение завладеть не только выходами к Балтийскому и Черному морям, но и владениями Речи Посполитой, Балканами, Константинополем, Крымом, Кавказом, Закавказьем, Центральной Азией и даже землями Персии, Индии, Китая, Северной Америки и Африки и превзойти самого Александра Македонского, рассказы о котором он якобы любил читать по ночам [19: 110–113]. Жажда Петра I к завоеваниям, как правило, оценивается китайскими учеными крайне негативно, как признак грубости и невысокого уровня цивилизованности, как проявление худших черт российского империализма и русского панславизма. Истоки такого восприятия восходят к традиционному конфуцианскому представлению о превосходстве силы культурного влияния над силой военной и предпочтительности в связи с этим ненасильственных способов решения проблем над насильственными. Кроме того, глубокое воздействие на китайских специалистов оказали взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса (подразумеваются работы «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» К. Маркса и «Внешняя политика русского царизма» Ф. Энгельса), что проявилось в частом цитировании обоих классиков Тун Си-нем, Ши Бином, Фу Суньмином, Ли Найлином, Лю Шаохуа, Дун Симином, Тан Сяоли, Цзин Дуном и другими историками.

По мнению Фу Суньмина [5: 51], Тун Синя и Ши Биня [19: 113], Петр I, став автором «системы мировой агрессии», на два столетия вперед задал ключевые векторы внешней политики Российской империи, выработал неписаную программу расширения ее территории, выполнявшуюся последующими российскими императорами.

АЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Согласно представлениям китайских историков, европейское направление было основным во внешней политике Петра I [13: 51], [22: 63], [25: 85]. Объясняют они это тем, что политический и экономические центры Российского государства и основная часть его населения находились в европейской части страны [19: 107]. Кроме того, для России тогда были жизненно необходимы тесное сотрудничество с Европой и доступ к ее

огромному рынку, передовым промышленности, науке и технике. Что касается азиатского направления, то оно было второстепенным. С таким взглядом трудно не согласиться.

В связи с политикой Петра Великого в Азии в основном отмечаются четыре вектора (деление основано на районировании, принятом в ООН):

- восточноазиатский (отношения с империей Цин);

- центральноазиатский (возведение опорных пунктов на восточном берегу Каспия и в Северном Казахстане, походы в Яркенд и против Хивинского царства, отношения с джунгарами и т. д.);

- южноазиатский (планы отправки экспедиции в Индию);

- западноазиатский (Персидский поход 1722–1723 годов).

Первый вектор вызывает у китайцев наибольший интерес, особенно много пишущих о русско-китайских отношениях в период Канси (1662–1723) – о продвижении России на Дальний Восток, вызванных им вооруженных пограничных конфликтах с маньчжурской властью, заключении Нерчинского договора, развитии торговли (в Пекине и на границе), учреждении Российской духовной миссии в Пекине и т. д.

Об остальных векторах внешней политики Петра Великого в Азии упоминается скупо и только в контексте рассуждений о его «великодержавном шовинизме» и «системе мировой агрессии», подражании им Александру Македонскому. Отмечается, что складывание этой системы началось после одержания царем в 1709 году победы в Полтавской битве и наступления перелома в Северной войне. Этот перелом якобы укрепил веру Петра I в свои военные таланты, разжег в нем амбиции завоевателя и побудил направить часть своих войск на силовое решение новых внешнеполитических задач, связанных не только с расширением территории России, но и приобретением ценных ресурсов – в первую очередь драгоценных металлов и камней, необходимых ему для ведения войн. Так состоялись экспедиция И. Д. Бухгольца в Яркенд (1715), Хивинский поход (1717), Персидский поход (1722–1723) и т. д. [19: 111–112].

Китайские историки склонны полагать, что до 1689 года Россия словно бы прошупывала силу цинского государства, постепенно проникая на территорию, которую маньчжурские правители считали исконно своей. После нескольких произошедших от этого приграничных вооруженных столкновений, в конечном счете обернувшихся для России поражением в Албазинском конфликте (1685–1686), 27 августа 1689 года был заклю-

чен Нерчинский договор. Наши историки – в том числе академик-китаевед В. С. Мясников (род. в 1931 году), уделивший этому договору в своей книге «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» объемную главу [1: 312–394], – считают его неравноправным и навязанным России под давлением окруживших Нерчинск китайских войск. Китайские историки хотя и признают подписание договора вынужденной для России мерой (в 1687 и 1689 годах два похода российских войск в Крым завершились неудачей, и война на востоке в таких условиях стране была не нужна [13: 51]), но все же видят его взаимовыгодным и даже чуть ли не щедрой уступкой со стороны императора Сюанье (правил в 1662–1722 годах). Если отставить в сторону споры о том, как надлежит понимать изложенные в первой статье договора туманные (по причине противоречивого в то время представления обеих сторон о географии тех мест и неверной трактовки использовавшихся географических названий) формулировки касательно должной линии прохождения границы между обеими странами, то другая статья, разрешавшая двустороннюю торговлю, открывала для россиян блестящие возможности, которыми они не преминули тут же воспользоваться. Уже в 1691 году россияне продали в Китае товаров на 7 562 рубля и привезли в Россию товаров на 23 591 рубль [5: 51]. Прибывшее в 1692 году в Пекин с группой купцов русское посольство Эверта Избранта Идеса (нидерл. Evert Ysbrants Ides, 1657–1708) привезло в Китай казенных товаров на 4 400 рублей, частных – на 12 600 рублей (из них 3 000 были вложениями самого Идеса), а в Россию увезли казенных товаров на 12 000 рублей, частных – почти на 26 000 рублей [5: 51]. И хотя с 1693 года разрешалась только государственная торговля, но и она за один поход в Китай приносила казне до 600 % прибыли [8: 107]. Поэтому объемы торговли постепенно росли. В 1706 году караван Г. А. Осколкова заработал для России 55 000 рублей, в 1708 году караван П. Л. Худякова – 270 000 рублей [5: 51]. К 1716 году торговый оборот по сравнению с 1698 годом вырос в 8 раз [5: 51]. Для сравнения: совокупный доход по всем статьям российского бюджета в 1710 году составил 3 134 000 рублей, а расходы на один только флот в том же году – 434 000 рублей [13: 52].

Фу Суньмин, Цзо Шу-э, Лю Шаохуа и другие историки находят, что торговля с Китаем для Петра Великого имела немаловажное значение, поскольку приносила русской казне ощутимый дополнительный доход, использовавшийся для развития экономики страны и ведения войн в Европе [5: 51], [13: 52], [25: 86]. Согласно их точке зрения, после поражения в 1685–1686 годах

Петр I не воспринимал Китай в качестве потенциального объекта для нападения, но усматривал в нем больше выгодного торгового партнера, масштабы торговли с которым он всячески стремился держать под своим контролем и расширять. Об этом свидетельствуют несколько фактов.

Во-первых, россияне постоянно нарушали установленные в 1693 году императором Сюанье ограничения: торговля могла вестись только государственными караванами в Пекине, количество караванов не должно было превышать одного в три года, в каждый караван разрешалось включать не более 200 человек и т. д. [8: 107], [9: 14]. В действительности же, как пишут китайцы, Россия за период с 1690 по 1722 год направила в Китай от 17 до 23 казенных караванов, количество участников в каждом из которых порой могло превышать 800 человек [25: 83], [14: 80]. Ху Личжун приводит китайские официальные данные, которые свидетельствуют о том, что между 1689 и 1727 годами купцы из России приходили в Пекин даже не менее 50 раз: он включил в это количество не только согласованные Петром I казенные караваны, но и от предприимчивых сибирских губернаторов и частные, прибывавшие в Китай на свой страх и риск [8: 107], [9: 14]. Чжао Шиго тоже установил, что частные караваны приходили в Китай в 4–5 раз чаще, чем казенные [23: 63]. Кроме того, Ху Личжун сообщает о бурном развитии региональной торговли с Китаем через Монголию – ее масштабы в 1721 году превышали торговлю в столице также в 4–5 раз [8: 108], [9: 16].

Во-вторых, Петр I, дабы оградить казну от конкуренции и потерь из-за полуофициальной (осуществлявшейся сибирскими чиновниками) и частной торговли, неоднократно принимал меры. В 1697 году специальным указом он ввел запрет негосударственным купцам торговать в Китае особо ценными видами пушнины [9: 14]. В 1706 году еще одним указом запретил сибирским чиновникам и сопровождавшим казенные караваны служилым людям вести в Пекине торговлю своими товарами, дополнительно установил строгий порядок организации казенных караванов [9: 14]. С другой стороны, царь стремился учесть также интересы частных торговцев. Когда Сюанье, обеспокоенный уроном, наносившимся российскими купцами Китаю, повелел с 1714 года впускать на территорию империи только те караваны, которые имели официальное разрешение российских властей, Петр Великий в ответ распорядился выдавать такие разрешения в Иркутске и Селенгинске [23: 63]. Подобные меры свидетельствуют о том, что Петр I внимательно следил за состоянием торговли с Китаем, прида-

вал ей важное значение, по возможности старался расширить ее и при этом направить в такое русло, чтобы наибольший доход получала государственная казна.

В-третьих, в то время когда российские сановники предлагали Петру I начать против Китая военные действия, чтобы с их помощью добиться снятия наложенных на Россию всех торговых ограничений, он, верно оценив трудности войны на удаленном фронте, предпочел пытаться решить проблему мирным способом – отправил в 1719 году в Китай посла Л. В. Измайлова (1685–1738) договариваться о дозволении подданным России торговать беспошлинно на территории всего Китая [25: 85]. И хотя миссия Льва Измайлова, как и следовало ожидать, закончилась в этой части неудачей, Петр I по-прежнему исключал возможность силового решения противоречий и продолжал торговать с Китаем на доступных условиях. Лю Шаохуа так объясняет его политику:

«...[Для Петра Великого] на Дальнем Востоке существовали два сценария возможных действий – воевать или торговать. Коль скоро Россия была занята войной с северным соседом и не могла себе позволить вступить одновременно в войну с Китаем, то оставалось только торговать» [13: 52].

Примерно в тех же выражениях пишет Цзо Шу-э [25: 85].

Несмотря на незаинтересованность Петра Великого в прямом столкновении с империей Цин, он тем не менее, согласно китайским историкам, не упускал благоприятного случая тайно досадить ей: поиграть на противоречиях между маньчжурской властью и вассальными по отношению к ней кочевыми племенами инородцев и переманить на свою территорию под российское подданство, к примеру, монгольский род в несколько сотен человек [14: 81], [23: 65]. Также считается, что Петр I скрытно поддерживал джунгар в их войне с Цин [24: 23]. В таких действиях царя маньчжуры и современные китайские историки усматривают коварное вмешательство во внутренние дела своего государства и основную причину прекращения в 1722 году цинами торговли с Россией на несколько лет [13: 52], [14: 81].

В связи с джунгарским вопросом китайские историки упоминают также посольскую миссию маньчжурского сановника Туличэня (图理琛, 1667–1741) в Россию в 1712–1715 годах [24: 23]. Туличэнь совершал визит к калмыцкому хану Аюке на Волгу, чтобы привлечь его к союзу с Цин в войне против джунгар. Хан перенаправил Туличэня к Петру I. С царем же послу встретиться не удалось из-за его продолжительного нахождения в районе военных действий со Швецией. Чжоу

Цзошао считает, что российский государь намеренно избежал нежелательной для него встречи, поскольку «неверно истолковал» мирные цели Туличэня и заподозрил цинское правительство в желании переманить к себе российских подданных. По словам Чжоу Цзошао, Петр Великий в той ситуации напрасно оказался слишком недоверчив, ибо император Сюанье даже не планировал причинять вред российским интересам [24: 24–25].

В китайских публикациях, посвященных отношениям России и Китая в эпоху Канси, некоторое внимание уделяется учрежденному тогда институту Российских духовных миссий в Пекине. Отношение к ним противоречивое. Чжао Шиго и Цзо Шу-э оценивают миссии положительно, как свидетельство мирных, добрососедских отношений и уникальный инструмент гуманитарного сотрудничества между обеими странами, полагая, что с его помощью осуществлялся важный обмен культурными и техническими достижениями, шла подготовка первых российских китаеведов и китайских русистов [23: 64], [25: 85]. Ян Юйлин же считал этот институт для обоих государств изначально бесполезным, в действительности не выполнявшим никаких других функций (ни религиозных, ни дипломатических), кроме обучения для непонятных целей единиц знатоков маньчжурского и китайского языков [22: 62–63].

При ознакомлении со статьями китайских историков может возникнуть впечатление, что в эпоху Петра I российско-китайские отношения развивались таким образом, что китайская сторона находила в них для себя больше негативных, чем позитивных моментов. От торговли между странами в выигрыше оказывалась Россия, вывозившая из Китая большое количество серебра. Это вызывало беспокойство. Провал Туличэня и приписывавшаяся царю тайная политика по

отношению к находившимся в зоне китайского влияния монгольским племенам держали маньчжурские власти в напряжении и вызывали подозрения в желании нарушить территориальную целостность Цин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив публикации китайских специалистов, исследовавших в 1977–1999 годах вопросы внешней политики России в эпоху Петра I, мы увидели, что в них охватывается практически вся международная деятельность первого российского императора. Были выделены европейское и азиатское направления в его политике. Внутри каждого направления определены основные векторы. Установлено, что часть работ носит обзорный характер, часть – посвящена специальным вопросам, главным образом связанным с Великим посольством Петра I в Европу и российско-китайскими отношениями. При этом отмечено сильное влияние на китайских историков работ К. Маркса и Ф. Энгельса, охарактеризовавших Петра Великого как проводника завоевательной политики и создателя «системы мировой агрессии». Силовой способ решения задач внешней политики рассматривается в качестве излюбленного для Петра I, якобы стремившегося к захватам в подражание Александру Македонскому для получения новых земель и необходимых для войн ценных ресурсов. В тех случаях, когда война была невозможна, Петр I прибегал к тайной дипломатии или стремился извлечь выгоду из торговых отношений – именно таким образом выстраивалось особенно интересное китайских историков сотрудничество с Китаем. В целом Петр I предстает в их публикациях политиком хитрым, коварным, практичным, нацеленным на достижение благ для России за счет других народов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1987. 516 с.
2. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
3. 道光丁酉年九月 // 东西洋考每月统记传. 爱汉者等编, 黄时鉴整理. 北京: 中华书局, 1997年. 273–274 页. (Девятый месяц года Динью эры Даогуан // Ежемесячная хроника общих заметок о Восточных и Западных морях / Под ред. Ай Ханьчжэ; Сост. Хуан Шицзянь. Пекин: Китайская литература, 1997. С. 273–274).
4. 董继民. 俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期. 58–66页. (Дун Цзиминь. Новые рассуждения о причинах расширения Российской империи // Вестник Цицикарского педагогического института (Философия и общественные науки). 1994. № 4. С. 58–66). DOI: 10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1994.04.013
5. 傅孙铭. 十八世纪中俄关系的主流及其性质 // 东北师大学报, 1984年, 第02期. 49–52页. (Фу Суньмин. Основные направления и особенности в российско-китайских отношениях XIX века // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1984. № 2. С. 49–52). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1984.02.009

6. 傅孙铭、冯兴盛。试析俄国向东方扩张与资本原始积累的关系 // 东北师大学报, 1985年, 第02期。46–51页。(Фу Суньмин, Фэн Синшэн. Пробный анализ связи расширения России на Восток с первоначальным накоплением капитала // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1985. № 2. С. 46–51). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1985.02.009
7. 高玉海。试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师专学报, 1989年, 第01期。60–63页。(Гао Юйхай. Коротко о посольстве Петра и его реформах // Вестник Педагогического института Суйхуа. 1989. № 1. С. 60–63).
8. 胡礼忠。中俄早期陆路贸易的回顾 // 浙江学刊, 1994年, 第03期 (总第86期)。105–110页。(Ху Личжун. Взгляд на прошлое российско-китайской сухопутной торговли // Чжэцзянский вестник. 1994. № 3 (86). С. 105–110). DOI: 10.16235/j.cnki.33-1005/c.1994.03.024
9. 胡礼忠。中俄早期陆路贸易述论 // 史林, 1994年, 第01期。12–19页。(Ху Личжун. Размышления о российско-китайской сухопутной торговле // Исторический вестник. 1994. № 1. С. 12–19).
10. 敬东。大使团的西欧之行与沙俄扩张战略的转移 // 兰州教育学院学报, 1985年, 第03期。9–15页。(Цзин Дун. Великое посольство на Запад и поворот царской России к экспансии // Вестник Ланьчжоуского института образования. 1985. № 3. С. 9–15).
11. 李乃玲。北方战争期间彼得一世的结盟外交 // 外交学院学报, 1987年, 第02期。29–35页。(Ли Найлин. Союз в дипломатии Петра I в годы Северной войны // Вестник Института дипломатии. 1987. № 2. С. 29–35). DOI: 10.13569/j.cnki.far.1987.02.008
12. 林军。《彼得一世的外交》评介 // 外交学院学报, 1986年, 第02期。87–89页。(Линь Цзюнь. Рецензия на «Дипломатию Петра I» // Вестник Института дипломатии. 1986. № 2. С. 87–89). DOI: 10.13569/j.cnki.far.1986.02.015
13. 刘少华。论彼得一世时期俄国对华政策转变的原因 // 湖南科技大学学报 (社会科学版), 1993年, 第14卷, 第05期。50–64页。(Лю Шаохуа. О причинах изменения политики России по отношению к Китаю при Петре I // Вестник Хунаньского технологического университета (Общественные науки). 1993. Т. 14. № 5. С. 50–64).
14. 卢明辉。17世纪至18世纪前期中俄边境贸易的建立与发展 // 北方文物, 1990年, 第04期 (总第24期)。77–82页。(Лу Минхуэй. Складывание и развитие российско-китайской приграничной торговли в XVII – первой половине XVIII веков // Памятники культуры Севера. 1990. № 4 (24). С. 77–82). DOI: 10.16422/j.cnki.1001-0483.1990.04.020
15. 莫尔恰诺夫 Н. Н. 评彼得一世的外交 // 函授教育, 1996年, 第01期。108–111页。(Молчанов Н. Н. Оценка внешней политики Петра I // Заочное обучение. 1996. № 1. С. 108–111).
16. 南海。彼得大帝送的厚礼 // 南风窗, 1991年, 第01期。50页。(Нань Хай. Дары от Петра Великого // Окно южных нравов. 1991. № 1. С. 50). DOI: 10.19351/j.cnki.44-1019/g2.1991.z1.034
17. 汤晓黎。打开朝向欧洲“窗口”的人——评彼得一世 // 台州师专学报 (社会科学版), 1994年, 第02期。53–57页。(Тан Сяоли. Человек, открывший «окно» в Европу – Оценка деятельности Петра I // Вестник Тайчжоуского педагогического института (Общественные науки). 1994. № 2. С. 53–57). DOI: 10.13853/j.cnki.issn.1672-3708.1994.02.010
18. 陶惠芬。彼得使团与岩仓使团西方之行的比较 // 世界历史, 1986年, 第10期。45–60页。(Тао Хуэйфэн. Сравнение посольских миссий Петра и Ивакуры на Запад // Мировая история. № 10. С. 45–60).
19. 彤心、史兵。彼得一世的对外侵略扩张 // 历史研究, 1977年, 第01期。104–116页。(Тун Синь, Ши Бин. Внешняя агрессия и расширение Петра I // Исторические исследования. 1977. № 1. С. 104–116).
20. 王杨。彼得一世微服访列国 // 决策与信息, 1999年, 第12期 (总第181期)。88页。(Ван Ян. Тайная поездка Петра I за рубеж // Стратегия и информация. 1999. № 12 (181). С. 88).
21. 严鋋钰。彼得一世与康熙皇帝之比较 // 广西社会科学, 1999年, 第02期。74–78页。(Янь Чжияй. Петр I и Канси // Общественные науки Гуанси. 1999. № 2. С. 74–78).
22. 杨玉林。俄国东正教北京传教士团早期历史探微 // 龙江社会科学, 1994年, 第06期 (总第27期)。61–64页。(Ян Юйлин. Изыскания о раннем периоде в истории Русской православной миссии в Пекине // Общественные науки Лунцзяна. 1994. № 6 (27). С. 61–64).
23. 赵士国。康熙时期中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997年, 第26卷, 第06期。60–65页。(Чжао Шигу. Размышления о российско-китайских отношениях в годы эры Канси // Вестник Хунаньского педагогического университета. Общественные науки. 1997. Т. 26. № 6. С. 60–65).
24. 周祚绍。康熙后期中俄关系基本态势简析 // 文史哲, 1991年, 第03期。17–25页。(Чжоу Цзошао. Краткий анализ общего состояния российско-китайских отношений в конце периода Канси // История, литература и философия. 1991. № 3. С. 17–25). DOI: 10.16346/j.cnki.37-1101/c.1991.03.004
25. 左书镔。论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方历史版), 1985年, 第04期。81–86页。(Цзо Шу-э. О российско-китайских отношениях периода Канси // Хэйхэский вестник (Серия: Краеведение). 1985. № 4. С. 81–86). DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016

Поступила в редакцию 11.06.2020

Dmitrii I. Maiatskii, PhD in History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
d.mayatsky@spbu.ru

FOREIGN POLICY OF PETER THE GREAT IN THE ARTICLES OF CHINESE HISTORIANS OF THE 1980s AND THE 1990s*

The topic of this article is relevant due to the growing interest in studying the history of contacts between China and the Russian state expressed by Russian and Chinese scholars over the last decades (especially after the Belt and Road

Initiative was announced in 2013). Political activities of the first Russian Emperor Peter the Great (reigned 1682–1725), who contributed greatly to the formation and development of regular Sino-Russian relations in various fields, were a significant part of these contacts. The article investigates the issue of dialogue between states and civilizations, as well as the perception of nations by other nations – in this case, through reinterpreting historical facts. Both issues have increasingly attracted attention, especially with increasing globalization. The article also deals with one of the issues that can be raised while studying the image of Peter the Great in Chinese academic literature, namely, the evaluation of his activities in the field of Russia's foreign policy. This issue has never been examined previously in Russia or abroad. The author reviews Chinese publications of the 1980s and the 1990s that investigate the foreign policy of Peter I in China in order to identify, classify and study research domains and specific issues connected with Peter's diplomacy, which were of special concern to Chinese scholars. The author reveals how the foreign policy activities of Peter I were perceived and interpreted in China, and determines the possible sources for some of these interpretations and perceptions. The article intends to attract the researchers' attention to the problems connected with Russia's image in China and to throw some light on how the Chinese perceive such a prominent historical figure as Peter the Great.

Keywords: Peter I, Russia and China, Qing Empire, image of Peter I, imagology, Sino-Russian relations, Russia's foreign policy

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Peter the Great and East Asian Countries: Sociocultural Interpretation and Adaptation".

Cite this article as: Maiatskii D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512

PEFERENCES

1. Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk, 1987. 516 p. (In Russ.)
2. Samoylov N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 107–114. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
3. 道光丁酉年九月 // 东西洋考每月统记传. 爱汉者等编, 黄时鉴整理. 北京: 中华书局, 1997年. 273–274页。
4. 董继民. 俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期. 58–66页. DOI: 10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1994.04.013
5. 傅孙铭. 十八世纪中俄关系的主流及其性质 // 东北师大学报, 1984年, 第02期. 49–52页. DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1984.02.009
6. 傅孙铭、冯兴盛. 试析俄国向东方扩张与资本原始积累的关系 // 东北师大学报, 1985年, 第02期. 46–51页. DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.1985.02.009
7. 高玉海. 试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师专学报, 1989年, 第01期. 60–63页。
8. 胡礼忠. 中俄早期陆路贸易的回顾 // 浙江学刊, 1994年, 第03期 (总第86期). 105–110页. DOI: 10.16235/j.cnki.33-1005/c.1994.03.024
9. 胡礼忠. 中俄早期陆路贸易述论 // 史林, 1994年, 第01期. 12–19页。
10. 敬东. 大使团的西欧之行与沙俄扩张战略的转移 // 兰州教育学院学报, 1985年, 第03期. 9–15页。
11. 李乃玲. 北方战争期间彼得一世的结盟外交 // 外交学院学报, 1987年, 第02期. 29–35页. DOI: 10.13569/j.cnki.far.1987.02.008
12. 林军. 《彼得一世的外交》评介 // 外交学院学报, 1986年, 第02期. 87–89页. DOI: 10.13569/j.cnki.far.1986.02.015
13. 刘少华. 论彼得一世时期俄国对华政策转变的原因 // 湖南科技大学学报 (社会科学版), 1993年, 第14卷, 第05期. 50–64页。
14. 卢明辉. 17世纪至18世纪前期中俄边境贸易的建立与发展 // 北方文物, 1990年, 第04期 (总第181期). 77–82页. DOI: 10.16422/j.cnki.1001-0483.1990.04.020
15. 莫尔恰诺夫 H. H. 评彼得一世的外交 // 函授教育, 1996年, 01期. 108–111页。
16. 南海. 彼得大帝送的厚礼 // 南风窗, 1991年, 第01期. 50页. DOI: 10.19351/j.cnki.44-1019/g2.1991.z1.034
17. 汤晓黎. 打开朝向欧洲“窗口”的人——评彼得一世 // 台州师专学报 (社会科学版), 1994年, 第2期. 53–57页. DOI: 10.13853/j.cnki.issn.1672-3708.1994.02.010
18. 陶惠芬. 彼得使团与岩仓使团西方之行的比较 // 世界历史, 1986年, 第10期. 45–60页。
19. 彤心、史兵. 彼得一世的对外侵略扩张 // 历史研究, 1977年, 第01期. 104–116页。
20. 王杨. 彼得一世微服访列国 // 决策与信息, 1999年, 第12期 (总第181期). 88页。
21. 严鋋钰. 彼得一世与康熙皇帝之比较 // 广西社会科学, 1999年, 第02期. 74–78页。
22. 杨玉林. 俄国东正教北京传教士团早期历史探微 // 龙江社会科学, 1994年, 第06期 (总第27期). 61–64页。
23. 赵士国. 康熙时期中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997年, 第26卷, 第06期. 60–65页。
24. 周祚绍. 康熙后期中俄关系基本态势简析 // 文史哲, 1991年, 第03期. 17–25页. DOI: 10.16346/j.cnki.37-1101/c.1991.03.004
25. 左书谔. 论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方历史版), 1985年, 第04期. 81–86页. DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016

Received: 11 June, 2020

МАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕРЕВКО

старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
marina84ch@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ТАЙВАНЯ В «ХУАН ЦИН ЧЖИ ГУН ТУ»*

Актуальность статьи связана с неуклонно растущим интересом к изучению истории и этнографии Китая, включая Тайвань, особенно в свете сложных отношений материкового Китая и острова Тайвань, споров о единых этнических корнях и в связи с появлением большого числа исследований ученых КНР, касающихся общности истории Тайваня и Китая. На некоторые вопросы, связанные с происхождением коренного населения острова, особенностями быта и обычаями тайваньских аборигенов, можно пролить свет, обратившись к изучению китайского историко-этнографического сочинения второй половины XVIII века «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»). В этом историческом памятнике значительная часть одного из цзюаней посвящена коренным народностям, населявшим в то время остров Тайвань. Их анализ позволяет, помимо описания внешности, уклада жизни и традиций представителей коренных жителей, уяснить особенности отношения Цинского двора к «восточным варварам» (так в тот период в Китае называли жителей острова Тайвань), ясно выраженного в концепции «цивилизованный Китай – варварские окраины». Такова была модель мира, традиционно принятая в Китае. Изучение иллюстративного материала «Хуан Цин чжи гун ту» и сопутствующих текстов, соотнесение их содержания с данными династийных историй и исторических источников периода Мин и Цин, созданных ранее исследуемого нами источника и описывающих коренных жителей Тайваня, а также рассмотрение целого ряда географических карт острова разных периодов правления Цинской династии позволили автору разносторонне проанализировать представленный материал. Кроме того, в статье рассмотрены специфические черты изображения представителей тайваньских племен. Впервые осуществлен перевод на русский язык фрагментов из третьего цзюаня альбома «Хуан Цин чжи гун ту», описывающих тайваньские народности, которые автор дополнил комментарием и подверг всестороннему анализу. Одной из важных задач стало привлечение внимания исследователей коренных народов Тайваня к ценной информации по данной теме, содержащейся в «Хуан Цин чжи гун ту».

Ключевые слова: история Тайваня, аборигены острова Тайвань, Китай, этнография Тайваня, «Хуан Цин чжи гун ту»

Для цитирования: Черевко М. В. Особенности изображения и характеристики коренных народов Тайваня в «Хуан Цин чжи гун ту» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.513

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена изучению сведений о коренных жителях острова Тайвань, содержащихся в 3-м цзюане китайского историко-этнографического памятника из коллекции китайских ксилографических книг Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ (шифр Хул. 348) – «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту» 皇清職貢圖, далее – сокращенно «Чжи гун ту»)¹ [23]. Этот иллюстрированный альбом, представляющий собой историко-географическое и этнографическое сочинение, был составлен и издан по указу императора Цяньлуна в 1751 году коллективом уче-

ных во главе с Фу Хэном (傅恒), а в 1760–1780-х годах отпечатан ксилографическим способом и включал 9 тетрадей, сгруппированных по региональному принципу. Тексты альбома содержат краткое описание населения различных государств и регионов, о которых было известно в Китае ко времени создания памятника, а также внутренних земель Цинской империи. Изначально альбом представлял четыре свитка шириной около 33 см и длиной около 150 см (авторами цветных изображений данников были Се Суй, Дин Гуаньпэн, Цзинь Тинбяо, Яо Вэньхань и Чэн Лян). Затем альбом был размножен с упрощениями в ксилографической форме, рисунки к нему

выполнил главным образом Мэн Циньань. Подробнее об этом можно узнать из недавних публикаций сотрудников Восточного факультета СПбГУ Н. А. Самойлова, Д. И. Маяцкого, Н. А. Сомкиной, А. М. Харитоновой и Т. С. Мироновой [2], [3], [4], [5], [6], [7], [9], [10], [11].

Основная цель статьи – развернутый анализ представленных в «Чжи гун ту» фрагментов о «данниках» с острова Тайвань, их структуры и содержания, а также сопоставление иллюстраций с описательным текстом. Интерес к данной теме обусловлен уникальностью и количеством сведений в данном источнике, посвященных тайваньским аборигенам. 13 пар изображений мужчин и женщин, представляющих народности того или иного района острова (всего 26 рисунков) в сопровождении 13 пояснительных подписей, содержат сведения о внешности, одежде, укладе жизни и обычаях туземцев. Таким образом, коренным народностям Тайваня отведена значительная часть 3-го цзюаня. Кроме того, в пояснительных описаниях к изображениям аборигенов указываются названия поселений местных жителей (племенных объединений *шэ*社) для уточнения племенной группы, к которой они принадлежат [17: 55, 107]. Соотнесение коренного населения острова Тайвань с определенными *шэ* приравнивалось к выделению отдельных племен с их особенностями быта, материальной культурой и обычаями. В цинском Китае подобная классификация заменяла выделение племен по этнолингвистическому принципу, что отразилось в тексте «Чжи гун ту», где присутствуют описания аборигенов, проживающих на определенных территориях названных поселений [14: 24–37]. Данные топонимы можно найти на картах того времени². Следует отметить, что это первый источник (не регионального, а общегосударственного масштаба), в котором так подробно описаны коренные племена Тайваня.

В большинстве современных научных публикаций, рассматривающих присоединение острова Тайвань к Китайской империи, этнографические и культурные особенности тайваньского региона в эпоху правления династии Цин [15: 63–82], «Хуан Цин чжи гун ту» в качестве полезного источника информации упоминается лишь косвенно или без детального описания и анализа, однако данный труд, на наш взгляд, заслуживает существенного внимания с точки зрения качества и количества содержащихся в нем сведений [12], [19]. (Подробнее об истории изучения Тайваня см. [1]). Обращаясь к содержанию альбома, можно заметить особое отношение Цинского дво-

ра к отдаленным территориям и «варварским» народам, в том числе и «восточным варварам» «*дунфань*» (東番), как нередко называли коренных жителей Тайваня. Здесь определенно прослеживается традиционная политическая концепция императорского Китая, направленная на подчеркивание собственного цивилизационного превосходства над обитателями недавно присоединенных территорий [21].

Особая ценность «Чжи гун ту» для изучения коренного населения Тайваня заключается в том, что в прежних исторических хрониках, создававшихся при императорском дворе, никогда не уделялось столько внимания описанию жителей Тайваня. Эти территории долгое время были внешними, не будучи включенными в состав Китайской империи. Начиная с династии Цин Тайвань входит в состав внутренних земель, таким образом остров оказался в непосредственном подчинении Сыну Неба, который, безусловно, должен был обладать четкими представлениями о новых подданных [16: 103–107]. К моменту создания «Чжи гун ту» остров уже около века находился под административным управлением Цинской династии и все это время переживал миграцию китайского населения из внутренних перенаселенных районов империи [14: 8–14]. К тому же цинская политика, ставившая целью окультуривание «варваров», вошедших в состав империи, начала давать свои результаты. Отсюда и намеренно подчеркнутая разница в описании двух типов «варваров» – «окультуренных», признавших себя данниками Китая и подвергшихся «китаизации», и «диких», которых еще не успело коснуться влияние китайской культуры.

Изначально, когда остров Тайвань официально вошел в состав Цинской империи в 1683 году, он был разделен на три района-уезда (сянь 縣): Тайвань (臺灣縣), Чжуло (諸羅縣) и Фэншань (鳳山縣), составивших область Тайвань (Тайвань-фу 臺灣府) провинции Фуцзянь. В 1721 году из уезда Чжуло были выделены уезд Чжанхуа (彰化縣) и округ Даньшуй (淡水廳) [24].

Обратимся к структуре иллюстраций «Хуан Цин чжи гун ту», изображающих местных жителей острова Тайвань. Первое, что обращает на себя внимание, это порядок перечисления тайваньских племен с юга на север, от уездов Фэншань и Тайвань, находящихся в южной части острова, к округу Даньшуй на его северной оконечности. Укажем на особенности составления географических карт эпохи Цин, на которых, в отличие от современных, остров Тайвань был расположен горизонтально, так что уезды размещались не сверху вниз, а справа налево (справа – юг, слева – север), в том направлении, как

разворачивались рукописные свитки и традиционно читались тексты на вэньяне. Поэтому сначала следуют уезд Фэншань и Тайвань, затем – в обозначенном порядке – другие, вплоть до округа Даньшуй в самой северной части острова. В заголовках сопутствующих статей при каждой иллюстрации сначала перечисляются «просвещенные варвары» (熟番, *шу фань*) – 8 фрагментов, а затем – «неокультуренные варвары», или «дикари» (生番, *шэн фань*), – 5 фрагментов [8: 4], [20: 122–148]. При этом особо отметим, что статей с описаниями «неокультуренных варваров» почти вдвое меньше, чем посвященных «окультуренным варварам». Можно допустить, что это сделано умышленно, чтобы подчеркнуть успех политики цинского правительства, нацеленной на «китаизацию» варваров («культурную ассимиляцию», то есть «приобщение к цивилизации») и ориентированной на покорение не силой, но авторитетом Сына Неба, наделенного благой силой дэ (сакральной благодатью, дарованной Небом), и благотворным влиянием китайской цивилизации [18: 507].

Коренные жители Тайваня в «Чжи гун ту» названы *фань* 番 – это один из терминов, обозначающих «варварские народы», наряду с другими, такими как *и* 夷, *мань* 蠻, *жун* 戎 и *ди* 狄. Термин *фань* 番, помимо описания аборигенов острова Тайвань, в данном альбоме можно встретить также при описании жителей Тибета и народности *и* (彝), которых относили к так называемым западным варварам «*си фань*» (西番). Коренных жителей Тайваня в свою очередь считали «восточными варварами» – «*дун фань*» (заметим, что в эпоху Мин остров Тайвань во многих источниках назван Дунфань, например, у Чэнь Ди в его «Записках о восточных варварах *фань*» – кит. 陳第《東番記》).

Поскольку этнографические альбомы «Чжи гун ту» готовились специально для императорского двора, дабы перед взором правителя Поднебесной все его подданные предстали во всем многообразии и со всеми характерными особенностями, была проделана огромная работа по изучению имевшихся на тот момент источников этнографического характера, в том числе содержавших изобразительный материал. Особенно это было необходимо для подготовки частей альбома, посвященных населению недавно присоединенных земель, чтобы император мог лучше представить облик, нравы и быт своих подданных. К моменту начала работы над составлением альбома «Хуан Цин чжи гун ту» имелось достаточно много описаний острова Тайвань и коренного населения, подготовленных на региональном уровне [24]. Помимо этого существовали

книги о путешествиях к тайваньским землям, своего рода путевые заметки (например, «Описание посольства через Тайваньский пролив» Хуан Шуцзина, кит. 黃叔敬《臺灣使槎錄》, «Тайвань *шича лу*») [22]. Можно предположить, что именно благодаря таким материалам составителям «Чжи гун ту» удалось создать достаточно точные и, несмотря на лаконичность, высоко информативные описания и подготовить приближенные к реальному облику туземцев их рисованные изображения³.

Итак, попробуем установить, почему в «Хуан Цин чжи гун ту» по сравнению с текстами династийных историй и официальных хроник отведена столь важная часть описанию нравов и обычаев коренного населения Тайваня.

Во-первых, по причине относительно недавнего присоединения Тайваня особый смысл вкладывался в противопоставление «цивилизованных» племен (то есть приобщенных к китайской культуре) «варварским», успешное «окультуривание» диких племен наглядно демонстрировало закрепление китайского влияния и авторитета. В этой связи стоит вспомнить о большом количестве переселенцев из внутренних районов Китая, ускоривших процесс ассимиляции на Тайване, где Цинским двором довольно успешно проводились мероприятия по обучению, окультуриванию местного населения и освоению территорий. Таким образом, в описаниях, имеющихся в «Чжи гун ту», содержится подтверждение преобразующего воздействия китайской цивилизации на «варваров», равно как и глубокого знания местных реалий и обычаев.

Во-вторых, ко времени создания «Чжи гун ту» на местном региональном уровне уже было создано немалое количество описаний острова Тайвань, составленных чиновниками, уполномоченными императорского двора в провинции Фучжоу, которой была подчинена область Тайвань. Зачастую в их отчеты и донесения включались иллюстрации и картографический материал.

Если обратиться к структуре альбома «Чжи гун ту», то можно увидеть, что каждый фрагмент включает по одному отдельному изображению мужчины и женщины, принадлежащих к описываемой народности, и лаконичный комментарий с информацией как географического, так и этнографического характера. Надо отметить, что иллюстрации и подписи к ним дополняют друг друга. Описательные тексты, помещенные рядом с иллюстрациями, до определенной степени поясняют ксилографические изображения, благодаря чему малозаметные или нечеткие детали рисунков могут стать понятными для читателя.

При внимательном ознакомлении с внешностью представителей острова Тайвань на иллюстрациях в «Чжи гун ту» (8 изображений из 26 представлены на рис. 1–7) можно без труда заметить, что их лица не имеют монголоидных черт. Современные исследования подтверждают принадлежность коренных жителей Тайваня к австронезийским народам и их родство с этносами, населявшими острова Океании. Мы обратились к иллюстрациям изучаемого альбома, изображающим представителей народов Юго-Восточной Азии, и обнаружили заметное антропологическое сходство между ними и тайваньскими аборигенами (в китайской этнографии зачастую их называют общим термином «гаошаньцзу» 高山族). Например, при сравнении представителей Тайваня с жителями Явы и Камбоджи возникло ощущение их генетического родства⁴. Таким образом, данные альбома могут служить дополнительным материалом при проработке некоторых гипотез об этнической принадлежности коренных тайваньцев [13].

Если обратиться к изображениям «неокультуренных варваров» (生番, *шэн фань*) и их описаниям из альбома «Чжи гун ту», то можно увидеть образы далеких от культуры дикарей, отличающихся свирепым нравом, полуголых, с развитым и мускулистым телом, облаченных в шкуры убитых животных, с копьями, кинжалами и луками, в воинственных позах, со страшными гримасами, отпугивающими и внушающими страх. Подобный набор характеристик отсылает нас к иконографии существ из мира нечисти, населяющей буддийский ад, которая к тому времени была хорошо разработана и знакома китайцам. Вероятно, чтобы выразить свое предубеждение против неокультуренных, незнакомых с конфуцианскими принципами диких племен, не имея необходимого изобразительного материала или возможности более близкого с ними контакта, за основу были взяты демонические образы, вселяющие ужас и отвращение. Необходимо отметить ряд общих признаков, говорящих об отсутствии культуры и цивилизованности у этих народов, несомненно умышленно подчеркнутых художником, – шкуры животных вместо одежды, отсутствие обуви, распущенные волосы, острые ногти на ногах, напоминающие когти диких животных, растянутые бамбуковыми кольцами мочки ушей. Кроме того, их фигуры намеренно представлены в динамике, что усиливает эффект отторжения дикого, несдержанного нрава «варваров», далеких от норм конфуцианской этики и морали («*нрав их суров и необуздан, главным занятием является убийство*» 性剛狠, 以殺為事⁵). На рис. 1–4 представлены четыре мужских персонажа, относящи-

ся к «неокультуренным варварам» (*шэн фань*) разных уездов: рис. 1–2 показывают «диких», но уже признавших себя подданными китайского императора представителей разных племен (поселений *шэ*) уезда Чжанхуа и Фэншань, поэтому в подписях находим два иероглифа 歸化 *гуйхуа*, которые можно перевести как «подчиниться, признать вассалитет, прийти под покровительство» или «окультуривать», рис. 3 («варвар» из уезда Чжанхуа) и рис. 4 (из округа Данышуй) – непокорившихся «неокультуренных варваров», не признавших власть Цинского двора. Всех их объединяют описанные выше особенности изображения, целью которых было показать, насколько ужасно могут выглядеть представители народов, незнакомых с культурой и воспитанием. Причем «непокорные варвары», не желающие «окультуриваться», имеют более яростный и неистовый вид [20: 149–173].

Если обратиться к их словесным описаниям, можно встретить на первый взгляд невероятные и даже наводящие ужас характеристики: «*едят сырое мясо и пьют кровь животных*» (茹毛飲血), «*живут в пещерах и гнездах*» (巢居穴處), «*пальцы ног напоминают куриную лапу*» (足趾若雞爪), «*взбираются на деревья, будто взлетают*» (攀援樹木, 趨捷如飛), «*лазают по горам и пробираются сквозь заросли бамбука, подобно обезьянам*» (登峰越箐, 捷若猿猴). Можно предположить, что некоторые моменты были намеренно утрированы с целью подчеркнуть дикость этих племен, хотя подтверждения такому поведению можно найти в воспоминаниях европейцев, посещавших остров в тот период. На фоне этих «дикарей» несомненно выигрышно представлены «цивилизованные варвары» из тех районов острова Тайвань, которых коснулось облагораживающее влияние китайской культуры [25]. Из описаний нам становится известно об их приобщенности к музыке: например, в округе Данышуй «окультуренные варвары» (*шу фань*) играют на бамбуковом цине и флейте (рис. 7), а в уезде Чжуло некоторые жители искусно играют носом на бамбуковой флейте длиной в 2–3 *чи* (60–90 см) (кит. 能截竹為簫長二三尺以鼻吹之⁶) (рис. 5). Кроме того, они постригают волосы в противоположность ходящим с распущенными волосами «неокультуренным варварам», занимаются торговлей и земледелием, носят украшения, соблюдают праздники. В отличие от «диких» (*шэн фань*), которые изображены с различными видами оружия, с весьма воинственным видом (в динамике), «окультуренные варвары», напротив, представлены спокойными и миролюбивыми (в статике), чаще всего держат в руках музыкальные инструменты, орудия труда, плоды рук своих и предметы быта

Рис. 1.

Рис. 1. «Неокультуренный покорившийся варвар» из уезда Чжанхуа, поселения типа Шуйшалянь
Figure 1. "Uncivilized obedient barbarian" from Zhanghua county, Shuishalian settlement

Рис. 2

Рис. 2. «Неокультуренный покорившийся варвар» из уезда Фэншань, поселения типа Шаньчжумао
Figure 2. "Uncivilized obedient barbarian" from Fengshan county, Shanzhumao settlement

Рис. 3.

Рис. 3. «Неокультуренный варвар» из уезда Чжанхуа, поселения типа Нэйшань
Figure 3. "Uncivilized barbarian" from Zhanghua county, Neishan settlement

Рис. 4.

Рис. 4. «Неокультуренный варвар» из округа Даньшуй, поселения типа Юунай
Figure 4. "Uncivilized barbarian" from Danshui subprefecture, Youwunai settlement

(рис. 5–7). В этом выражается принятое в конфуцианстве противопоставление у 武 (воинственности) и 文 文 (культуры), причем культура всегда ставилась выше. В качестве примера приведем два изображения из альбома. На рис. 5 мы видим женщину из общины Сяолун уезда Чжуло с лепешками из рисовой муки, которыми обычно обмениваются ее соплеменники, празднуя наступление нового года, а на рис. 6 – представителя «окультуренных варваров» из горной части уезда Чжуло с ананасом в руках, ананас издавна считается примером местной тайваньской продукции и весьма любим местным населением вплоть до настоящего времени.

Рис. 5. «Окультуренные варвары» из уезда Чжуло, поселения типа Сяолун

Figure 5. "Civilized barbarians" from Zhuluo county, Xiaolong settlement

Рис. 6.

Рис. 6. «Окультуренный варвар» из уезда Чжуло, поселения типа Чжуло

Figure 6. "Civilized barbarian" from Zhuluo county, Zhuluo settlement

Рис. 7

Рис. 7. «Окультуренный варвар» из округа Даньшуй, поселения типа Дэхуа

Figure 7. "Civilized barbarian" from Danshui subprefecture, Dehua settlement

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения фрагментов третьего цзюаня альбома «Изображения данников правящей династии Цин», описывающих коренных жителей Тайваня, анализа их структуры и содержания были сделаны выводы относительно возможных источников информации о коренном населении Тайваня, приведенной в «Чжи гун ту», а также касательно способов организации материала и выбранного порядка расположения иллюстраций (согласно последовательности расположения уездов с юга на север). Раскрыт характер сообщаемых сведений о тайваньских народностях через описание их внешнего вида и обычаев, объяснены причины разделения в альбоме всех обитателей острова на «окультуренных» и «неокультуренных» варваров *фань*. На этом основании можно с уверенностью утверждать, что существует безусловная связь данного памятника с традиционным представлением о мироустроительной

функции императорского Китая в отношении «варварских народов» – данников.

Безусловно, этот альбом вряд ли может дать исчерпывающую информацию о внешности, бытовом укладе и обычаях коренного населения Тайваня середины XVIII века, однако он формирует общее представление о разнообразии народностей, населявших столь небольшой по территории остров, содержит сведения об административном делении Тайваня в рассматриваемый период, а также детальные изображения представителей разных тайваньских племен, отражающие их внешний облик и занятия. Важно отметить, что в данном источнике общегосударственного масштаба и значения описанию тайваньских аборигенов отведена значительная часть целого цзюаня, что не имело прецедентов в прошлом. Кроме того, некоторая информация из текстов, поясняющих изображения «данников» с острова Тайвань, встречается только в этом источнике и может рассматриваться как редкая и особенно ценная.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 皇清职贡图. 九册. 北京: 武英殿, 1790年. 第3册. 79页. 第23-a-第48-b页 (Изображения данников правящей династии Цин: В 9 т. Пекин: Уиндянь, 1790. Т. 3. С. 23-a–48-b).
- ² China's island frontier: Studies in the historical geography of Taiwan. (R. G. Knapp, Ed.). Honolulu: University of Hawai'i Press, 1980.
- ³ In their footsteps: a special exhibition of images and documents on indigenous peoples in Taiwan. Taipei: National Palace Museum, 2013. (履踪: 台湾原住民文献图书特展/ 主编宋兆霖. 臺北市: 國立故宮博物院, 2013.).
- ⁴ Азаренко Ю. А. Освоение Тайваня австронезийцами (по археологическим материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 9–19.
- ⁵ 皇清职贡图. 九册. 北京: 武英殿, 1790年. 第3册. 79页. 第23-a-第48-b页 (Изображения данников правящей династии Цин: В 9 т. Пекин: Уиндянь, 1790. Т. 3. С. 48-a).
- ⁶ Там же. С. 30-a.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головачев В. Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв. / Отв. ред. А. Д. Дикарев. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 320 с.
2. Маяцкий Д. И. Проблема идентификации 15-государств «Да-сянь-го» и «Сяо-сянь-го» в «Изображениях данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 23–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408
3. Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 111–114.
4. Миронова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 114–116.
5. Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 116–117.
6. Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И. Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437–455. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-437-455
7. Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 117–119.

8. Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978. 338 с.
9. Харитонов А. М. Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 119–122.
10. Харитонов А. М. История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 43–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.370
11. Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 122–124.
12. Чигринский М. Ф. Аборигены Тайваня: очерк этнической истории и традиционной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 27 с.
13. Чигринский М. Ф. Об австронезийской миграции на Тайване // Маклаевские чтения, 1993–1994. СПб., 1994. С. 98–102.
14. Chen Kang Chai. Taiwan aborigines. Cambridge, Mass., 1967. 254 p.
15. Davidson Y. W. The island of Formosa, past and present. London, and New York, 1903. 844 p.
16. Imbault-Huart C. L'île Formosa. Paris, 1898. 323 p.
17. Knapp Ronald G. (Ed.). China's island frontier: Studies in the historical geography of Taiwan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1980. 297 p.
18. Myers Ramon H. Taiwan under Ch'ing imperial rule, 1684–1895: The traditional order // Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hong Kong. 1971. Vol. 4.2. P. 495–520.
19. Steere Joseph Beal. Formosa and its inhabitants (Paul Jen-kuei Li, Ed.). Taipei, 2002. 218 p.
20. Teng Emma Jinhua. Taiwan's imagined geography: Chinese colonial travel writing and pictures, 1683–1895. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Asia Center, 2004. 419 p.
21. 陈国强. 谈关于台湾、高山族古代史的若干问题 — 从《四库全书·史部》记述说起. 民族研究. 1995 (02). 87–92页. (Чэнь Госян. Объяснение ряда вопросов по истории Тайваня и коренного населения Гаошань-цзу на материале исторического раздела «Сы ку цюань шу» // Минцзу яньцзю. 1995. № 2. С. 87–92)
22. 黄叔璥. 台海使槎录. 台北: 台湾大通书局, 1984. (Хуан Шуцзинь. Описание посольства в Тайваньский пролив. Тайбэй: Изд-во Датун Тайваня, 1984)
23. 皇清职贡图. 九册. 北京: 武英殿, 1790年. 第3册. 79页. 第23-a-第48-b页 (Изображения данников правящей династии Цин: В 9 т. Пекин: Уиндянь, 1790. Т. 3. С. 23-a–48-b).
24. 蒋毓英. 台湾府志. 北京: 中华书局, 1985. (Цзян Люин. Описание области Тайвань. Пекин: Изд-во Центрального Китая, 1985).
25. 王庆华. 清代采风民族志中台湾“熟番”的社会文化. 厦门大学, 2009年. (Ван Цинхуа. Социальная культура «цивилизованных варваров» (шу фань) острова Тайвань по материалам источников эпохи Цин, описывающих местные обычаи и нравы: Дис. ... магистра. Сямэньский университет, 2009. 118 с.)

Поступила в редакцию 11.06.2020

Marina V. Cherevko, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
marina84ch@yandex.ru

SPECIFIC DESCRIPTIONS AND CHARACTERISTICS OF TAIWANESE INDIGENOUS PEOPLES IN THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC BOOK *HUANG QING ZHI GONG TU**

The research presented in this paper is relevant because of the growing interest in studying the history and ethnography of Mainland China and Taiwan, especially given strained relations between them, debates around their common ethnic roots, and an increasingly large number of Chinese studies suggesting that both countries have a common history. Some questions about the origins, everyday life and traditions of Taiwanese indigenous peoples can be answered by studying the Chinese historical and ethnographic woodblock book *Illustrated Tributaries of the Qing Dynasty* (*Huang Qing zhi gong tu*) dating back to the second half of the XVIII century. One of the volumes (*juans*) comprising this book tells about the indigenous peoples living in Taiwan at the time when *Huang Qing zhi gong tu* was compiled. The analysis of this source gives an idea of these peoples' appearance, way of life and traditions; it also provides insight into Qing imperial court's attitude towards the "eastern barbarians" (as Taiwanese inhabitants were called in China at that time). The essence of this attitude was clearly conveyed by the "civilized China – barbarian periphery" discourse, which represented the world model traditionally accepted in China. The author conducted a comprehensive analysis of *Huang Qing zhi gong tu* by studying its illustrations and accompanying texts, and correlating them to the Qing and Ming dynasties' histories and other historical sources describing Taiwanese indigenous peoples, which were created before *Illustrated Tributaries of the Qing Dynasty*. The author also analyzed a number of geographical maps of Taiwan drawn throughout the Qing dynasty period, examined specific features of depicting Taiwanese indigenous population, translated previously untranslated descriptions of Taiwanese ethnic groups from the third *juan* of *Huang Qing zhi gong tu*, thoroughly examined them and provided relevant comments. One of the important aims of the paper is to draw attention of the scholars who study Taiwanese indigenous peoples to *Huang Qing zhi gong tu* as a valuable source of information on this subject.

Keywords: history of Taiwan, Taiwanese indigenous peoples, China, ethnography of Taiwan, Huang Qing zhi gong tu

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-09-00218 “The Chinese historico-ethnographic album *Illustrated Tributaries of the Qing Dynasty* (Huang Qing zhi gong tu) and its role in studying the Chinese worldview of other countries and nations in the mid-eighteenth century”.

Cite this article as: Cherevko M. V. Specific descriptions and characteristics of Taiwanese indigenous peoples in the historical and ethnographic book *Huang Qing zhi gong tu*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.513

REFERENCES

1. Golovachev V. Ts. Ethnopolitical history of Taiwan in the world historiography between the XVII and the XXI centuries. Moscow, 2018. 320 p. (In Russ.)
2. Maiatskii D. I. Problem of identification of “Da-Xiyang-guo” and “Xiao-Xiyang-guo” states in *Illustrated Tributaries of the Qing Empire*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 23–30. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408
3. Maiatskii D. I. Traditionalism and innovation: a woodcut *Huang Qing zhi gong tu* and its place in a series of Chinese albums dedicated to “tributaries”. *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 111–114. (In Russ.)
4. Mironova T. S. The specifics of the anthropological and ethnographic content of the Chinese xylographic album *Illustrated Tributaries of the August Qing Dynasty* (XVIII century). *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 114–116. (In Russ.)
5. Samoylov N. A. The evolution of ideas about the Chinese world order and the tributary system in the Qing era. *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 116–117. (In Russ.)
6. Samoylov N. A., Mayatskiy D. I. Chinese historical and ethnographic monument “Images of Tributaries of the Ruling Qing Dynasty”: the background to the creation and socio-cultural significance. *Nauchnyi dialog*. 2019. No 9. P. 437–455. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-437-455
7. Somkina N. A. *Huang Qing zhi gong tu* as a source of information about Central Asia in the XVIII century. *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 117–119. (In Russ.)
8. Toder F. A. Taiwan and its history (XIX century). Moscow, 1978. 338 p. (In Russ.)
9. Kharitonova A. M. Studying the Chinese xylograph of *Illustrated Tributaries of the Ruling Qing Dynasty* in Russia and Europe. *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 119–122. (In Russ.)
10. Kharitonova A. M. History of studying the Chinese xylograph of *Illustrated Tributaries of the August Qing Dynasty*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. № 6 (183). P. 43–50. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.370
11. Cherevko M. V. Nature of information about the peoples of Southeast Asia in the Qing album *Huang Qing zhi gong tu*. *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Commemorating the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 122–124. (In Russ.)
12. Chigrinskiy M. F. Aborigines of Taiwan: a study on ethnic history and traditional culture: Author’s abstract of Diss. Cand. Sci. (History). St. Petersburg, 1993. 27 p. (In Russ.)
13. Chigrinskiy M. F. Austronesian migration on the island of Taiwan. *Miklouho-Maclay Readings*, 1993–1994. St. Petersburg, 1994. P. 98–102. (In Russ.)
14. Chen Kang Chai. Taiwan aborigines, Cambridge, Mass., 1967. 254 p.
15. Davidson Y. W. The island of Formosa, past and present. London, and New York, 1903. 844 p.
16. Imbault-Huart C. L’île Formosa. Paris, 1898. 323 p.
17. Knapp Ronald G. (Ed.). China’s island frontier: Studies in the historical geography of Taiwan. Honolulu, 1980. 297 p.
18. Myers Ramon H. Taiwan under Ch’ing imperial rule, 1684–1895: The traditional order. *Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hong Kong*. Vol. 4.2. P. 495–520.
19. Steere Joseph Beal. Formosa and its inhabitants. (Paul Jen-kuei Li, Ed.). Taipei, 2002. 218 p.
20. Teng Emma. Taiwan’s imagined geography: Chinese colonial travel writing and pictures, 1683–1895. Cambridge (Massachusetts); London, 2004. 419 p.
21. 陈国强。谈关于台湾、高山族古代史的若干问题——从《四库全书·史部》记述说起。民族研究。1995(02), 87–92页。
22. 黄叔璥。台海使槎录。台北：台湾大通书局，1984。
23. 皇清职贡图。九册。北京：武英殿，1790年。第3册。79页。第23-a—第48-b页。
24. 蒋毓英。台湾府志。北京：中华书局，1985。
25. 王庆华。清代采风民族志中台湾“熟番”的社会文化[D]。厦门大学，2009年。

Received: 11 June, 2020

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

КНИГА Р. А. КРАВЧЕНКО-БЕРЕЖНОГО «МЕЖДУ БЕЛЫМ И КРАСНЫМ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И АВТОРСКИЙ ТЕКСТ*

Цель статьи – определить социально-культурное значение книги воспоминаний ученого, участника Великой Отечественной войны Р. А. Кравченко-Бережного как исторического источника и литературного произведения. Кравченко-Бережной известен как автор дневника, который он вел подростком, живя на территории Западной Украины, оккупированной немецкой армией. Этот дневник использовался на Нюрнбергском процессе среди свидетельств, обвиняющих нацизм. Дневник составил часть книги воспоминаний, которая написана в постсоветский период. Книга анализируется в контексте проблем гуманитарных наук, связанных с типологией, видовыми особенностями и литературным разнообразием исторических источников личного происхождения. Рассматриваются содержание и структура мемуарно-автобиографической книги «Между белым и красным». Информационные возможности источника значительны для изучения хроники событий, этносоциальной ситуации в оккупированном городе, геноцида евреев, военной повседневности, истории семьи русских эмигрантов, а также для понимания процессов становления личности русского интеллигента в специфических историко-культурных контекстах XX века. Сделан вывод о том, что книга представляет научный ресурс для источниковедческих, антропологических и литературоведческих исследований.

Ключевые слова: исторический источник, дневник, мемуарная литература, Великая Отечественная война, оккупация, Р. А. Кравченко-Бережной

Для цитирования: Разумова И. А. Книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между белым и красным» как исторический источник и авторский текст // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 32–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.514

ВВЕДЕНИЕ

В обширной историографии русской мемуаристики успешно решаются многие проблемные вопросы. Они связаны с границами предметной области, типологией и классификацией мемуаров, литературными разновидностями [6], [8], [15]. Изучается история становления и развития письменной мемуарной культуры¹. Обсуждается правомерность объединения с помощью понятий «мемуары», «мемуаристика» слишком разнородных исторических источников и литературных произведений. С литературоведческих позиций мемуары рассматриваются как «нехудожественное повествование, предполагающее доминанту нефикциональности» [2: 348]. Историки дискутируют о возможностях использования мемуаров в качестве исторического источника, об их специфике и соотношении с другими видами источников личного происхождения, в том числе дневниками, эпистолярным, автобиографиями

[3], [4], [5]. По отношению к источникам личного происхождения, включая дневниковые и мемуарно-автобиографические, широко используется обозначение «эго-документы» (см., напр.: [14], [16], [19], [21]). В то же время есть основания считать этот термин слишком обобщенным, применимым в основном к периодам, которые хорошо документированы, и по смыслу не вполне соответствующим характеру документов – «свидетельств о себе» [22].

Традиционное недоверие историков к фактографической информации источников личного происхождения на сегодняшний день сменилось пониманием того, что мемуарность и автобиографичность, личностное начало и эмоциональное отношение авторов к описываемым фактам имеют самостоятельную эвристическую ценность. Сближение исторического, антропологического и социологического ракурсов изучения прошлого привело к тому, что «на первый план выводит-

ся не столько запечатление исторических событий, сколько их ощущение» [1: 7], наблюдается «дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний» [13: 7]. Источники личного происхождения, отражая «жизненный мир» и социальные связи автора, способствуют изучению рецепции исторических событий, социальной истории, истории повседневности, ментальностей эмоций и многих других областей гуманитарного знания, в которых они успешно используются.

Изучение мемуарной литературы получило новый импульс благодаря бурному развитию *memory studies* (см., напр.: [11], [12], [17], [18], [20]). Поскольку память ограничена социальными рамками, «изучение мемуаров позволяет проиллюстрировать смену социальных стереотипов, идеологий и общественных настроений на примере сознания всего лишь одного индивида» [10: 112]. Социально-культурное значение мемуарных текстов не сводится к политическим и познавательным функциям. Благодаря им осуществляются процессы социальной идентификации и происходит осмысление прошлого. Потребность помнить, по замечанию П. Нора, «превращает каждого в историка самого себя» [9].

На этих основаниях мы обратимся к книге участника Великой Отечественной войны, ученого Кольского научного центра РАН Р. А. Кравченко-Бережного.

Роман Александрович Кравченко-Бережной (04.06.1926, г. Кременец, Польша – 20.05.2011, г. Апатиты, Мурманская область) – участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. Физик по образованию (окончил в 1955 году Львовский университет), кандидат физико-математических наук (1961), он известен в научном академическом сообществе Кольского научного центра РАН (ФИЦ КНЦ РАН) как специалист в области физических методов исследования вещества, организатор лаборатории физических методов исследования минералов. Этой лабораторией он заведовал до 1988 года, после чего перешел на работу в Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН. Деятельность Кравченко-Бережного как главного специалиста была связана с международным сотрудничеством². В частности, Роман Александрович был занят переводческой работой и курировал в этом отношении научную молодежь, поскольку знал шесть языков. Переводчиком он был еще в 1945–1950 годах – в зоне советской оккупации Германии.

Отец Романа Александровича имел дворянское происхождение, воевал в Первую мировую войну, получил офицерское звание, с войны

вернулся инвалидом. В Польше родители будущего мемуариста, по его замечанию, оказались «в итоге лихолетья Гражданской войны. Когда кочевали и люди, и границы государств» [7: 9]. В 1930-х годах семья жила в Варшаве, где Роман и его старший брат Юрий учились в русской гимназии. Затем они возвратились в Кременец³, где жили ранее. В сентябре 1939 года территория вошла в состав СССР. В июле 1941 года город был оккупирован немцами – до середины марта 1944 года. Все это время семья находилась в Кременце. Оккупационные власти быстро закрыли школу, Роману пришлось начать работать, заниматься самообразованием и оберегаться от принудительной трудовой депортации. Одновременно юноша вел дневниковые записи о том, что происходило в городе, о сообщениях с фронта, о своих размышлениях и переживаниях. Именно этот дневник не только лег в основу будущих мемуарных книг Р. А. Кравченко-Бережного, но стал по существу частью европейской истории благодаря значению описанных в нем событий и роли, которую он сыграл в качестве свидетельства преступлений нацизма.

С приближением советских войск Роман Александрович ушел в действующую армию. Он участвовал в боях в Прибалтике, Польше, Германии, а по окончании войны несколько лет служил военным переводчиком. Пребывание на оккупированной территории отрицательно сказалось на его биографии. В 1949 году его отозвали в Куйбышев, там допрашивали по подозрению в контактах с немцами, после чего отправили на восстановление шахт Донбасса. Окончив вечернюю школу и демобилизовавшись, Р. А. Кравченко-Бережной смог получить университетское образование. Его дальнейший путь определила встреча с учеными-геологами Кольского филиала Академии наук А. В. Сидоренко и И. В. Бельковым, которые в 1955 году на всесоюзном совещании во Львове уговорили перспективного выпускника уехать на три года работать на Север. На склоне лет автор воспоминаний заметит: «Три года все еще продолжают, уже в двадцать первом веке» [7: 356].

ДНЕВНИК

История дневника кременецкого юноши, ушедшего на фронт в 1944 году, приобрела широкую известность. Роман Александрович изложил ее в воспоминаниях, рассказывал журналистам. Она включается в биографии автора, в том числе размещенные на различных интернет-сайтах, и в аннотации книг. Дневник создавался с июля 1941 по январь 1944 года. Перед бегством на фронт Роман собирался его закопать, но в итоге

спрятал на чердаке в родительском доме. С фронта, осознав, что его могут убить, написал о дневнике отцу, а тот решил передать этот документ Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов⁴. Так дневник оказался в Москве, а затем в числе материалов Нюрнбергского процесса. Позже отец передал его в историко-краеведческий музей города Кременца.

В 1958 году кто-то из литераторов заинтересовался копией дневника, найденной в Центральном государственном архиве⁵. По свидетельству мемуариста, был объявлен всесоюзный розыск «Ромки Кравченко из Кременца». Его отыскивали в заполярных Апатитах, из Кременца запросили подлинник дневника, и Роман Александрович занимался в московском архиве сверкой текста оригинала с машинописной копией. В результате дневник вернулся к автору в виде подаренного ему экземпляра копии. Он и лег в основу книги [7: 39–42]. Обстоятельства создания дневника, его использование в числе свидетельства государственного обвинения на процессе, который стал одним из главных событий XX века, сделало Р. А. Кравченко-Бережного исторической личностью, свидетельствующей против преступлений нацизма.

Анализ информационного слоя дневника представляется темой почти неисчерпаемой. Во-первых, юный «летописец» фиксировал все, что происходило в Кременце с приходом немцев, начиная с того времени, когда войска только приближались к городу, и до последних дней режима. Таким образом, выстраивалась хроника событий:

«Утром пошел в город. По дороге видел, как воздвигали арку: ES LEBE DIE UNBESIEGBARE DEUTSCHE ARMEE! – Да здравствует непобедимая германская армия! Такую же арку возводили и для встречи большевиков и, возможно, те же энергичные “встречиватели”» (13 июля 1941 года) [7: 44];

«Стрельба слышна, но редко. Был сегодня за городом, слышал взрывы. По-видимому, бомбили Дубно. По дороге насчитал 10 танкеток и танков. Один совершенно сгорел. На полях стоит масса орудий. Очень неприятное, угнетающее зрелище. Вчера был на речке, купался. В той стороне тоже много танков. Все они в плачевном виде. Население об этом позаботилось» (30–31 июля 1941 года) [7: 57].

Во-вторых, записи содержат многочисленные социально-бытовые подробности, относящиеся к истории повседневности военного времени. Автор отмечал не только действия оккупационных властей, но и изменения в экономическом положении горожан, настроения жителей, поведение разных категорий населения Кременца и оккупантов. При этом обращал особое внимание на

этнонационалистические проявления, абсолютно им не приемлемые:

«Стоял в очереди за хлебом. Хлеб получить почти невозможно, распорядители – “милиция” – пропускают первым делом своих знакомых, потом нахалов, которые лезут вне очереди, потом только очередь. В очереди стоит еврей, он близко к заветной двери с выбитыми стеклами. Подходит “милиционер” и ставит его в конец очереди. Проходит полчаса, и картина повторяется» [7: 53–54].

В повседневной жизни бытовые обстоятельства военного времени и унижающие человека режимные условия соединяются с обычными занятиями кременецкого школьника из культурной семьи:

«В городе новое распоряжение: нормируется выдача продуктов. Будем получать по 400 граммов хлеба, евреи – по 300. Кроме того, будут выдавать другие продукты <...>. Весь день сижу дома, читаю Твена. У него есть очень хорошие сатирические рассказы. Так зачитываюсь, что болят глаза» [7: 58].

В-третьих, на основе персонального опыта и наблюдений в дневнике емко описана этносоциальная ситуация в оккупированном городе польско-украинского пограничья начала 1940-х годов. В сложные отношения неприязни, сочувствия, сотрудничества, конфликтов, угнетения и иные включались захватчики и оккупированные, администрация и население, военные и гражданские, поляки, украинцы, евреи, русские – «советские» и «несоветские». Ситуацию наблюдает и осмысливает школьник из интеллигентной семьи русских эмигрантов:

«Сегодня начались занятия. Конечно, директор выступил с подходящей речью. <...>. Кроме того, как и следовало ожидать, запретил ученикам говорить где бы то ни было не по-украински. <...>. Не принят ни один поляк. Мне, по-видимому, помогла моя украинская фамилия. Хотя сегодня они разочаровались. На первом уроке записывали национальность и вероисповедание. Я записан русским, единственный в классе...» [7: 75].

В-четвертых (это оказалось главным), дневник отразил сущность Второй мировой войны как противостояния нацизму – в изложении событий, связанных с геноцидом евреев. Сюжет поэтапного истребления евреев в городе является лейтмотивом дневника, если рассматривать его как целое. Кульминационное, самое запоминающееся, трагическое и эмоционально описанное событие – уничтожение еврейского гетто в Кременце в августе 1942 года. Р. А. Кравченко-Бережной был очевидцем этой катастрофы, в которой погибла и его близкая подруга школьных лет Фрида [7: 131–145]. Страницы дневника, повествующие о «кровавом августе», являются самыми трагическими в событийном плане и самыми эмоциональными по характеру изложения.

В-пятых, автор записывал любую информацию, которая была доступна, о положении на фронтах, позиции воюющих европейских стран, соотношении политических сил в Европе и мире и т. п. Дневник дает ясное представление об информационной ситуации в городе. Неполнота и недостоверность сведений очень волновали пишущего и были предметом его постоянной рефлексии. О состоянии дел на фронте можно было лишь судить по собственным наблюдениям, делать предположения и размышлять по их поводу:

«Бои идут, по-видимому, в районе Шумска, стрельба доносится оттуда. Кроме того, оттуда привезли нескольких крестьян, раненных снарядами. Но против этого говорит совершенное спокойствие в городе. Немцы устраиваются здесь надолго. Свозят мебель с баз, реквизируют нужные им вещи у населения. Можно заметить в моих записках самые противоречивые факты: то они уезжают, то устраиваются на “зимние квартиры”. Я сам, ей-богу, ни черта в этом не понимаю. Записываю то, что есть, и в данное время не берусь это комментировать: запутаюсь и не вылезу. Пусть разбирается будущее» [7: 59].

Данные черпались также из сообщений официальной прессы, которые надо было переосмысливать, распоряжений местных властей и в значительной степени — из городских слухов:

«Вообще замечая, что как только исчезает радио и нельзя ничего ни подтвердить, ни опровергнуть, появляются всякие сногшибательные новости. Может быть, люди себя так утешают. Пустит кто-нибудь что-нибудь в этом роде, на следующий день ему принесут новость, в которой он никак не может признать свое авторство, он верит ей и этим утешается...» [7: 70].

Запрет на использование радио был типичным для военного времени, его нарушение каралось вплоть до расстрела. К этой теме автор обращался не раз, отмечая «счастливые» и «несчастливые» моменты, когда радио работало или, напротив, запрещалось (братья Кравченко закопали детали приемника и при первой возможности выкопали их).

В-шестых, в дневнике четко выражены политическая и нравственная позиции автора, безоговорочно сочувствующего Советскому Союзу, впитавшего советскую идеологию, настроенного резко критически по отношению к любому национализму и ксенофобии. Этим позициям соответствуют надежды на скорую победу советской армии, резкие неприязненные выпады против временной местной украинской администрации, муниципальной и школьной, боль за еврейское население, отвращение к юдофобии, «украинофильству» и т. п. Записи изобилуют прямыми оценочными репликами, которые могли стоить подростку жизни, попади дневник в руки окку-

пантов или украинских националистов. Высказывания Романа Кравченко и о гитлеровцах, и о «самостийной» власти отличаются ироничностью:

«Поздравляю вас, граждане, с наступлением осени, так сказать, и одновременно с началом нового, 1941/42, учебного года, который у нас, осчастливленных пребыванием под немецким сапогом, запаздывает» [7: 67]; *«Бьет ключом государственная жизнь. Партии появились. Грызутся. Есть “бандеровцы”, есть и “мельниковцы”. Одни повесят объявление, другие бегают и срывают. Сразу видно, что имеется какое-то государство, или намек* [7: 69].

Наконец, в дневнике присутствуют размышления об истории, свидетельствующие об уровне рефлексии автора:

«11 июля 1941 г. Меня волнует много мыслей. Часто, лежа в постели, я подолгу не могу заснуть, все думаю. Да. Я имею счастье или несчастье жить в такое время, когда события не идут, а наступают одно за другим с молниеносной скоростью. Мы переживаем эпоху Наполеона, в гораздо большем масштабе...» [7: 43].

Далеко не полный перечень информационных возможностей дневника показывает перспективность его внимательного чтения для исследований, нацеленных как на реконструкцию фактов, так и на «человека помнящего».

Опубликованная в 2008 году книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между белым и красным» — итоговая версия воспоминаний [7] (рис. 2). Ей предшествовали первое издание, десятилетием ранее, и англоязычная публикация в США, подготовленная по инициативе шведского литератора и историка Ларса Гюлленхаала⁶. Переработка касалась структуры, дополнений и отдельных вариаций текста, изменений названия.

Примерно половину объема книги занимает дневник, который публикуется с купюрами, но без вмешательства в текст оригинала. В книге дневник ретроспективно обработан, его фрагменты разбиваются включениями: дополняющими и уточняющими комментариями, которые поясняют исторические или локальные детали. Комментарии исправляют информацию, которая «из будущего» представляется исторически ошибочной, и еще чаще — изменяют взгляд на события в соответствии с утвердившейся позже исторической концепцией. Из записи, датированной 5 декабря 1941 года:

«Вчера прочитал в газете заметку, что-то вроде “Событие, не встречавшееся с начала войны”. В ней с возмущением сообщается, что, когда доблестная германская армия вступила в Ростов, на нее с тыла напало вооруженное мирное население. В результате этого предательского нападения немецкие части вынуждены были оставить Ростов».

Следует комментарий:

«Действительно, “событие, не встречавшееся с начала войны”: первая крупная победа, первый освобожденный большой город, первая угроза окружения немецких дивизий. Ничего этого мы тогда не знали: гитлеровская пропаганда свела все к “предательскому нападению вооруженного мирного населения”; таков был первый опыт объяснения поражений вермахта на Востоке» [7: 85–86].

Иногда дневниковые записи дополняются информацией, которую нельзя было сообщать по соображениям безопасности (например, о тайном прослушивании радиопередач). Однако осознание риска явно не сдерживало автора, иначе и не было бы самого дневника, наполненного крайне резкими антифашистскими и антинационалистическими высказываниями, выпадами против конкретных политиков и представителей местной власти.

Точку зрения юного автора дневника автор книги оценивает с высоты своего опыта и знаний. Дневниковые сведения, опирающиеся на дозированную и недостоверную информацию, он соотносит с документально обоснованными. Свидетельства непосредственного наблюдателя сравнивает с данными, которые предоставила «история» за последующие десятилетия. Рассуждения и безапелляционные оценки, напитанные советской идеологией, корректирует с иных, причем отнюдь не антисоветских, идейных позиций. Многие фрагменты, которые разбивают и дополняют текст дневника, являются самостоятельными новеллами. Они включаются по ассоциации с изложенными фактами, обстоятельствами, датами. Так, фрагмент «Трудовой дебют» посвящен работе Романа на гребешечной фабрике после закрытия гимназии [7: 97–101]. За дневниковой записью о боях под Сталинградом следует глава «1975» – о посещении Волгограда и разговоре с молодым немцем, в котором Роман Александрович безошибочно распознал нациста [7: 185–187].

Р. А. Кравченко-Бережной отказывался называть свое сочинение «мемуарами», определив жанр книги как «стоп-кадры», это указано в заглавиях обеих русскоязычных версий и в аннотациях. Цельность повествования обеспечивается тем, что, по авторскому замыслу, оно представляет автобиографию человека, прожившего «свой XX век». Однако это не собственно биография как последовательное жизнеописание, а картины прошлого. Этапы жизни присутствуют в структуре книги, но даже во второй ее половине (после «дневниковой» части) последовательность выдерживается весьма условно.

В соответствии с автобиографическим каноном дневнику предпосланы главы, в которых

рассказано о детстве, родителях, гимназии, описан Кременец середины 1930-х годов. Несколько страниц посвящено времени с осени 1939 до июня 1941 года: от присоединения Западной Украины к СССР до начала Великой Отечественной войны. Военное время охватывается большей частью дневником, а затем фронтовыми историями. Повествование о воинской службе и послевоенной жизни также выстроено по принципу соединения «картин прошлого».

За рамками дневниковой части книга не лишается значения исторического источника. Отдельные «стоп-кадры» посвящены военной повседневности: «Как мы жили» [7: 253–257], «Меллентин» [7: 275–278], «Сапоги» [7: 288–293] и другие. Вместе с тем основное внимание уделено не рутинному и повторяющемуся, а тому, что имеет статус «события» и достойно отдельной новеллы. Не все эпизоды столь событийны, как, например, история с угнанным российским самолетом, который Роман Александрович помог летчикам посадить в Швеции благодаря знанию языка [7: 389–401]. Событием для отдельного человека является то, что изменило биографическую траекторию, повлияло на отношение к людям, подтвердило или опровергло жизненные установки и т. д. О чем бы ни шла речь, Р. А. Кравченко-Бережной постоянно возвращается к теме войны, своей военной службы, опыту тех лет. В рассказах о послевоенной жизни какая-нибудь внешняя деталь, ассоциация, аналогия обращает автора к тому, что в годы «конца света» послужило уроком, выручило впоследствии в мирной жизни или просто интересно для исторических сопоставлений. Что касается субъективной авторской оптики, то к ней можно отнести интроспективный взгляд на то, как и эпохальные, и «микроисторические» обстоятельства способствуют личностному развитию человека. Они во многом меняют его мировоззрение и мировосприятие, но в чем-то не могут изменить ценностные установки, сформированные в семье, в детстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве источника исторической информации книга Р. А. Кравченко-Бережного содержит ценные данные о жизни, быте, этносоциальной ситуации, настроениях населения в городах оккупированной немцами Западной Украины в 1941–1944 годах, о геноциде еврейского народа, о «фронтовых солдатских буднях» 1944–1945 годов, о судьбах отдельных людей и семей. Специалистам в области исторического источниковедения эта книга задает много вопросов, касающихся сложных взаимосвязей внутри области, определяемой как «источники личного проис-

хождения» или «эго-документы», которая включает разновидности мемуаров, автобиографии, дневники, эпистолярный.

Благодаря литературным способностям и рефлексии автора в двух его ипостасях – юного автора дневника и мемуариста, обладающего большим жизненным опытом, глубине его размышлений и самонаблюдений, этот источник чрезвычайно интересен в социально-антропологическом отношении. Думающему читателю он предоставляет возможность научиться познавать себя и понимать мысли и чувства «других» – представителей поколения «жертв-победителей».

С литературоведческой точки зрения книга интересна в качестве феномена мемуаристики, в котором преодолевается видовая (текстового источника как минимум двух видов) и жанровая (литературного автобиографического, мемуарного произведения) заданность за счет авторского замысла, особого построения и индивидуального стиля.

Можно заключить, что среди мемуаров постсоветского периода книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между белым и красным» занимает место, достойное не только читательского внимания, но и разностороннего научного анализа.

* Статья выполнена в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оставляя в стороне историографию этой темы, отметим, что ее разработке способствовали в первую очередь труды Л. Я. Гинзбург и А. Г. Тартаковского: Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 464 с.; Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.; Он же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. 286 с.; Он же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века: Мемуары. М.: Археографический центр, 1997. 358 с.
- ² Краткие биографические сведения об авторе содержат справочные издания: Кравченко-Бережной Роман Александрович // Ученые Кольского научного центра (1930–2005). Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2006. С. 196; Кравченко-Бережной Роман Александрович // Кольская энциклопедия. Т. II. СПб.: ИС; Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 414.
- ³ Город в Тернопольской области, Украина.
- ⁴ «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года.
- ⁵ В тексте книги: «Центральный архив министерства внутренних дел, ЦГАОР» [7: 42]. ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления (ныне – Госархив Российской Федерации). Центральный государственный архив министерства внутренних дел в 1958 году назывался Центральным государственным архивом Советской Армии (ЦГАСА), судя по всему, речь не о нем.
- ⁶ Кравченко-Бережной Р. А. Мой XX век (Стоп-кадры). Апатиты, 1998. 263 с.; Victims, Victors: From Nazi Occupation to the Conquest of Germany as Seen by a Red Army Soldier / Kravchenko-Berezhnoy R. A., Glantz David M. Bedford, Pennsylvania: Aberjona Press, 2007. 293 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–13.
2. Боровикова М. В., Гузаиров Т. Т., Лейбов Р. Г., Сморжевских-Смирнова М. А., Фрайман И. Д., Фрайман Т. Н. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы // «Цепь непрерывного предания»: Сборник памяти А. Г. Тартаковского / Сост. В. А. Мильчина, А. Л. Юрганов. М.: Издательский центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2004. С. 346–361 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/tsep_nepneryvnogo_predaniya_sbornik_pamyati_tartakovskogo_2004__ocr.pdf (дата обращения 12.02.2020).
3. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 36–45.
4. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
5. Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 1. С. 7–19.
6. Иванова Н. Н. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2006. № 3 (7). С. 105–110.

7. Кравченко-Бережной Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: Гамас, 2008. 423 с.
8. Лаппо М. Типология мемуарно-автобиографических изданий: динамические аспекты // Библиосфера. 2015. № 2. С. 47–52.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
10. Пашковская Т. Г. Эвристический потенциал мемуаристики в историческом исследовании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: В 2 ч. Ч. 1. № 7 (69). Тамбов: Грамота, 2016. С. 110–112.
11. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
12. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. № 3. М., 2018. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
13. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // История в эго-документах: Исследования и источники / Отв. ред. Н. В. Суржикова; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 6–13.
14. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: Сб. науч. трудов / Под ред. Н. М. Куренной. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI: 10.31168/0402-2.2
15. Шеретов С. Г. Проблемы классификации мемуарных источников в советской историографии источниковедения // Вестник Университета Кайнар. 2002. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/sheretov-sg-problemy-klassifikacii-memuarnyh-istochnikov-v-sovetskoy-istoriografii82-94istochnikovedeniya_867bcd999.html?page=2 (дата обращения 12.02.2020).
16. Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilizacion (MyC). 2002. № 5. P. 13–37 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.egodocument.net/publicaties.html> (дата обращения 12.02.2020).
17. Gensburger S. Halbwachs' studies in collective memory: A founding text for contemporary «memory studies»? // Journal of Classical Sociology. L., 2016. Vol. 16. № 4. P. 396–413. DOI: 10.1177 / 1468795X16656268 (дата обращения 12.02.2020).
18. Kansteiner W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies // History and Memory. 2002. Vol. 41. № 2. P. 179–197. DOI: 10.1111 / 0018-2656. 00198
19. Mascuh M., Dekker P. & Baggerman A. Ego-documents and history: A short account of the longue durée // The Historian. 2016. Vol. 78. № 1. P. 11–56. DOI: 10.1111/hisn.12080 (дата обращения 12.02.2020).
20. Olick J., Sier A. & Wuestenberg J. The memory studies association: Ambitions and an invitation // Memory Studies. L., 2017. Vol. 10. № 4. P. 490–494. DOI: 10.1177/1750698017721792
21. Passerini L. & Geppert A. Historians in flux: The concept, task and challenge of ego-historie // Historein. 2002. № 3. P. 7–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://doi.org/10.12681/historein.96file:///C:/Users/PIA/Downloads/Historians_in_Flux_The_Concept_Task_and_Challenge_.pdf (дата обращения 12.02.2020).
22. Von Greyerz K. Ego-documents: The last word? // German History. 2010. Vol. 28. № 3. P. 273–282. DOI: 10.1093/gerhis/ghq064

Поступила в редакцию 28.02.2020

Irina A. Razumova, Doctor of History, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
irinarazumova@yandex.ru

KRAVCHENKO-BEREZHNOY'S BOOK *BETWEEN THE WHITE AND THE RED* AS A HISTORICAL SOURCE AND AN AUTHOR'S TEXT*

The aim of the article is to determine the sociocultural significance of R. A. Kravchenko-Berezhnoy's memoirs as a historical source and literary work. Kravchenko-Berezhnoy is best known as the author of a diary, which he kept when he was a young boy living in Western Ukraine occupied by Nazi Germany. This diary was used at the Nuremberg trials among other evidence against the Nazi war criminals. It became part of a book of memoirs that was written during the post-Soviet period. This book of memoirs is analyzed in the context of various problems of the humanities, related to the typology, specific characteristics, and literary diversity of ego-documents (personal narratives) serving as historical sources. The article investigates the content and structure of the autobiographical book of memoirs *Between the White and the Red*. The information capacity of this source is significant for studying the chronicle of events, the ethnosocial situation in the occupied city, the genocide of the Jews, everyday life during the war, the history of the family of Russian emigrants, as well as for understanding the processes of a Russian intellectual's personal formation in specific historical and cultural contexts of the XX century. The author makes a conclusion that the book is a valuable resource for historical, anthropological and literary studies.

Keywords: historical source, diary, memoirs, Great Patriotic War, occupation, R. A. Kravchenko-Berezhnoy

* The study was conducted as part of the state project No 0226-2019-0066 “Sociocultural and scientific-technical development of the northwestern part of the Arctic zone of the Russian Federation in the XIX and the XX centuries: historical and anthropological perspectives”.

Cite this article as: Razumova I. A. Kravchenko-Berezhnoy's book *Between the White and the Red* as a historical source and an author's text. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 32–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.514

REFERENCES

1. Aust M., Vulpius R., Miller A. Foreword. The role of transfers in shaping the image and functioning of the Russian Empire (1700–1917). *Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)*. (M. Aust, R. Vulpius, & A. Miller, Eds.). Moscow, 2010. P. 5–13. (In Russ.)
2. Borovikova M. V., Guzaïrov T. T., Leibov R. G., Smozhevskikh-Smirnova M. A., Fraïman I. D., Fraïman T. N. Russian memoirs in historical and typological coverage: the statement of the problem. “Continuous chain of a story”: *Collection of articles in memory of A. G. Tartakovskiy*. (V. A. Milchina, A. L. Yurganov, Comp.). Moscow, 2004. P. 346–361. Available at: https://imwerden.de/pdf/tsep_nepreryvnogo_predaniya_sbornik_pamyati_tartakovskogo_2004__ocr.pdf (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
3. Galiullina D. M. On the problem of studying memoir in Russian historical science. *Proceedings of Kazan University*. 2006. Vol. 148. Book 4. P. 36–45. (In Russ.)
4. Georgieva N. G. Memoirs as cultural phenomenon and historical source. *RUDN Journal of Russian History*. 2012. No 1. P. 126–138. (In Russ.)
5. Georgieva N. G. Classification and multifunctionality of historical sources. *RUDN Journal of Russian History*. 2016. No 1. P. 7–19. (In Russ.)
6. Ivanova N. N. Typology and internal divisions classification of memories, diaries and letters: problems of source study methodology. *RUDN Journal of Russian History*. 2006. No 3 (7). P. 105–110. (In Russ.)
7. Kravchenko-Berezhnoy R. A. Between the white and the red: Freeze frames of my XX century. St. Petersburg, 2008. 423 p. (In Russ.)
8. Lappo M. Typology of memoirs and autobiographical publications: dynamic aspects. *Bibliosfera*. 2015. No 2. P. 47–52. (In Russ.)
9. Nora P. Problems of places of memory. *France-memory*. (P. Nora, M. Ozuf, J. de Puymezh, M. Vinok). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
10. Pashkovskaya T. G. Heuristic potential of memoirs in historical research. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Theoretical and Practical Issues*. No 7 (69). Part 1. Tambov, 2016. P. 110–112. (In Russ.)
11. Repina L. P. Events and images of the past in historical and cultural memory. *The New Past*. 2016. No 1. P. 82–99. (In Russ.)
12. Safronova Yu. A. The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Political Science (RU)*. Moscow, 2018. No 3. P. 12–31. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
13. Surzhikova N. V. Ego-documents: intellectual fashion or conscious need? (Instead of a foreword). *History in ego-documents: Research and sources*. (N. V. Surzhikova, Ed.). Ekaterinburg, 2014. P. 6–13. (In Russ.)
14. Filatova N. M. Approaches to the study of ego-documents in modern historical science in the light of the “linguistic turn”. *Documents and the “documentary” in Slavic cultures: between authentic and imaginary: Collection of articles*. (N. M. Kurennaya, Ed.). Moscow, 2018. P. 24–40. (In Russ.) DOI: 10.31168/0402-2.2
15. Sheretov S. G. Problems of memoir sources classification in the Soviet historiography of source studies. *Vestnik of Kaynar University*. 2002. No 2. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheretov-sg-problemy-klassifikacii-memuarnyh-istochnikov-v-sovetskoj-istoriografii82-94istochnikovedeniya_867bcdab999.html?page=2 (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
16. Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilizacion (MyC)*. 2002. No 5. P. 13–37. Available at: <http://www.egodocument.net/publicaties.html> (accessed 12.02.2020). (In Russ.)
17. Gensburger S. Halbwachs' studies in collective memory: A founding text for contemporary «memory studies»? *Journal of Classical Sociology*. L., 2016. Vol. 16. No 4. P. 396–413. DOI: 10.1177/1468795X16656268
18. Kansteiner W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies. *History and Memory*. 2002. Vol. 41. No 2. P. 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
19. Mascuh M., Dekker P. & Baggerman A. Ego-documents and history: A short account of the longue durée. *The Historian*. 2016. Vol. 78. No 1. P. 11–56. DOI: 10.1111/hisn.12080
20. Olick J., Sier A. & Wuestenberg J. The memory studies association: Ambitions and an invitation. *Memory Studies*. L., 2017. Vol. 10. No 4. P. 490–494. DOI: 10.1177/1750698017721792
21. Passerini L. & Geppert A. Historians in flux: The concept, task and challenge of ego-historie. *Historiein*. 2002. No 3. P. 7–18. Available at: https://doi.org/10.12681/historiein.96file:///C:/Users/PIIA/Downloads/Historians_in_Flux_The_Concept_Task_and_Challenge_.pdf (accessed 12.02.2020).
22. Von Greÿerz K. Ego-documents: The last word? *German History*. 2010. Vol. 28. No 3. P. 273–282. DOI: 10.1093/gerhis/ghq064

Received: 28 February, 2020

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ БОДЭ

кандидат архитектуры, заведующий сектором «Деревянное зодчество»

НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва, Российская Федерация)

*bode-niitag@yandex.ru***ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА ЖИГАЛЬЦОВА**

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

(Архангельск, Российская Федерация)

*zhitava@gmail.com***ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ХОДАКОВСКИЙ**

кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории русского искусства

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

*E.Khodakovsky@spbu.ru***НИМЕНЬГСКИЙ ПРИХОД ОНЕЖСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ: СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ***

Представлено историческое исследование строительства храмового комплекса в селе Нименьга Онежского района Архангельской области, остававшимся одним из малоизученных объектов русского деревянного зодчества. Проанализированы не публиковавшиеся ранее архивные источники XIX века по строительной истории первых храмов (Благовещенская и Преображенская церкви), двух кладбищенских часовен, Юдмозерской церкви во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской (1863) в Нименьгском приходе Онежского уезда Архангельской губернии. Исследование опирается на натурные обследования сохранившихся исторических объектов – Преображенской церкви (1878) и колокольни (1764), которые позволили создать графический материал, показывающий объекты в реконструкциях первоначального облика. В результате работы в научный оборот введены новые фактологические данные, раскрыта строительная периодизация и выявлены архитектурные особенности исследуемых объектов, сделаны выводы о полной строительной истории храмового комплекса Нименьги в XVII–XIX веках.

Ключевые слова: история поселений России, Онежское Поморье, Нименьга, русское деревянное зодчество, строительные традиции

Для цитирования: Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В., Ходаковский Е. В. Нименьгский приход Онежского уезда Архангельской губернии: строительная история // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 40–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.515

ВВЕДЕНИЕ

Поморская деревня Нименьга расположена на побережье Белого моря в шести километрах от устья одноименной реки. В излучине реки среди широко раскинувшихся одиноких домов и пустырей стоят Преображенская церковь и колокольня. Удивляет нехарактерный для сельского поселения масштаб Преображенской церкви. Это объясняется тем, что раньше это было очень большое село, состоявшее из девяти деревень: Анцыфоровская деревня (Бокина), Деминская деревня (Низ), Никитинская деревня (Верховье), Островская деревня (Выползово), Осташевская деревня (Судаково), Пневский выселок (Пнева), Харловская деревня, Юрьевская деревня (Посад),

Юдмозерская деревня¹. Численность населения в Нименьге регулярно росла: если в середине XIX века насчитывалось 828 человек (130 дворов),² то к концу века – 1415 человек (202 дома)³. В настоящее время население значительно сократилось, застройка сильно поредела, но в нескольких домах по-прежнему живут люди.

Нынешняя Преображенская церковь поздняя – второй половины XIX века. Как показывают исторические исследования, ей предшествовал ряд храмов, последовательно сменявших друг друга. Наиболее достоверно реконструируется храмовый комплекс второй половины XVIII века. Его смело можно назвать одним из крупнейших в Онежском Поморье.

В задачи работы входит изучение архивных исторических источников, натурное обследование сохранившихся памятников деревянного зодчества, обследование мест утраченных церковных построек, раскрытие строительной истории храмовых комплексов Нименьги. Методы исследования включают выявление комплекса архивных документов по истории села и происходившему здесь церковному строительству в XVII–XIX веках, а также сопоставительный анализ полученных данных и материалов натурального обследования.

ИСТОРИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В НИМЕНЬГЕ

Первое упоминание о Нименьге зафиксировано в источниках XVI столетия: в 1556 году в Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова упоминается «у моря на реке на Нименги волостка Нименга... В той ж волостке на Нименском погост, а в нем церков Спасово Преображение»⁴. Административная принадлежность Нименьги к Турчасовскому стану позволяет сделать предположение об активном участии каргопольцев в освоении южного Беломорья, однако посвящение храма Преображению указывает и на возможное влияние Соловецкого монастыря, который в 1550–1560-е годы переживал расцвет благодаря деятельности игумена Филиппа Колычева [4: 157].

Клировые ведомости до 1830 года (за 1799⁵, 1803⁶, 1810⁷, 1820⁸), составленные местными священниками Иваном Кононовым (Нименьгский приход) или Симеоном Молчановым (Малошуйский приход), содержат даты освящения антиминсов, а не храмов. Антиминсы («вместопрестол» от греч. *ἀντί* – «вместо», лат. *mensa* – «стол») представляют собой шелковый или льняной плат с зашитой частицей святых мощей. Антиминсы «на белом полотне» были освящены для Благовещенской церкви и для придела священномученика Климента Папы Римского в 1670 году (для придела – 16 сентября), 13 октября 1690 года – для Преображенской церкви, 15 февраля 1558 года – для придела Рождества св. Иоанна Предтечи⁹. Последняя дата вызывает сомнения, поскольку в указанных документах утверждается, что «Антиминс на полотне Священнодействован Преосвященным Димитрием Архиепископом Новгородским 1558 года февраля 15 дня», однако в XVI веке на новгородской кафедре не было такого митрополита. За всю историю новгородской кафедры был только один Димитрий, который в октябре 1757 года был возведен в сан архиепископа, а в 1762 году – в сан митрополита.

Обычно освящение антиминсов совершалось епископом при освящении нового храма. В глухие удаленные территории антиминс мог быть послан до строительства церкви, чтобы местные жители имели возможность совершать божественную литургию до окончательного строительства храма, которое продолжалось несколько лет. Когда храм был полностью построен, происходил торжественный чин его освящения, после которого антиминс оставался лежать на святом престоле. То есть дата освящения антиминсов могла не всегда точно совпадать с датой постройки храма.

Исходя из известных нам дат освящения антиминсов можно предположить, что в XVII веке в Нименьге были построены два храма – Благовещенская церковь с приделом Климента Папы Римского 1670 года и Преображенская церковь с приделом Рождества св. Иоанна Предтечи 1690 года. Антиминс придела Рождества св. Иоанна Предтечи 1558 года, скорее всего, перенесенный из древней Преображенской церкви, указывает на дату ее постройки и наличие придела Иоанна Предтечи либо, с учетом ошибки в архивном документе, на дату пристройки этого придела в 1758 году к существовавшей Преображенской церкви. В 1682 году погост упоминается и в Переписной книге Крестного монастыря и его угодий, составленной Л. Б. Немцовым¹⁰.

Более определенно история церковного строительства в Нименьге прослеживается только с 1760-х годов, когда здесь были возведены две новые церкви – холодная Преображенская церковь с приделом Рождества св. Иоанна Предтечи (1760) и теплая Благовещенская с приделом священномученика Климента Папы Римского (1764). Храмовый комплекс включал шатровую колокольню и ограду с двумя воротами: одни с западной стороны, вторые «решатчатая, столярной работы» с восточной стороны¹¹.

Судя по описаниям церковного и ризничного имущества Нименьгского прихода за 1833 и 1842 годы¹², Преображенская церковь 1760 года была крещатая в плане («крестовая»), шатровая («на ней шатер деревянный дощанный»), с двумя пятистенными алтарями («Олтарь оной церкви построен на два полукружия»), завершенными одной главой («одна шея и глава»). Размеры храма – 7 сажень в вышину, 6 сажень в ширину, в длину «по фундаменту с папертию 10 сажень до Олтаря»¹³. Крещатые шатровые храмы были не редкостью на нижней Онеге и в Поморье. Примеры того – Вознесенская церковь (1654) в Пияле, Успенская церковь (1674) в Варзуге, утраченная Никольская церковь конца XVI–XVIII веков в Шуерецком [2: илл. 210, 211]. Если крещатые

церкви XVII века имели правильную форму плана, то для аналогичных храмов XVIII века характерны двух- или трехчастные пятистенные алтари. Упоминание об одной главе над двухчастным алтарем однозначно свидетельствует о том, что алтарные прирубы завершались трехлопастной бочкой. Упомянутая высота 7 сажен, скорее всего, относится не ко всей высоте церкви, которая должна быть гораздо больше, а к высоте сруба до полиц шатра. Преображенская церковь в Нименьге, возможно, имела сходство с утраченной Ильинской церковью (1786) в Вазенцах [2: илл. 257–259].

Преображенская церковь 1760 года неоднократно ремонтировалась. Например, в 1818 году прихожане сообщали, что их деревянная церковь во имя Преображения Господня с приделом Рождества Иоанна Предтечи «с исподи от земли подгнила несколько венцов и уже весьма покривилась, а паче к обеднику». Резолюция преосвященного о ремонте была положительная, при этом он особо предписал «церкви не разбирать», указав, что «поправку наблюдать положен благочинный, который и отрапортовать должен, что именно будет поправлено»¹⁴.

Согласно данным середины XIX века, тесовая кровля Преображенской церкви была окрашена. Шатер церкви и двускатные кровли над алтарем и папертью были окрашены «чернетью» – красной краской, а глава церкви и главки над алтарем и папертью «медянкою» – зеленой краской¹⁵. Подобные покраски крыш в два цвета (внизу – красный, в верхних частях – зеленый) характерны для церковного зодчества XIX века [1].

Благовещенская церковь 1764 года, судя по описанию, имела кубоватый верх («на ней купал деревянный дощанный»), была пятиглавая («на нем 5 глав с шеями»), с двумя алтарями («Олтарь оной церкви построен на два полукружия на нем одна Глава и шея»), имела северный придел, трапезную и была теплой («в трапезе печка кирпичная на северной стороне в угле у дверей основание оной печки на самой Земле, которая в высоту 3½ аршина в длину 3 аршина»). Размеры – 8 сажен в высоту, 8 сажен в ширину, 10 сажен в длину «по фундаменту с трапезою до Олтаря»¹⁶. Кубоватую церковь с одним боковым приделом и отапливаемой трапезной мы можем представить себе на примере утраченной Троицкой церкви (1724) в Подпорожье. Возможно, такой была и Благовещенская церковь. Вообще архитектура этой церкви пока остается не совсем понятной. Есть описание покраски крыш и глав Благовещенской церкви, по которому мы можем представить себе ее композицию:

«...кровля Церкви на три ската, а над Олтарем и трапезою на два окрашена чернетью. Над церковью возвышается пять глав, окрашенных медянкою. Сверх сих пяти глав возвышающихся над церковью, еще находится по главе с восточной стороны над Олтарем, с северной над приделом Климента Священномученика, и с южной над Благовещением окрашена медянкою же».¹⁷

Колокольня является единственным сооружением, сохранившимся от храмового комплекса XVIII века. Из Справки об имеющихся церквях в Канцелярию Архангельской Духовной консистории видно, что колокольня была выстроена в один год с Благовещенской церковью: «...другая тоже деревянная во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы с Колокольнею деревянною. Построены в 1764 году тщанием прихожан»¹⁸. Размеры колокольни 6 сажен в высоту «до звон»¹⁹, в ширину 3 сажени¹⁹. В ее основании сруб в виде восьмерика на высоком четверике, что традиционно для нижней Онеги и Поморья. Согласно историческим описаниям 1842 года, она имела шатровый верх: «колокольня деревянная шатровая»²⁰. На рис. 1 представлена реконструкция первоначального облика храмов и колокольни.

В октябре 1875 года в Нименьгском погосте случился страшный пожар, в результате которого обе церкви сгорели, а колокольня уцелела. При этом Преображенский храм незадолго до пожара был отремонтирован усердием прихожан «с разрешения Вашего Преосвященства в семь лет был и приведен в надлежащий вид».²¹ Вместо двух храмов прихожане решили строить новую двухэтажную Преображенскую церковь, ориентируясь на план сгоревшей Благовещенской церкви, которая объединила все имеющиеся престолы в сгоревших церквях: Преображения Господня, Рождества св. Иоанна Предтечи, Благовещения Пресвятой Богородицы и священномученика Климента Папы Римского.

Пожар 1875 года стал причиной конфликта между крестьянином Иваном Манзыревым и местным священником Михаилом Васильевским. По мнению Манзырева, священник взял из Преображенской церкви во время ее ремонта кирпичи для собственного дома, поэтому в сгоревшей церкви «печь была дурно устроена и единственно по этой причине храм подвергся пламени, так как проведенная дымовая труба была чрезмерно тонка...»²². Однако из письма церковного старосты Ивана Григорьева Максакова становится ясно, что истинной причиной конфликта стала поддержка священником присланного из Архангельской Духовной консистории плана на постройку одноэтажной, а не двухэтажной церкви. Тогда как план двухэтажной церкви был ранее выполнен самим И. Манзыревым по просьбе

Рис. 1. Графическая реконструкция первоначального облика Преображенской церкви (1760), Благовещенской церкви (1764) и колокольни (1764) во второй половине XVIII века. Реконструкция А. Б. Бодэ

Figure 1. Graphic reconstruction of the original appearance of the Transfiguration Church (1760), the Annunciation Church (1764), and the bell tower (1764) in the second half of the XVIII century by A. B. Bode

прихожан. Согласно этому плану уже была произведена вырубка леса. Но на общем собрании прихожан священник выступил за новый план, который в итоге и был одобрен большинством²³. Конфликт между крестьянином И. Манзыревым и священником М. Васильевским растянулся на несколько лет и был закрыт Указом Архангельской Духовной консистории в 1878 году, согласно которому Михаила Васильевского следовало «освободить от следствия и суда как недоказанного по дознанию в взводимом»²⁴. После длительной переписки местного причта, епископа Ювеналия с Архангельской Духовной консисторией план одноэтажной церкви был все же отменен, и «согласно желанию Нименьгских крестьян» было поручено составить новый проект на двухэтажную церковь²⁵.

Отставным мерщиком А. Копейным были выполнены чертежи для строительства храма. Сохранились чертежи первого варианта проекта, где церковь представлена трехнефной с элементами классицистического декора (треугольные фронтоны на фасадах, крыльцо с деревянными колоннами, ложные полуциркульные проемы на южном и северном фасадах) [4]. Заметно, что существующая Преображенская церковь только в общих формах соответствует проекту. Видимо, проект перерабатывался или строители сами реализовали постройку с отступлением от него.

Новая многопрестольная Преображенская церковь была построена на месте Благовещенской церкви. Здесь имеется едва заметное возвышение. Старая Преображенская церковь стояла близко от этого места с северо-восточной стороны. Рассматривая реконструкции храмовых

ансамблей, выполненные Ю. С. Ушаковым, мы не находим строго определенных закономерностей в расположении летней и зимней церквей [3]. Но все же если не преобладающей, то очень распространенной была постановка зимней церкви к югу от летней, что мы и наблюдаем в Нименьге. Преображенская и Благовещенская церкви вместе с колокольней имели треугольную композицию. Храмовый комплекс стоял в стороне от жилья. В документах о строительстве Преображенской церкви 1878 года имеется запись о том, что «существующие строения крестьян от прежних церквей отстоят в 75 саженьях на юг» [4: 162].

Новая Преображенская церковь была построена в основном в строительный сезон 1878 года, а освящение главного престола во имя Благовещения состоялось 31 января 1878 года, престола во имя священномученика Климента Папы Римского – 1 февраля 1879 года²⁶. Три года продолжались доделки, и в начале 1882 года были освящены остальные престолы на втором этаже храма. Во время постройки четырехскатная кровля церкви и двускатная кровля на паперти были окрашены «чернетью», пять глав и главка под алтарем – «медянкою», кресты – «охроу»²⁷. В 1895 году церковь была обшита тесом и окрашена белилами, в 1897 году отремонтирована и окрашена крыша на средства прихожан²⁸.

Как видим, двухэтажная Преображенская церковь, построенная «в виде корабля», – это необычайно крупное по своим размерам сооружение (рис. 2). Общая длина храма – порядка 27 м, ширина – 13 м, высота сруба четверика – 12,5 м, а высота до основания креста – 22,5 м. На службы в храме собиралось до 1000 прихожан. Четыре престола располагались по два на каждом этаже: в верхнем холодном этаже – в южной половине алтаря в честь Преображения Господня, в северной половине алтаря – в честь Рождества Иоанна Предтечи; в нижнем теплом этаже – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и в честь священномученика Климента Папы Римского.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ЧАСОВНИ

Помимо приходских храмов, в приходе были построены кладбищенские часовни. Первая часовня во имя Святого Иоанна Златоуста была построена в 1839 году иждивением прихожан с разрешения епархиального начальства со внесением святых икон²⁹.

Еще в 1832 году прихожане просили о постройке кладбищенской церкви «собственными усердиями нашими, трудами и иждивением»³⁰. Для постройки церкви архитектор Агеев в 1834 году выполнил план, который не был оплачен прихожанами³¹. К 1842 году крестьяне сами

Рис. 2. Графическая реконструкция Преображенской церкви (1878), колокольни (1764) в начале XX века.
Реконструкция А. Б. Бодэ

Figure 2. Graphic reconstruction of the Transfiguration Church (1878), and the bell tower (1764) in the early XX century by A. B. Bode

«оставили уже намерение строить Церковь на кладбище да и возможности не имеют», поэтому им было отказано в том числе и по причине того, что «приходским Церквам и Колокольни требуются значительные поправки», а само дело приказано сдать в архив³².

После пожара 1875 года, в результате которого сгорели обе приходские церкви, крестьяне, чтобы не остаться «без бракосочетания и прочих спасительных таинств» на период строительства Преображенской церкви, просили перестроить часовню в церковь. Для этого планировалось пристроить алтарь на собственные средства³³. Уже в следующем году был пристроен алтарь, часовня обшита тесом, окрашена «охрой» и освящена как кладбищенская церковь во имя святого Иоанна Златоуста³⁴. Церковь имела двускатную кровлю «по деревянным стропилам», над которой была «восьмерня» с одной главой, центральную часть «в виде квадрата», пятигранный алтарь «полукружием» с главкой, паперть с односкатной крышей³⁵. Главы над церковью и алтарем были окрашены «медянкою», а кресты «охрою»³⁶. В 1900 году наружные стены церкви были повторно окрашены «охрой» на средства прихожанина крестьянина Андрея Верещагина³⁷.

Вторая кладбищенская часовня во имя Святителя Алексия митрополита Московского строилась с 1898 по 1908 год на новом кладбище «Кузминиха». Длительное строительство связано со смертью иконописца в 1902 году, а также долгим отсутствием в г. Кемь и позднее смертью в 1906 году крестьянина Алексея Антонова Лебедева, на чьи денежные средства возводилась часовня³⁸. В 1887 году Алексей Лебедев просил разрешения построить часовню на кладбище своими средствами «по подобию как в г. Онеге и впоследствии обратиться в церковь»³⁹. Прошение его

было одобрено на основании Отзыва священника Нименьгского прихода Михаила Кононова:

«...имею честь донести, что на новоотведенном кладбище часовни нет, а по освящении оной поставлен был один крест. В постройке часовни на кладбище предстоит действительная надобность, потому что место, где отведено кладбище, находится в дали от приходской церкви (1½ версты) и ½ версты от ближайшей деревни Никитинской и представляется пустым, — не похожим на место упокоения усопших»⁴⁰.

Интересным фактом является то, что за десять лет до начала строительства часовни в 1888 году крестьянин Андрей Матвеев Лебедев, из той же деревни Никитинской, что и Алексей Антонов Лебедев, просил разрешения построить часовню во имя Кирика и Иулитты рядом со своим домом. Причиной строительства был обет, данный по выздоровлении:

«В 1885 году я сделался не здоров и в больном почти безнадежном положении был около двух с половиной лет и вовремя болезни мною был дан обет по выздоровлению выстроить своими трудами и средствами небольшую часовню во имя Кирика и Иулитты, в нашем Нименьгском приходе близ своего дома. И как по настоящее время волею Всевышнего Творца выздоровел, то и желаю и считаю своим долгом исполнить обещание данное пред Господом — построить часовню в длину и ширину 11 фут из лесу отпускаемого на хозяйственные надобности, а также и заказаны четыре иконы: Кирика и Иулитты, Пророка Илии, Спасу Преображения и Крест Животворящий»⁴¹.

В следующем году был получен рапорт Благочинного Первого Онежского Благочиния Якова Дмитриева о том, что «для Никитинской деревни, где живет Лебедев, нет необходимости в постройке часовни, потому что крестьяне этой деревни всякое время года могут беспрепятственно посещать приходскую церковь», кроме этого, по словам Я. Дмитриева, «тут искреннего желания принести жертву Богу из своего достатка, в благодарность за избавление от тяжкой болезни нет, а играет одно тщеславие»⁴². В результате в мае 1889 года крестьянину было отказано в постройке часовни. Можно предположить, что Алексей Лебедев был родственником Андрея Лебедева (достоверно известно только то, что они были знакомы, поскольку проживали в одной деревне) и решил выполнить данный обет — построить часовню на собственные деньги.

Акт о готовности часовни во имя Святителя Алексия митрополита Московского датирован 10 января 1908 года и освидетельствован священником Михаилом Верюжским. В Акте указано, что часовня построена с разрешения епархиального начальства, данного в Указе консистории от 30 марта 1898 года ныне умершему крестьянину

Алексею Антонову Лебедеву, построена она «во всем согласно проектам и снабжена достаточно иконами»⁴³. Размеры часовни: «длина 9 аршин, ширина 7½ аршин, внутри от пола до потолка 4½ аршина и высота всего здания в стенах 4 сажени или 3½ саж»⁴⁴.

В 1912 году крестьяне просят о преобразовании в церковь кладбищенской часовни святителя Алексия митрополита Московского: «...эту часовню прихожане желают освятить в церковь, чтобы иметь возможность поминать усопших родных на литургиях на месте их упокоения»⁴⁵. Новая церковь была освящена 16 ноября 1913 года⁴⁶.

Таким образом, в Нименьгском приходе было две кладбищенские часовни, в разное время перестроенные в церкви. В настоящее время церкви утрачены.

ЮДМОЗЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Юдмозерская деревня (Юдмозеро) находилась на значительном расстоянии от куста деревень с. Нименьга, возможно, поэтому в архивных документах деревня Юдмозеро иногда выделялась как самостоятельное поселение:

«Два селения, Нименское расстоянием от церкви одна верста, а другое Юдмозерское селение расстоянием в 20 верстах, и оныя селения состоят оба непотраку, а в усторонь от других приходов»⁴⁷.

Для д. Юдмозеро также указывалось количество домов и жителей. Например, в 1912 году в с. Нименьге было 233 дома, в которых проживало 590 мужчин и 713 женщин, а в деревне Юдмозере – 34 дома, 88 мужчин и 98 женщин⁴⁸. Вопрос о статусе поселения («приписная» деревня или нет) требует дополнительного изучения, поскольку изученные архивные документы не дают точного ответа. Самое раннее известное нам упоминание об Юдмозерской часовне во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской зафиксировано в Клировых ведомостях 1799 года: «В том же приходе в Юдмозерской деревни часовня Тихвинская Богородицы расстоянием от прихода в 10 верстах»⁴⁹. Там же указывается, что строение часовни «твердое», то есть не требует ремонта. В 1820 году здание еще было «прочное»⁵⁰. Одноэтажная Юдмозерская часовня была «устроена иждивением крестьян, проживающих при сей деревне»⁵¹. Часовня предположительно относилась к клетскому типу, поскольку известно, что крыша часовни была двускатная⁵² с одной главой, обитой «чешуею»⁵³. Размеры часовни: в высоту 3 сажени, в длину и ширину по 4 сажени⁵⁴. Три окна располагались на южной стороне, одно – на северной, одно – в паперти на южной стороне⁵⁵. С западной стороны для входа в паперть располагалось деревянное крыльцо с односкатной

крышей, из паперти 2 лестницы вели в придел с колокольной⁵⁶. На колокольной было 4 колокола весом 5 пудов, 30 фунтов, 20 фунтов, 15 фунтов⁵⁷. В 1856 году крестьянин Роман Шибанин пожертвовал пятый колокол весом 5 пудов⁵⁸. Поскольку часовня была покрыта тесом⁵⁹, вероятно, она была окрашена.

В 1863 году часовня была перестроена в приписную *церковь* и освящена священником Малошуйского прихода Иоанном Поповым⁶⁰. Для этого был прирублен пятигранный алтарь с главкой: «церковь была в виде квадрата, а восточная сторона выделяется полукружием... Над кровлею церкви возвышается одна глава, другая над Олтарем»⁶¹. Церковь обшита тесом и окрашена «охрою», главки «медянкою», кресты «охрою»⁶². Позже церковь была окрашена белилами на средства крестьян деревни Юдмозерской⁶³. Над папертью возвышалась шатровая колокольная с пятью колоколами. Она также была обшита тесом и окрашена «охрою»⁶⁴.

1 марта 1906 года прихожане написали Прошение о пристройке новой паперти к Юдмозерской церкви⁶⁵. Архангельской Духовной консисторией был одобрен план перестройки. На рис. 3 обозначено большее количество окон с северной стороны, чем в предыдущих архивных описаниях⁶⁶ часовни. Вероятно, их количество увеличилось в процессе перестройки часовни в церковь в 1863 году.

Кроме того, из предыдущих архивных источников известно, что верх колокольни над папертью был шатровым⁶⁷. Однако, согласно плану, верх колокольни представляет собой купол со шпилем. Таким образом, в 1907 году не просто была пристроена паперть с колокольной по образцу старой, а был кардинально изменен верх колокольни.

НАТУРНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В НИМЕНЬГЕ

Как показали натурные обследования Преображенской церкви, ее фундамент представляет собой выкладку из валунов разной величины под бревнами первого венца без раствора. Стены срублены из толстых бревен и соединены в углах с остатком «в крюк» и отесаны внутри. Полы сделаны из плах по балкам из бревен, печи утрачены. Потолки состоят из толстых досок или плах, уложенных на балки. Большая ширина основного четверика (11,7 м) задала необходимость дополнительных опор, что было выполнено с помощью поперечной и продольной стен, крестообразно пересекающихся в центре молельного помещения. Эти стены прорезаны широкими арками. Особенно впечатляют интерьеры второго этажа,

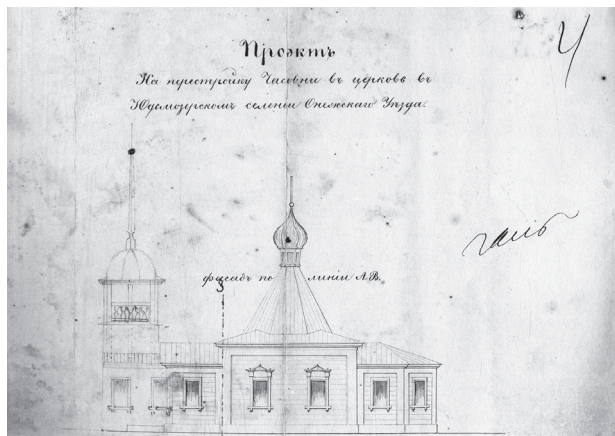

Рис. 3. Проект на перестройку часовни в церковь (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1851. Л. 4). Дело о пристройке паперти к церкви, находящейся в д. Юдмозеро Нименьгского прихода Онежского уезда, 1906–1907

Figure 3. Project for transforming a chapel into a church (State Archive of the Arkhangelsk Region, Fund 29, Inv. 4, Vol. 3, File 1851, P. 4). Records of attaching a porch to the church in Yudmozero village (Nimenga Parish, Onega uyezd), 1906–1907

где высота потолка в двухсветном молебном помещении достигает 5 м. Кубоватое завершение, характерное для поморских и онежских храмов XVII–XVIII веков, здесь получило приземистую форму в соответствии с широким основанием. Это последняя по времени строительства кубоватая церковь. Конструкция куба рублена «в реж» и внутри также имеет крестообразные перерубы. Главы покрыты треугольным лемехом, что обычно для поморских церквей XIX века. По старым фотографиям видно, что на пятискатной крыше алтаря была ныне утраченная маленькая бочка, украшенная главкой.

Церковь имеет дощатую обшивку из нешироких досок, прибитых промышленными гвоздями квадратного сечения, что вполне соответствует времени ее устройства в 1895 году. Кровельные доски на нижней части куба прибиты коваными гвоздями. Следовательно, они относятся к 1878 году. На их поверхности видно, что первым слоем лежит красная краска, позже перекрытая зеленой. Кубы нередко окрашивали в два цвета: нижний ряд теса красным, остальные верхние – зеленым. Так было на Вознесенской церкви в Кушерецком, на Алексеевской церкви в Куртяево. Лемех на главах тоже был прибит коваными гвоздями, и на нем имеются следы зеленой окраски. Документы говорят о ремонте крыши в 1897 году. Действительно, верхние ряды теса на кубе прибиты промышленными гвоздями, такими же, как и обшивка стен. После ремонта куб покрасили полностью зеленой краской, но полицы, видимо, по-прежнему были окрашены красным.

Колокольня, как отмечалось выше, первоначально была шатровой. Это известно по описанию 1842 года. В архивных документах 1882 года указывается, что колокольня завершается шпилем, обшита тесом и выкрашена белилами⁶⁸. Видимо, в промежуток между 1842 и 1882 годами шатровый верх колокольни был заменен на купол со шпилем, и сруб получил дощатую обшивку. Сейчас обшивка, сохранившаяся на стенах колокольни, точно такая же, как на церкви. Соответственно, она и могла быть сделана примерно в это же время. Имеется упоминание о том, что обшивка колокольни была сделана к 1886 году,⁶⁹ но маловероятно, что обшивку меняли столь часто. Скорее всего, первая обшивка стен была сделана в середине XIX века, а нынешняя сохранившаяся обшивка сменила ее в конце XIX века.

Сруб нименьгской колокольни, относящийся к 1764 году, несет следы перестроек. В первом ярусе четверика с северной стороны имеются два смежных входа, один из которых закрыт. Первоначально здесь располагались два складских помещения, разделенные между собой стеной и отделенные от внутреннего пространства колокольни бревенчатым перекрытием. Над этими входами в уровне второго яруса мы видим небольшой заложный дверной проем, следы балок под ним, врубленных в «ласточкин хвост» и горизонтальную выемку от пола. Судя по этим следам, с северной стороны была лестница и площадка перед дверью входа. Подобное решение характерно для колоколен. Нижний ярус использовался для кладовых, а вход на ярус звона шел через наружную лестницу сразу на второй ярус и далее по внутренним лестницам вверх. Каково было устройство крыльца нашей колокольни, мы можем догадываться лишь примерно. Есть упоминание 1833 года, что крыльцо с северной стороны было покрыто односкатной кровлей⁷⁰. Скорее всего, площадка входа на второй ярус колокольни опиралась на столбы и имела лестницу с западной стороны – от храма.

Колокольня ремонтировалась с переборкой, о чем говорит разметка бревен и заложный цельными бревнами проем входа на второй ярус. Внизу были заменены два венца. Скорее всего, переборка делалась одновременно с перестройкой завершения, то есть примерно в середине XIX века. После этой реконструкции вход был устроен через одну из нижних дверей, перекрытие частично удалено и добавлена внутренняя лестница с земли на второй ярус. Детали яруса звона сохранились достаточно хорошо. На горизонтальных элементах ограждения остались следы от четырех плоских балясин на каждой стороне. Похожие колокольни сохранились в

Турчасово (1793), Малошуйке (1807), Ворзогорах (1862). Раньше в поселениях Поморья и нижнего Поонежья их было значительно больше: в Унежме, Кушерецком, Подпорожье, Чекуево, Усть-Коже, Верховье, Шелексе, Вазенцах и других селах. Известно, что некоторые из них первоначально тоже имели шатры, которые позже были заменены куполами со шпильями. Традиционный для поздних колоколен нижней Онеги купол с поогнутыми краями напоминает пластику куба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные источники в совокупности с материалами натурного обследования позволили раскрыть строительную историю храмового комплекса в Нименьге и выявить ряд строительных этапов.

1. К середине XVI века была построена Преображенская церковь. Возможно, в Нименьге это была не первая церковь.

2. В последней трети XVII века было построено два храма – Благовещенская церковь с приделом Климента Папы Римского (1670) и Преображенская церковь с приделом Рождества св. Иоанна Предтечи (1690).

3. Во второй половине XVIII века предшествующие храмы сменяются двумя новыми – холодной Преображенской церковью с приделом Рождества св. Иоанна Предтечи (1760) и теплой Благовещенской церковью с приделом священномученика Климента Папы Римского (1764). Также строится колокольня (1764) и ограда с двумя воротами.

4. В 1878 году после пожара строится двухэтажная церковь Преображения Господня, включающая престолы Рождества св. Иоанна Предтечи, Благовещения Пресвятой Богородицы и священномученика Климента Папы Римского. Колокольня (1764) сохраняется в перестроенном виде.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII–XIX веков. Типология, эволюция, региональные традиции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 8. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898.

² ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 333. Клировые ведомости о церквях первого Благочиния за 1846–1849 гг. / Клировая ведомость, 1849.

³ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 8. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898.

⁴ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова 1556 г. / Публ. Ю. С. Васильева // Социально-правовое положение северного крестьянства: досоветский период / Под ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1981. С. 134–135.

⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Клировая ведомость, 1799.

⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 26. Клировая ведомость, 1803.

⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 5. Клировые ведомости церквей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1810.

⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 12. Клировые ведомости церквей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1820.

⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Л. 217–218. Клировая ведомость, 1799.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 327. Л. 142. Переписная книга Крестного монастыря, его земель, угодий и вотчин, составленная в связи с припиской монастыря к Воскресенскому стряпчим Лукьяном Борисовичем Немцовым, 1682.

¹¹ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Л. 3. Опись имущества и угодий церквей Нименьгского прихода, 1833.

¹² ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Опись имущества и угодий церквей Нименьгского прихода, 1833; Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.

¹³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 1. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.

¹⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 818. Л. 1, 3. Дело по прошению священно- и церковнослужителей и прихожан Нименьгского прихода Онежского уезда о ремонте церкви Преображения Господня, 1818.

¹⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 3. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименьгского Преображенского Прихода, составлена в 1856 году членом Консистории Священником Григорием Шиловым.

¹⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 1. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.

¹⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 8. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименьгского Преображенского Прихода, составлена в 1856 году членом Консистории Священником Григорием Шиловым.

¹⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1358. Л. 3. Дело по прошению крестьян Нименьгского прихода Онежского уезда о постройке кладбищенской церкви, 1832–1842.

¹⁹ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Л. 3. Опись имущества и угодий церквей Нименьгского прихода, 1833.

²⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 2. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.

- ²¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 593. Л. 1. Дело о постройке новой церкви в Нименьгском приходе Онежского уезда вместо сгоревшей 1875–1883.
- ²² Там же. Л. 36–37.
- ²³ Там же. Л. 41.
- ²⁴ Там же. Л. 42.
- ²⁵ Там же. Л. 18–19.
- ²⁶ Там же. Л. 99.
- ²⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 4. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.
- ²⁸ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 41. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901.
- ²⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 13. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименьгского Преображенского Прихода, 1856.
- ³⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1358. Л. 2. Дело по прошению крестьян Нименьгского прихода Онежского уезда о постройке кладбищенской церкви, 1832–1842.
- ³¹ Там же. Л. 18.
- ³² Там же. Л. 22.
- ³³ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 593. Л. 2, 7. Дело о постройке новой церкви в Нименьгском приходе Онежского уезда вместо сгоревшей 1875–1883.
- ³⁴ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. Клировые ведомости о церквях первого Благочиния за 1876–1885.
- ³⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 12. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.
- ³⁶ Там же. Л. 12.
- ³⁷ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 41. Клировые ведомости по Онежскому уезду за 1901 год / Ведомость о Церкви Онежского уезда Нименьгского прихода за 1901 год.
- ³⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1453. Л. 18, 25. Дело по прошению крестьянина Нименьгской волости Алексея Лебедева о разрешении устроить часовню на кладбище в Нименьгском приходе Онежского уезда, 1897–1909.
- ³⁹ Там же. Л. 2.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1453. Л. 4. Дело по прошению крестьянина Нименьгской волости Алексея Лебедева о разрешении устроить часовню на кладбище в Нименьгском приходе Онежского уезда, 1897–1909.
- ⁴¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 977. Л. 1. Дело о разрешении крестьянину Андрею Лебедеву Нименьгского прихода Онежского уезда построить часовню около своего дома, 1888–1889.
- ⁴² Там же. Л. 3–4.
- ⁴³ Там же. Л. 6.
- ⁴⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1453. Л. 5. Дело по прошению крестьянина Нименьгской волости Алексея Лебедева о разрешении устроить часовню на кладбище в Нименьгском приходе Онежского уезда, 1897–1909.
- ⁴⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2665. Л. 1. Дело о преобразовании в церковь кладбищенской часовни святителя Алексия в Нименьгском приходе Онежского уезда, 1912–1913.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Л. 6. Опись имущества и угодий церковей Нименьгского прихода, 1833.
- ⁴⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2176. Л. 6. Клировая ведомость Нименьгского прихода Онежского уезда, 1912.
- ⁴⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Л. 217. Клировая ведомость, 1799.
- ⁵⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 12. Л. 168. Клировые ведомости церковей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1820.
- ⁵¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 14. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименьгского Преображенского Прихода, 1856.
- ⁵² Там же. Л. 14.
- ⁵³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 2. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 768. Л. 15. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Нименьгского Преображенского Прихода, 1856.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 2. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.
- ⁶⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 14. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 41. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901 / Ведомость о Церкви Онежского уезда Нименьгского прихода, 1901.
- ⁶⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 16. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.

- ⁶⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1851. Л. 1. Дело о пристройке паперти к церкви, находящейся в д. Юдмозеро Нименьгского прихода Онежского уезда (прилагается чертеж), 1906–1907.
- ⁶⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 471. Л. 2. Опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1842.
- ⁶⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1217. Л. 16. Главная опись церковного и ризничного имущества Нименьгского Преображенского прихода, 1882.
- ⁶⁸ Там же. Л. 14.
- ⁶⁹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск: Типография Д. Горайнова, 1896. С. 15.
- ⁷⁰ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 29. Л. 3. Опись имущества и угодий церквей Нименьгского прихода, 1833.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодэ А. Б. Покраски фасадов деревянных церквей XIX – начала XX веков // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 216–218.
2. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М.: Изд. Академии архитектуры СССР, 1942. 212 с.
3. Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. 168 с.
4. Ходаковский Е. В., Мелюх Е. А. Преображенская церковь в Нименьге и деревянное церковное зодчество Беломорья XIX века // Архитектурное наследие. 2013. Вып. 59. С. 157–167.

Поступила в редакцию 17.02.2020

Andrey B. Bode, PhD in Architecture, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow, Russian Federation)
bode-niitag@yandex.ru

Tatiana V. Zhigaltsova, PhD in Philosophy, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
zhitava@gmail.com

Evgeny V. Khodakovsky, PhD in Arts, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
E.Khodakovsky@spbu.ru

NIMENGA PARISH OF THE ONEGA UYEZD IN ARKHANGELSK PROVINCE: CONSTRUCTION HISTORY*

The study presents the history of constructing a church complex in Nimenga settlement from the Onezhsky district of the Arkhangelsk region, one of the understudied objects of Russian wooden architecture. The paper analyzes previously unpublished archival sources of the XIX century dealing with the construction of the first wooden churches (the Church of the Annunciation and the Church of the Transfiguration), two cemetery chapels, and Yudmzero Church of the Theotokos of Tikhvin (1863) in the Nimenga Parish of the Onega uyezd (Arkhangelsk province). The study is also based on the on-site field inspections of the preserved historical objects – the Church of the Transfiguration (1878) and the bell tower (1764), which enabled the authors to graphically recreate the original appearance of these objects. As a result, the authors introduced new factual data to the academic community, traced the construction timeline, described the specific architectural features of the studied objects, and made conclusions about the full construction history of the Nimenga church complex between the XVII and the XIX centuries.

Keywords: history of Russian settlements, Onega Pomorie, Nimenga, Russian wooden architecture, construction traditions

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the project No 20-012-00356 “Architecture of Onega Pomorie wooden churches from between the XVII and the XIX centuries. Typology, evolution, regional traditions”.

Cite this article as: Bode A. B., Zhigaltsova T. V., Khodakovsky E. V. Nimenga Parish of the Onega uyezd in Arkhangelsk province: construction history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 40–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.515

REFERENCES

1. Bode A. B. The colors of wooden churches from the XIX and the early XX centuries. *Ryabinin Readings – 2019: Proceedings of the VIII Conference on the Cultural Heritage of Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 216–218. (In Russ.)
2. Zabello S., Ivanov V., Maksimov P. Russian wooden architecture. Moscow, 1942. 212 p. (In Russ.)
3. Ushakov Yu. S. Ensemble of the folk architecture of the Russian North (space organization, composition techniques, perception). Leningrad, 1982. 168 p. (In Russ.)
4. Khodakovsky E. V., Melyukh E. A. Transfiguration Church in Nimenga and 19th-century wooden church architecture of the White Sea region. *Architectural Heritage*. 2013. Issue 59. P. 157–167.

Received: 17 February, 2020

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ И ПУБЛИЦИСТЫ О РОЛИ КРЫМСКИХ ТАТАР В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ»

Статья посвящена изучению публикаций российских авторов 2014–2019 годов о роли крымских татар в событиях «крымской весны» и их отношении к принятию полуострова в состав России. В отличие от изучения предыдущих исторических периодов в истории этноса, данная тема еще не была предметом исследования. При этом сложная интеграция крымских татар в российское общество, политизированность связанных с этим вопросов и большое количество вышедших публикаций в разных научных областях обуславливают значительную актуальность историографического исследования. В задачи работы входит систематизация имеющихся материалов, выявление особенностей и общих черт в публикациях авторов, а также преимущества их точек зрения на деятельность крымских татар в событиях 2014 года (участие в февральских митингах и мартовском референдуме, отношение к нормативным актам российского руководства и сложившейся экономической и политической ситуации в целом). При этом предметом исследования является развитие историографической ситуации вокруг «крымско-татарского вопроса» в тематическом и хронологическом отношениях. Особенностью начального этапа историографии в современных условиях является его публицистичность и полидисциплинарность, поэтому автор использует работы историков, этнологов, политологов, юристов, а также журналистов, разделяя их по группам и направлениям. В статье выделены три направления в изучении крымских татар: критическое, негативно оценивающее деятельность их национальных организаций; лояльное, акцентирующее положительные стороны в поведении представителей этноса; этнополитическое, стремящееся к анализу всех деталей крымско-татарской проблемы. Весь историографический процесс разделен на три условных периода, не имеющих четких границ: политизированный (2014 – начало 2016 года), эмпирический научный (2015 – конец 2016 года) и период научного осмысления пройденного (с 2017 года). При этом автор отмечает сохранение существовавших до 2014 года историографических традиций в изучении истории крымских татар, неравномерность интереса исследователей к деятельности национальных организаций, наличие белых пятен в изучении их роли в событиях 2014 года, а также медленное развитие источниковой базы для изучения данной проблемы.

Ключевые слова: «крымская весна», крымские татары, этнополитика, российская историография, национальные объединения, этническая интеграция

Для цитирования: Савицкий И. В. Российские ученые и публицисты о роли крымских татар в «крымской весне» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 50–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.516

ВВЕДЕНИЕ

Полиэтничность как одна из базовых составляющих Российской Федерации всегда привлекала внимание исследователей. Не стало исключением и изучение «крымской весны» 2014 года, давшей мощный импульс общественному развитию и другим, еще не завершившимся процессам. Важным аспектом этой темы является деятельность крымских татар в событиях февраля – марта 2014 года¹. Противоречивое освещение истории этого этноса из-за событий XX века в настоящий

период претерпевает значительные изменения: в результате крымской сецессии крымские татары стали полноправными гражданами Российской Федерации, и неосторожное обращение с исторической памятью вполне может быть квалифицировано как разжигание межнациональной розни. Актуальность темы подчеркивается протестом крымско-татарской общественности против использования школьного учебника по истории Крыма для десятых классов, в котором акцентировался коллаборационизм крымских та-

тар², а также резолюцией Генеральной ассамблеи ООН о нарушениях прав человека на Крымском полуострове от 31 октября 2019 года. В данной ситуации велика роль неполитизированного научного подхода. Анализируя эволюцию взглядов коллег на наиболее актуальные вопросы недавнего, но прошлого, историк помнит о четырех основных задачах историографии – познавательной («кто, где, когда»), рефлексивной («все ли было так»), рациональной («учесть уроки прошлого») и никуда не ушедшей пропагандистской («нужно только так»). При этом важной особенностью историографии новейшей истории является публицистический уклон, объясняемый принадлежностью авторов к поколению, современному изучаемым событиям. Этому способствуют эмоциональность, использование узкого круга доступных источников, определенная предвзятость в восприятии событий, приводящие к методологической эклектике (от добротного позитивизма до псевдонаучного идеологического пафоса) и незавершенности выводов. Тем не менее без этого этапа историографии дальнейшее ее развитие было бы невозможно.

Новейшая история крымских татар до событий 2014 года была объектом изучения как российских [12], [28], так и зарубежных авторов [47]. В задачи данной статьи входит систематизация точек зрения широкого спектра научных исследований и наиболее крупных публицистических работ о роли крымских татар в событиях 2014 года. Среди бума опубликованных в 2014–2019 годах работ, посвященных «крымской весне»³, редкий автор не затрагивал этнополитические аспекты этого события (при этом особым вниманием пользуются результаты социологических опросов [11: 25–26]). Поэтому статья носит полидисциплинарный характер, а ее предмет исследования ограничен лишь мнениями ученых и публицистов о деятельности крымских татар на полуострове и их отношении к российской государственной власти зимой – весной 2014 года; историчность дальнейших сюжетов в настоящий период не очевидна.

Можно выделить несколько направлений в изучении политического поведения крымских татар российскими авторами. *Первое* из них целесообразно назвать критическим: оно негативно оценивает роль представителей крымско-татарской общественности в 2014 году и склонно проецировать это отношение на другие этапы российской истории (при этом обходя такие сюжеты, как московско-крымский союз при Иване III или

борьба крымских татар против нацизма). Ярким представителем этого направления является А. Б. Широкоград. За политизированность и поверхностный взгляд на объекты своего изучения его публицистические работы не единожды подвергались критике, в том числе и петрозаводскими историками [41: 70–71]. Если первоначально в своей книге, подписанной в печать уже в апреле 2014 года, А. Б. Широкоград пугал читателя угрозой создания татарского халифата [43: 331], то в дальнейшем автор перешел к более конкретному описанию. По его мнению, роль крымских татар в событиях на полуострове была активна и направлена против пророссийских сил: они якобы заранее организовывали схроны с оружием, сорвали сессию Верховного Совета Крыма 26 февраля и пытались захватить власть путем организации территориальных штабов под контролем меджлиса⁴ [44: 181–192]. При этом автор не обращает внимания на митинги крымских татар до 26 февраля (упоминания о них можно найти у других, не менее ангажированных публицистов [37: 50]), а также переоценивает влияние меджлиса и монолитность крымско-татарской общественности в целом. В отличие от А. Б. Широграда другой автор – полковник В. Н. Баранец – в своем «документально-художественном исследовании» все же указал на разделение крымских татар в «битве при парламенте» на сторонников и противников возвращения Крыма в состав России [1: 216].

Важная черта публикаций с односторонними негативными оценками действий крымских татар – отсутствие исследовательского характера. Некритическое отношение к источникам, необходимость дополнительного обоснования тезисов и выводов, игнорирование вклада не только специалистов, но и себе подобных авторов приводят к тому, что результаты работы публицистов невозможно использовать в научной литературе иначе как в качестве историографического казуса.

Второе направление выглядит малозаметным на фоне остальных из-за нечеткости своей позиции. Автор назвал бы его лояльным, выжидательным. Причисляемые к нему исследователи более внимательно анализируют ситуацию и отмечают наличие среди крымских татар других общественных объединений, в том числе оппозиционных «Меджлису». Более того, они воспринимали антироссийскую позицию «Меджлиса» как временное явление, и лишь запрет его деятельности на территории России в 2016 году положил конец данным заблуждениям. Одним из примеров «выжидательной» позиции можно считать

статью профессора В. К. Самигуллина, поставившего перед исследователями ряд вопросов: что на самом деле представляют собой крымские татары (этнос или часть другого этноса), что они думают о себе, как должны развиваться в современных условиях, должны ли бороться за культурную, национально-территориальную автономию или независимость? В завершение этого перечня автор допустил бессмысленность поставленных им же вопросов [33: 18], что может говорить о большой растерянности исследователя в сложившейся политической ситуации.

Схожа по своей направленности и публикация академика АН Республики Татарстан И. Р. Тагирова, в прошлом первого председателя Всемирного конгресса татар. Как и предыдущий автор, И. Р. Тагиров дал краткий обзор роли крымских татар в истории полуострова, подчеркнул роль Президента Татарстана Р. Н. Минниханова в «убеждении» Р. Чубарова и В. В. Путина в возможности компромисса, а также в общих чертах обрисовал недоброжелательную позицию руководства Меджлиса. При этом объектом критики со стороны автора стало руководство Республики Крым, чья «не совсем адекватная» позиция привела к избиениям и убийствам крымских татар, более 7 тысяч которых были вынуждены уехать с полуострова. Кульминацией размышлений автора стало утверждение о противоречии между действиями руководства Республики Крым и позицией Президента России В. В. Путина, «стоящего за справедливое решение статуса крымско-татарского народа» [40: 83, 85]. Несмотря на безусловную поддержку позиции российского Президента, статья И. Р. Тагирова была быстро признана тенденциозной из-за идеализации политики Меджлиса [3: 209], [4: 123]. Однако необходимо иметь в виду, что его материал был написан под влиянием временного улучшения отношений между «Меджлисом» и российской государственной властью: вице-премьером Республики Крым был Л. Э. Ислямов, а лидеры этого движения публично призывали население к спокойствию (в том числе на мартовском курултае в Бахчисарае с участием Р. Чубарова и Р. Н. Минниханова). Это обусловило положительное отношение И. Р. Тагирова к деятельности данной организации. Однако необъективность автора сказывается в игнорировании других крымско-татарских общественных сил и в наивном стремлении столкнуть между собой позиции центральной и региональной властей, что явно не соответствует задачам научной публикации.

В похожую ловушку попал и «школьный путевоодитель» по истории Крыма Б. Г. Деревен-

ского: показав активную роль крымских татар в столкновениях 26 февраля и их убедительную (хоть и временную) победу, автор проиллюстрировал этот этап крымской истории тремя фотографиями, в том числе митинга 26 февраля у здания Верховного Совета Крыма (с явным превалированием флагов Евромайдана) и курултая крымских татар с крупным изображением их лидеров (включая двух руководителей «Меджлиса») [15: 74–78]. Запрет деятельности этой организации в России и заочный арест ее лидера за подрыв основ государственной безопасности России поставили автора школьного пособия в неловкое положение: в тексте не хватает упоминания о том, что именно данные лица были в числе инициаторов экономической блокады Крыма.

Третье направление можно назвать этнополитическим. Сюда на нынешнем историографическом этапе можно включить и юридические, и этнокультурные исследования, так как все они касаются положения крымских татар в новом для Крыма статусе. В данном направлении превалируют научные публикации; однако чем лояльнее исследователь относится к пропагандистской функции науки, чем менее аргументированы его выводы, тем сильнее его работа приобретает публицистический оттенок. Основными позициями являются акцентирование неоднородности мнений крымско-татарской элиты о принятии Крыма в состав России и приоритетной роли руководства Российской Федерации в решении крымско-татарской проблемы. При этом основной источник нормотворчества российского руководства – указ Президента РФ от 21 апреля 2014 года № 268 (как и усиливший его смысл указ от 12 сентября 2015 года) часто остается за кадром и анализу не подвергается. Одну из причин этого можно видеть в понимании исследователями роли мелкого бизнеса как основного интереса крымских татар, в отсутствии у представителей этого этноса «киждивенческих установок» [14: 580]. Данное мнение не бесспорно, однако решение «крымско-татарского вопроса» действительно зависит не столько от дотаций из госбюджета, сколько от создания возможностей для самостоятельного эффективного развития частного предпринимательства, в том числе совместно с иностранным. В российских условиях эта проблема выходит за рамки этнополитической, и указ Президента 2014 года изначально не мог быть нацелен на ее полное решение (создание экономических привилегий по этническому признаку противоречило бы принципам демократического общества). Указ мог быть действителен

только в комплексе с другими мероприятиями по поддержке крымско-татарского населения, обзор которых дан в статьях В. Е. Полякова [29: 164], Д. С. Маслякова [20] и других авторов. Одновременно исследователями приводятся данные о недовольстве со стороны русского населения льготами, полученными крымскими татарами по итогам президентского указа [18: 115]. Это может актуализировать в будущем изучение феномена «позитивной дискриминации» крымских татар.

Можно предположить еще одну причину поверхностного отношения исследователей к значению указа № 268 – политика государства в отношении земельных самоуправов. В тексте документа об этом напрямую не говорилось, но исследователи изначально связывали его действие с предстоящей амнистией по земельным захватам [2: 180], [3: 211]. Между тем в реальности государство начало активное наступление на 59 «полян протеста» [46: 291], одновременно выдав к 2016 году документы на 3,5 тысячи земельных участков [19: 160].

По мнению профессора Института права и национальной безопасности РАНХиГС А. Н. Михайленко, за 2014 год Россия для крымских татар «сделала больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [21: 35]. Между тем, по словам руководителя сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН В. И. Мукомеля и его коллег, очевидные потери крымских татар от присоединения к России пока не перекрываются соответствующими дивидендами. От правительственных мер выиграли бюджетники, государственные и муниципальные служащие, а также служащие без высшего образования [22: 60]. Опубликованные позднее тем же автором высказывания крымских татар об «удушении» мелкого бизнеса и высоком уровне коррупции отражают, по его мнению, эрозию ожиданий крымчан и усиление неоднородности отношения крымских татар к России [23: 147–148, 155].

Важным вкладом в изучение крымско-татарской проблемы в 2015 году стала коллективная монография, подготовленная известными крымскими историками и политологами [46]. Рассматривая всю этнополитическую историю Крыма, авторы подробнее останавливаются на рубеже XX–XXI веков. Исследование наглядно показало, насколько сложна работа с источниками по изучению периода, еще не ушедшего в историю. Авторы используют в основном личные наблюдения, подстраховывая друг друга и изредка ссылаясь на нормативные документы, материалы СМИ и опубликованный к тому времени

сборник документов [13]. Показывая эволюцию крымско-татарского движения, они акцентируют внимание на внутренних противоречиях в его развитии, связи меджлиса с Евромайданом, а также подробно прослеживают ход событий 2014 года (с указанием несовпадающих с их точками зрения позиций) и ближайшие последствия введения президентского указа. По данным авторов, за присоединение Крыма к России могли проголосовать максимум четверть крымских татар при значительной доле воздержавшихся [46: 276]. При этом используемые авторами эпитеты бывают предельно честны; например, упоминавшийся выше вклад руководства Татарстана и Башкортостана в развитие отношений с крымскими татарами авторы называли «массированной обработкой» меджлиса, а лидеров этой организации – изгнанными [46: 279, 283]. Несмотря на преждевременный вывод о том, что «с возвращением Крыма в состав России потребность в протестном национальном движении для крымских татар исторически отпала» [46: 281], такой подход до сих пор сохраняет актуальность данного издания.

Мнение о деполитизации этнического фактора в Крыму высказала и профессор Крымского федерального университета Т. А. Сенюшкина [36: 83], задолго до «крымской весны» предсказавшая усиление межэтнической напряженности в Крыму и ее зависимость от интенсивности геополитического соперничества [34: 378]. Именно Т. А. Сенюшкина к 2017 году показала частичную переориентацию представителей меджлиса в пророссийскую сторону на примере деятельности Ремзи Ильясова [45: 130] (избранного в Государственный Совет Республики Крым от партии «Единая Россия»). Таким образом, меджлис до и после событий 2014 года – это разные по количественному и качественному составу организации.

Анализируя значение президентского указа № 268, Т. А. Сенюшкина справедливо связывает его с положениями Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 377–ФЗ о создании в Крыму свободной экономической зоны сроком на 25 лет [36: 83–84], что могло способствовать развитию частного бизнеса и других сфер экономики. Приверженность цивилизационному подходу обусловила признание автором за крымскими татарами «своей версии коллективной памяти и исторической правды», способствовавших состоянию «коллективной виктимности». Между тем реальный социальный и экономический статус крымских татар, по ее словам, выше официально декларируемого, и потерять его в противостоянии с новой властью они не захотят [35: 189].

Мнение о лучшей материальной обеспеченности (например, земельными участками) крымских татар по сравнению с представителями других этнических групп высказывали и другие исследователи [42: 64].

Важное значение в рассмотрении данной темы имеют исследования московского этнолога Р. А. Старченко, основанные на этносоциологических опросах Института этнологии и антропологии РАН 2013–2014 годов. По его данным, в референдуме 2014 года приняли участие около 47 % крымских татар [38: 185], что является значительной цифрой на фоне предположений других авторов; 42 % опрошенных отрицательно отнеслись к Евромайдану, характеризуя его как государственный переворот (остальные точки зрения получили меньше поддержки) [38: 195]. Р. А. Старченко акцентирует внимание на пророссийских настроениях среди этого этноса, объясняя противоположную позицию исторической памятью населения о депортации 1944 года и снижая, таким образом, степень недовольства крымских татар современными российскими условиями. Соглашаясь с тем, что указ Президента 2014 года – это красивый политический ход, автор подчеркивает его актуальность на фоне 23-летней недооценки проблемы репатриированных в украинском законодательстве [39: 163–165].

Особое место в изучении этнополитической ситуации принадлежит монографии профессора КубГУ, доктора исторических и политических наук А. В. Баранова, ставшей результатом десятилетней исследовательской деятельности автора. Учитывая объект исследования (этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму), автор с ювелирным изяществом сформулировал методологическую базу работы, дал краткий историографический обзор исследований, посвященных как пророссийским, так и крымско-татарским движениям, а также указал на большинство акций и достижений крымских татар в ходе «крымской весны». А. В. Баранов отмечает усиление неоднородности крымско-татарского движения с 2010 года, а также снижение уровня межэтнической конфликтности среди крымских татар в 2014 году на 40 %, связывая это с политикой России в Крыму и Украины в Донбассе. А. В. Баранов одним из первых указал на важность изучения деятельности «Милли фирка», «Къырым бирлиги» и других общественных организаций. Признавая их пророссийскими, исследователь тем не менее отметил прагматизм их позиции, связанный с опасениями за будущее своего народа. Причину же снижения влияния Меджлиса автор

видит в отрицании факта воссоединения Крыма с Россией и отказе от межэтнического диалога [4: 123–130]. Хотя с точки зрения историка автор монографии уделил недостаточно внимания источниковедческому аспекту своего исследования (нормативные документы, опубликованные воспоминания, материалы электронных СМИ), его выводы и рекомендации о профилактике этнополитических конфликтов сохраняют актуальность. При этом он избегает публицистической остроты и не стремится показывать конфликт в сферах, где его нет (например, это касается критической позиции Турции в отношении Меджлиса и по сути признания ею Крыма российским де-факто [4: 21, 129]).

Одним из перспективных направлений в научном изучении позиции крымских татар является анализ их идентичности. Ее актуальность политологи видят в связи между самоидентификацией граждан и их отношением к проводимой политике [11: 28]. Чаще всего авторы сводят многоуровневое понятие идентичности к конструктивистской парадигме этничности; при этом анализируются статусные роли и результаты взаимодействия акторов политики, использующих примордиальные основы идентичности как инструмент конструирования политической реальности. По словам А. В. Баранова, данная политика проводится с целью нациестроительства, то есть закрепления гражданской нации на надэтнической основе, и должна включать в себя систему мер, направленных на конструирование, воспроизводство и трансляцию позитивного общенационального самосознания россиян [4: 9, 158]. Таким образом, политика современной российской идентичности по сути должна взять реванш за крах конструктивистского проекта «единый советский народ».

Исследователи предостерегают от абсолютизации данной методики. В частности, В. И. Мукомель напомнил о синдроме «навязанной» идентичности применительно именно к крымским татарам [24]⁵. Тем не менее результаты опросов крымчан показали конкретные результаты: накануне событий 2013–2014 годов крымские татары на 80 % придерживались этнической идентичности (в отличие от государственной идентичности русских и украинцев) и по результатам анкетирования выглядели наиболее сплоченным этносом. При этом причинами межэтнической напряженности после принятия полуострова в состав России 36,5 % опрошенных крымских татар называли (как и можно было ожидать) социально-экономические проблемы, на что представители славянских национальностей обращали гораз-

до меньше внимания. Четверть крымских татар была обеспокоена провокационным поведением других национальностей (можно догадаться, каких), однако среди русских эта доля выросла до 43 % [5: 5–8]. В ходе анкетирования в октябре 2015 года лишь 16 % крымских татар признали себя россиянами, а к июню 2016 года – 8 %. При этом 44 % крымских татар были удовлетворены ситуацией в Крыму. И хотя опросы проводились разными организациями, эти цифры показывают, что о деполитизации этнического фактора на полуострове говорить еще рано. Риски конфликта идентичностей высоки, и они сосредоточены в столице Республики Крым [6: 67–68], [22: 60–65], что объясняется концентрацией ресурсов власти; зоной риска к 2018 году были признаны и степные районы в связи с их экономической депрессивностью и близостью к российско-украинской границе [7: 357].

Так или иначе, нынешняя ситуация находится в постконфликтном состоянии. В. И. Мукомелем были выделены пять причин снижения политической напряженности в регионе, лежащих в бытовой и коммуникационной сферах [23: 144–145]. По мнению же полковника С. А. Буткевича, планы радикалов были аннулированы пророссийским выбором большинства крымчан на марттовском референдуме 2014 года, последующим военным присутствием России на полуострове, ужесточением правоохранительного контроля над преступностью и действием российского уголовного закона [9: 59]. К сожалению, авторы не учли активного противодействия радикалам со стороны пророссийских организаций (например, «Себат»), а также стремления российских властей к решению проблем крымских татар. При этом, по мнению С. А. Буткевича, вероятность спорадического, латентного характера деятельности радикалов сохраняется в местах компактного проживания этнических диаспор.

Безусловно, указанные три направления изучения крымских татар взаимосвязаны и имеют общие точки соприкосновения. К ним относятся признание Республики Крым и города Севастополя частью Российской Федерации, ведение бизнеса как основного объекта интереса крымских татар и признание их настороженного отношения к изменению статуса Крыма. По развитию этих трех направлений можно предположить, что некоторые из них в настоящий период перестали быть актуальными. Поэтому целесообразно выделить три этапа развития исследовательского интереса в отношении крымских татар после 2014 года, не имеющих резких хронологических гра-

ниц и зависящих от эволюции позиции каждого исследователя.

1) *Историография 2014 – начала 2016 года* отличается эмоциональностью и недостаточной толерантностью ряда патриотически настроенных авторов на фоне бума публикаций о «крымской весне», объясняемого общественной эйфорией от принятия в состав Российской Федерации новых субъектов. При этом была заметна растерянность со стороны специалистов, симпатизировавших своему объекту исследования, что привело к постепенному прекращению их публикаций.

2) *Историография 2015 – конца 2016 года* отличается более научным, эмпирическим подходом. В данный период Р. А. Старченко была защищена первая диссертация о крымских татарах, включающая сюжет о «крымской весне» (анализу диссертационных работ посвящена отдельная статья [32]); ее материалы стали основой для совместной работы с крымскими исследователями [45]. Кроме того, были опубликованы другие коллективные и индивидуальные монографии, демонстрировавшие комплексный подход к изучению проблемы.

Одновременно разворачивается критика ряда работ, посвященных истории крымских татар. В частности, были раскритикованы взгляды автора капитальной четырехтомной «Истории крымских татар» [12] – известного историка-скандинависта, профессора СПбГУ В. Е. Возгрина (1939–2020). Его петербургские коллеги встретили книгу вполне доброжелательно, чего нельзя сказать об украинских и тем более крымских историках. В рецензии на одну из его работ известный крымовед, профессор КФУ им. Вернадского А. А. Непомнящий определил В. Е. Возгрина как автора некорректной с научной точки зрения концепции «коренного народа» в истории Крыма [27: 147–148]. Другие крымские историки в выражениях не стеснялись и придумали связанный с фамилией В. Е. Возгрина обидный термин, подразумевающий необоснованное преувеличение значения конкретного народа в истории региона. Значение публикаций петербургского профессора на сегодняшний день противоречиво: с одной стороны, современные авторы напрямую не используют его работы (упоминания о них встречаются лишь в историографических разделах диссертаций), с другой – его вклад отражается в статьях В. К. Самигуллина, И. Р. Тагирова и других авторов, сочувствующих крымско-татарскому национальному движению.

Многие исследователи акцентировали способность России решить крымско-татарский вопрос административно-правовыми методами и уже

констатировали исчерпанность данной проблемы. Кроме того, была усилена критика «Меджлиса крымско-татарского народа» в связи с запрещением деятельности этой организации на территории России.

3) С 2017 года начинается осмысление пройденного, вводится понятие историографии «крымской весны» [31], публикуется капитальный двухтомный труд «История Крыма». В главе о «крымской весне», написанной доцентом КФУ им. Вернадского А. Р. Никифоровым, описана антироссийская политика Меджлиса и агрессивные действия его сторонников с применением толченого стекла, дубинок и газовой атаки. Однако затем автор сместил акцент на деятельность пророссийской «Милли Фирки», сославшись на мнение о нейтральном и благожелательном отношении крымских татар к референдуму вследствие миротворческой роли мусульманских организаций России [17: 746–750].

Важной чертой этого периода стало признание недочетов в национальной политике и нарушении прав человека на полуострове. При этом если профессор Т. А. Сенюшкина лишь ссылается на мнение зарубежных организаций [45: 171], то ее коллега доцент КФУ им. Вернадского Э. С. Муратова в доказательство приводит фрагменты интервью с крымскими беженцами в Львовской области Украины. Ее публикации содержат упоминания о патрулировании крымскими татарами своих сел в период событий Евромайдана, стычках с отрядами «самообороны» и вынужденной эмиграции из-за опасений поддержки российской армией тех сил, с которыми они конфликтовали [26: 91]. По ее мнению, задержания и аресты мусульман в Крыму стали фактором, способствующим сближению крымских татар, принадлежащих к разным исламским течениям [25: 141]. К сожалению, автор не дала всесторонней характеристики «глубинных интервью» и не показала степень влияния на сознание беженцев общей нервозной обстановки, общественных стереотипов и информационной войны. Учет этих пунктов может стать новым стимулом для изучения социальной памяти (memory studies) крымских татар.

В итоге прошедшие шесть лет были наполнены активным изучением как роли крымских татар в событиях 2014 года, так и крымско-татарского вопроса в целом. Оно является отражением общественных настроений в России данного периода, признаком осознания новой общественно-политической реальности и необходимости по-новому взглянуть на историю крымских татар, долгое время воспринимавшихся антиподами пророссийских сил на полуострове.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучение роли крымских татар в событиях 2014 года развивается динамичными темпами и является одним из самых популярных объектов внимания исследователей «крымской весны». Может ли историография в современных условиях формировать положительное отношение к объекту исследования? Да, если сконцентрирует внимание на деятельности пророссийских политических сил и признает право объекта изучения на свою точку зрения. К этому стремились Э. С. Кульпин-Губайдуллин, А. Р. Вяткин [16], В. К. Самигуллин, Т. А. Сенюшкина, Э. С. Муратова, С. Б. Бережкова [8] и другие исследователи; в июне 2019 года «прорвать информационную блокаду» в отношении крымских татар призвала председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко. Однако если историография будет и дальше акцентировать внимание на деятельности лишь запрещенных в России формирований, подогревая интерес к ним и ошибочно ассоциируя со всей крымско-татарской общественностью, это обусловит складывание отрицательного отношения к объекту изучения и замедлению интеграции данного этноса в российское общество. Между тем существующие тенденции оставляют белые пятна в изучении крымских татар. Так, авторы обходят своим вниманием деятельность пророссийских движений «Милли фирка», «Къырым бирлиги», «Себат» и др., хотя традиция их изучения (с историографическими экскурсами) была заложена О. В. Рябцевым [30], А. Р. Никифоровым [28] и другими авторами еще до «крымской весны». Напротив, практически каждый шаг руководства «Меджлиса крымско-татарского народа» становится предметом изучения политологов. Нуждаются в дополнительном изучении и другие сюжеты. Например, из российских публикаций неясны детали телефонного разговора Президента России В. В. Путина с лидером «Меджлиса» М. Джемилевым. Нуждаются в подтверждении или опровержении слухи об активной подготовке экстремистски настроенных лиц (которые могут не иметь к крымским татарам никакого отношения) к активным действиям в 2014 году (так называемые схроны). Учитывая определенную выгоду для государства в обнародовании подобных сведений, их замалчивание можно объяснить либо ложностью самой информации, либо временным нежеланием раскрывать ее источники. Отсутствие публикаций исторических источников о роли крымских татар также выглядит белым пятном на фоне бума работ разного научного

уровня⁶ (их пытаются ограничить результатами анкетирования и интервью).

На сегодняшний день не проанализированы конкретные причины частичного недоверия крымских татар в отношении российской власти. Выводы о «коллективной виктимности» и «тропе зависимости» нельзя признать исчерпывающими; в числе причин недоверия можно назвать отказ российской администрации от предоставления крымским татарам 20-процентной квоты в органах власти, ограничение земельных захватов, общий экономический спад (частично спровоцированный призывами руководства «Меджлиса» к экономической блокаде Крыма), жесткость власти в отношении подозреваемых участников зарубежных экстремистских организаций, сокращение числа религиозных организаций в 2014–2015 годах с 1409 до 221 [10: 125], но

детального анализа еще не проведено. При этом может оказаться, что на фоне межэтнических отношений в украинский период истории полуострова нынешняя оппозиционность крымских татар сильно преувеличена и является абсолютно нормальным явлением в условиях развития демократического общества.

Важной особенностью является сохранение историографических традиций в изучении истории крымских татар. Даже противоречия между национальным и пророссийским направлениями изучения теперь воспринимаются как традиция. События 2014 года привлекли в тему много новых лиц, но лидирующие позиции в науке сохранили представители «старой» школы. Уход из жизни известных специалистов не обнулил их вклад в науку и в перспективе может стать базисом для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По мнению профессора Т. А. Сенюшкиной, в Крыму к 2014 году проживали около 300 тысяч крымских татар, что составляло примерно 13 % от всего населения полуострова [35: 186]. Эти данные близки к результатам российской переписи в октябре 2014 года, по которой к крымским татарам себя причисляли 12,6 % населения полуострова [6: 66].

² Этот пример близок к истории с учебником под редакцией А. А. Данилова, Л. Г. Косулиной и М. Ю. Брандта для 9-х классов с неосторожными фразами о чеченцах и ингушах. Учитывая целевую аудиторию учебника, акцентировать подобные сюжеты нецелесообразно во избежание провоцирования межэтнических конфликтов.

³ Автор статьи не берет на себя смелость подсчитать общее количество публикаций, посвященных «крымской весне». Профессор Саратовского госуниверситета А. А. Вилков предложил ориентироваться на электронные поисковые системы; так, по запросу в поисковой системе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU с ключевым словом «Крым» по тематике «политика, политические науки» за период с 1991 по 2014 год система показала 309 научных публикаций, тогда как с 2014 до лета 2019 года таковых в поисковике стало уже 1347 [11: 23]. Если расширить поисковый запрос до исторической и других общественно-научных тематик, то число публикаций вырастет в несколько раз.

⁴ Вопрос о правописании названия данной организации показывает отношение авторов к ее статусу. Использование кавычек при упоминании «Меджлиса» подразумевает название политической партии, деятельность которой запрещена в России с апреля 2016 года (предупреждение о возможном запрете было вынесено крымской прокуратурой еще в июле 2014 года). Отказ от кавычек указывает на название официального органа управления, что никогда не соответствовало реальности. Несмотря на приверженность первому подходу, автор статьи сохраняет варианты написания из анализируемых публикаций.

⁵ Подобное направление исследований в руках пропагандистов способно стать базисом для деления общества по принципу «свой» – «чужой», под которым может подразумеваться соответствие общественных настроений государственной идеологии (сравните с определением «общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания)» в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» по указу Президента РФ от 19.12.2012 года). В некоторых публикациях фразы об обысках в крымско-татарских организациях и проведении политики идентичности органами власти Российской Федерации разделяет только абзачный отступ [4: 129]. Тем не менее это направление исследований полезно для анализа отношения крымских татар к современной политической ситуации.

⁶ Ряд документов о деятельности крымско-татарских организаций вошли в сборник источников о «крымской весне» [13: 210–225]. Но в интервью Р. И. Бальбека не было упоминаний о действиях ни крымских татар в феврале – марте 2014 года в целом, ни его предшественника Л. Э. Ислямова; вице-премьер крымского правительства сконцентрировал внимание на противоречиях внутри руководства «Меджлиса» и его агрессивных планах. При этом составители сборника не включили в него материалы пророссийских крымско-татарских организаций, в частности ОО «Себат».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранец В. Н. Спецоперация Крым – 2014: Документально-исторический роман. М.: Комсомольская правда, 2019. 460 с.

2. Баранов А. В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С. 174–184.
3. Баранов А. В. Крымско-татарское движение: тенденции конфликтности и участия в миростроительстве // Власть. 2015. № 1. С. 209–212.
4. Баранов А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 235 с.
5. Баранов А. В. Трансформации региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымчан в контексте воссоединения Крыма и России // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 4–18.
6. Баранов А. В. Конкуренция политических идентичностей в Крыму и условия укрепления российской национальной идентичности // II Ялтинские научные чтения. Крым в истории России: прошлое и настоящее. Симферополь: Ариал, 2017. С. 64–70.
7. Баранов А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). № 4. С. 351–360.
8. Бережкова С. Б. Услышать крымских татар: опыт исследований ФАДН России в Республике Крым // Материалы VII междунар. социол. Грушинской конф. «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». М.: ВЦИОМ, 2017. С. 1081–1084.
9. Буткевич С. А. Этнополитический экстремизм в Республике Крым: историческая ретроспектива и современные реалии // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 56–61.
10. Вдовиченко О. В. Особенности религиозного влияния на развитие гражданского общества в Республике Крым // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России. Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2016. С. 124–126.
11. Вилков А. А. Политическая составляющая в проблематике Крыма в отечественном научном дискурсе 2014–2019 гг. // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: Сб. науч. ст. по материалам шестой Междунар. научно-практ. конф. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 23–34.
12. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: В 4 т. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 1. 871 с. Т. 2. 932 с. Т. 3. 880 с. Т. 4. 620 с.
13. Григорьев М. С., Котивиди О. Ф. Крым: история возвращения. М.: Кучково поле, 2014. 400 с.
14. Гусаков Т. Ю. Современные особенности образа жизни и подвижности крымско-татарского населения в степной зоне Республики Крым // Теоретические и прикладные проблемы географической науки. Воронеж: ВГПУ, 2019. Т. 1. С. 578–583.
15. Деревенский Б. Г. Крым: прошлое и настоящее: Школьный путеводитель. СПб.: Балтийская книжная компания, 2015. 96 с.
16. Ефимов С. А. Бифуркационные контексты этнической истории крымских татар: незавершенный проект Э. С. Кульпина // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: Тезисы XXX Харакского форума. Симферополь: Ариал, 2016. С. 85–89.
17. История Крыма: В 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
18. Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 106–118.
19. Лелюхина А. М., Жуковский А. Ю. Самовольное занятие (самозахват) земельных участков в Республике Крым // Актуальные проблемы природообустройства, кадастра и землепользования. Воронеж: ВГАУ, 2016. С. 155–160.
20. Масляков Д. С. Особенности политико-правового регулирования межнациональных отношений в Республике Крым // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 130–136.
21. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30–38.
22. Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.
23. Мукомель В. И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 141–156.
24. Мукомель В. И. Мифология идентичности // Миф в истории, политике, культуре: Сб. материалов II Междунар. науч. междисциплинар. конф. Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 321–323.
25. Муратова Э. С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13. № 1. С. 133–144.
26. Муратова Э. С. Крымские мусульмане во Львове: анализ феномена вынужденных переселенцев // Релігієзнавчі нариси. 2017. № 7. С. 87–105.
27. Непомнящий А. А., Севастьянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза. 2017. С. 146–150.
28. Никифоров А. Р. Политические процессы в крымскотатарском национальном движении (2010–2013 гг.) // Вісник СевНТУ. 2013. № 145. С. 214–218.

29. Поляков В. Е. Крымскотатарский фактор в современной жизни Крымского полуострова // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Казань: Институт истории АН РТ, 2018. С. 162–165.
30. Рябцев О. В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д: Изд-во СКНФ ВШ ЮФУ, 2007. 163 с.
31. Савицкий И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43–50.
32. Савицкий И. В. «Крымская весна» в российских диссертационных исследованиях 2014–2018 гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8. С. 142–146.
33. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.
34. Сенюшкина Т. А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма: Науч.-практ. дискуссионно-аналит. сб. Симферополь: Сонат, 2012. Вып. 16. С. 373–379.
35. Сенюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. М.: Наука и политика, 2014. С. 182–191.
36. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 4. С. 75–91.
37. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2015. 256 с.
38. Старченко Р. А. Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.: причины и последствия // Вестник Российской нации. 2015. № 1 (39). С. 182–206.
39. Старченко Р. А. Государственная национальная политика: крымско-татарский аспект // Вестник Российской нации. 2016. № 1 (46). С. 159–170.
40. Тагиров И. Р. Крым в контексте событий украинского «Майдана» // Конфликтология. 2014. № 3. С. 61–86.
41. Такала И. Р., Соломещ И. М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 66–71.
42. Узнародов Д. И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2016. № 3 (191). С. 60–66.
43. Широкопад А. Б. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М.: Вече, 2014. 352 с.
44. Широкопад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.
45. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
46. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
47. Williams B. - G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 522 p.

Поступила в редакцию 05.03.2020

Ivan V. Savitsky, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
sawiz@onego.ru

VIEWS OF RUSSIAN SCHOLARS AND PUBLICISTS ON THE ROLE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE “CRIMEAN SPRING”

This paper investigates the materials of Russian authors published from 2014 to 2019, which deal with the role of the Crimean Tatars in the “Crimean Spring” and their attitude towards incorporating Crimea into the Russian Federation. Unlike issues connected with the earlier periods in the history of this ethnic group, this topic has not been thoroughly studied. Moreover, the importance and relevance of this historiographical research are determined by the complexity of integrating the Crimean Tatars into Russian society, politicization of this process and other related issues, and a large number of recent publications in various research areas. The paper aims to systematize the existing materials, identify distinctive and common features in these publications, and trace the continuity of the authors’ points of view on the Crimean Tatars’ activities during the events of 2014 (i. e., their participation in pro-Russian rallies in February and the Crimea’s status referendum in March, their attitude towards the statutory acts of the Russian government and the resulting economic and political situation in general). The research subject is the process of building a historiographical framework around the Crimean Tatars issue from thematic and chronological perspectives. The initial stage of the contemporary historiography development is characterized by publicistic flavor and polydisciplinary nature, therefore, the author uses the works of historians, ethnologists, political scientist, lawyers and journalists, classifying them by groups and research directions. The article identifies three directions in the studies of the Crimean Tatars: 1) the critical one, which negatively assesses the activities of the Crimean Tatars’ national organizations; 2) the loyal one, which

focuses on the positive behavior of this ethnic group representatives; 3) and the ethno-political one, which seeks to provide a comprehensive analysis of all the aspects of the Crimean Tatars issue. The entire historiographical process can be conventionally divided into three periods without clear time boundaries: 1) the politicized period (from 2014 to early 2016); 2) the period of empirical research (from 2015 to late 2016); 3) and the period of scholarly understanding (since 2017). The author also emphasizes the persistence of pre-2014 historiographical traditions in the studies of the Crimean Tatars' history; the lack of uniform interest in the national organizations' activities among the researchers; certain blind spots and understudied areas in studying the role of such organizations in the events of 2014; and slow formation of the source base for examining this issue.

Keywords: Crimean Spring, Crimean Tatars, ethno-politics, Russian historiography, national associations, ethnic integration

Cite this article as: Savitsky I. V. Views of Russian scholars and publicists on the role of the Crimean Tatars in the "Crimean Spring". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 50–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.516

REFERENCES

1. Baranets V. N. Special operation Crimea – 2014. Moscow, 2019. 460 p. (In Russ.)
2. Baranov A. V. Positioning and strategies of the Crimea region ethno-political movements' activity in the context of reunification with Russia. *Political expertise: POLITEX*. 2014. Vol. 10. No 2. P. 174–184. (In Russ.)
3. Baranov A. V. The Crimean Tatar movement: the tendencies of conflicts and participation in peace-building. *Vlast'*. 2015. No 1. P. 209–212. (In Russ.)
4. Baranov A. V. Ethno-political conflicts in the Northwest Caucasus and Crimea: a comparative analysis. Rostov-on-Don, 2015. 235 p. (In Russ.)
5. Baranov A. V. Transformations of regional, ethnic and confessional identities of Crimeans in the context of the reunification of the Crimea with Russia. *Perm Federal Research Centre Journal*. 2016. No 5. P. 4–18. (In Russ.)
6. Baranov A. V. Political identities' balance in Crimea and the conditions of strengthening Russian national identity. *II Scientific Readings in Yalta. "Crimea in Russian History: Past and Future"*. Simferopol, 2017. P. 64–70. (In Russ.)
7. Baranov A. V. Changes to the ethnic structure of the Crimea population in the post-Soviet period: identity drift and migration processes. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2018. Vol. 4 (14). No 4. P. 351–360. (In Russ.)
8. Berezhkova S. B. To hear the Crimean Tatars' concerns: Russia's Federal Agency for Ethnic Affairs research in the Republic of Crimea. *Proceedings of the VII Grushin International Sociological Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*. Moscow, 2017. P. 1081–1084. (In Russ.)
9. Butkevich S. A. Ethnopolitical extremism in the Republic of Crimea: historical retrospective and modern realities. *Altai Law Journal*. 2018. No 3 (23). P. 56–61. (In Russ.)
10. Vdovichenko O. V. Specific nature of the religion's impact on civil society development in the Republic of Crimea. *Conservative traditions and liberal values in post-socialist Russia*. Saratov, 2016. P. 124–126. (In Russ.)
11. Vilkov A. A. Political dimension of the Crimean issue in Russian scholarly discourse in 2014–2019. *Fifth Anniversary of Crimea's Reunification with Russia: Outcomes and Perspectives: Proceedings of the VI International Research and Practice Conference*. Saratov, 2019. P. 23–34. (In Russ.)
12. Vozgrin V. E. History of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous people of Crimea: In 4 vols. St. Petersburg, 2013. Vol. 1. 871 p. Vol. 2. 932 p. Vol. 3. 880 p. Vol. 4. 620 p. (In Russ.)
13. Grigor'ev M. S., Kovitidi O. F. Crimea: history of return. Moscow, 2014. 400 p. (In Russ.)
14. Gusakov T. Yu. Modern way of life and mobility patterns of the Crimean Tatar population in the steppe region of the Republic of Crimea. *Theoretical and applied aspects of geographical science*. Voronezh, 2019. Vol. 1. P. 578–583. (In Russ.)
15. Derevenskiy B. G. Crimea: the past and the present. School guide. St. Petersburg, 2015. 96 p. (In Russ.)
16. Efimov S. A. Bifurcation contexts of the ethnic history of the Crimean Tatars: unfinished project of E. S. Kulpin. *Political space and social time: identity and everyday life in the life-world structure: Proceedings of the XXX Charax Forum*. Simferopol, 2016. P. 85–89. (In Russ.)
17. History of Crimea: In 2 vols. (A. V. Yurasov, Ed.). Moscow, 2019. Vol. 2. 792 p. (In Russ.)
18. Kulbachevskaya O. V. Ethno-social situation and interethnic relations in Crimea. *Herald of Anthropology*. 2019. No 4 (48). P. 106–118. (In Russ.)
19. Lelyukhina A. M., Zhukovskiy A. Yu. Arbitrary land occupation in the Republic of Crimea. *Contemporary issues of environmental engineering, land registry and land use*. Voronezh, 2016. P. 155–160. (In Russ.)
20. Maslyakov D. S. Features of political and legal regulation of interethnic relations in the Republic of Crimea. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2018. Vol. 18. No 6. P. 130–136. (In Russ.)
21. Mikhaylenko A. N. Crimea a year later. *Etnosocium and Interethnic Culture*. 2015. No 3 (81). P. 30–38. (In Russ.)

22. Mukomel' V. I., Khaykin S. R. The Crimean Tatars after the "Crimean Spring": transformation of identities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. No 3. P. 51–68. (In Russ.)
23. Mukomel' V. I. Crimea in expectation of changes: socio-economic context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No 2. P. 141–156. (In Russ.)
24. Mukomel' V. I. The mythology of identity. *Myth in history, politics, culture: Proceedings of the II International Interdisciplinary Research Conference*. Sevastopol, 2019. P. 321–323. (In Russ.)
25. Muratova E. S. Islam and the Crimean Tatars after 2014. *Islam in the Modern World*. 2017. Vol. 13. No 1. P. 133–144. (In Russ.)
26. Muratova E. S. Crimean Muslims in Lviv: The analysis of the phenomenon of internally displaced persons. *Essays on Religious Studies*. 2017. No 7. P. 87–105. (In Russ.)
27. Nepomnyashchiy A. A., Sevast'yanov A. V. Can history justify a political concept? *Historical Expertise*. 2017. No 1. P. 146–150. (In Russ.)
28. Nikiforov A. R. Political processes in the Crimean Tatar national movement (2010–2013). *Bulletin of Sevastopol National Technical University*. 2013. No 145. P. 214–218. (In Russ.)
29. Polyakov V. E. The Crimean Tatar factor in the modern life of the Crimean Peninsula. *Positive experience of ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation*. Kazan, 2018. P. 162–165. (In Russ.)
30. Ryabtsev O. V. The Crimean Tatar national movement: current state and prospects of development. Rostov on Don, 2007. 163 p. (In Russ.)
31. Savitsky I. V. Russian historiography about the Crimea entering the Russian Federation in 2014. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 3 (164). P. 43–50. (In Russ.)
32. Savitsky I. V. Crimean spring in Russian theses of 2014–2018. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2019. No 8 (64). P. 142–146. (In Russ.)
33. Samigullin V. K. Crimea: historical and legal aspect. *The Problems of Oriental Studies*. 2014. No 3 (65). P. 13–19. (In Russ.)
34. Senyushkina T. A. Ethno-political situation in Crimea: analysis, forecast, trends. *Issues of Crimea development: collection of applied research, discussion and analytical works*. Simferopol, 2012. Vol. 16. P. 373–379. (In Russ.)
35. Senyushkina T. A. Civilizational identity as a factor of Crimean choice. *The problem of modern Russia's sovereignty*. Moscow, 2014. P. 182–191. (In Russ.)
36. Senyushkina T. A. Crimea and Russia reunion as ethno-political process. *Political Expertise: POLITEX*. 2015. Vol. 11. No 4. P. 75–91. (In Russ.)
37. Starikov N., Belyaev D. Russia. Crimea. History. St. Petersburg, 2015. 256 p. (In Russ.)
38. Starchenko R. A. The Crimean referendum of March 16, 2014: causes and consequences. *Bulletin of Russian Nation*. 2015. No 1 (39). P. 182–206. (In Russ.)
39. Starchenko R. A. State national policy: the Crimean Tatar aspect. *Russia and the Moslem World*. 2016. No 8 (290). P. 39–50. (In Russ.)
40. Tagirov I. R. Crimea in context of events of Ukrainian "Maidan". *Konfliktologia*. 2014. No 3. P. 61–86. (In Russ.)
41. Takala I. R., Solomeshch I. M. "The unknown war"? Two centuries of historiography of the Russo-Swedish war (1808–1809). *Russian History*. 2009. No 3. P. 66–71. (In Russ.)
42. Uznarodov D. I. Ethno-social processes in Crimea in the post-soviet period: conflictogenic factors and historical roots. *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Series: Social Sciences*. 2016. No 3 (191). P. 60–66. (In Russ.)
43. Shirokorad A. B. Battle for Crimea. From confrontation to its return to Russia. Moscow, 2014. 352 p. (In Russ.)
44. Shirokorad A. B. Crimea – 2014. How did it all happen? Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)
45. Ethnic and ethno-political map of Crimea. Organization of monitoring and early prevention of ethnic and religious conflicts. (V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, & V. V. Stepanov, Eds.). Moscow, 2017. 216 p. (In Russ.)
46. Ethno-political processes in Crimea: historical experience, contemporary problems, and prospects for solving them. Simferopol, 2015. 352 p. (In Russ.)
47. Williams B. - G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden, Boston, Köln, 2001. 522 p.

Received: 5 March, 2020

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
kalinka46@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Новизна исследования определяется введением в научный оборот не опубликованных ранее источников. Автор впервые на основе законодательных актов, архивных документов анализирует деятельность Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР, республиканского Комитета по делам физической культуры и спорта по организации помощи фронту, созданию учебных курсов для инструкторов по лыжной подготовке, рукопашному и штыковому бою, реконструкции элементарных спортивных сооружений. В годы войны Комитет проводил спортивные соревнования среди военнослужащих, членов партизанских отрядов и местного населения. Рассматриваются проблемы и трудности организации работы по физической культуре, показаны результаты спортивной деятельности. Выводы автора стали результатом анализа правительственных распоряжений периода Великой Отечественной войны, а также материалов фондов «Совет Министров КФССР» и «Госкомспорттуризм», которые хранятся в Национальном архиве Республики Карелия. Восстановление исторических деталей развития физической культуры и спорта в 1941–1944 годах (организация городских и районных комитетов по делам физической культуры и спорта, финансирование, взаимодействие правительства КФССР, исполкомов райсоветов и местного населения) поможет существенно дополнить картину исторических событий Великой Отечественной войны в Карелии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, спорт, физическая культура, спортивные соревнования, Комитет по делам физической культуры и спорта при Совнарком КФССР

Для цитирования: Калинина Е. А. Проблемы организации физической культуры и спорта в Карелии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.517

ВВЕДЕНИЕ

События Великой Отечественной войны хорошо изучены в исторической литературе. На основе широкого использования архивных и документальных источников авторы обстоятельно освещали вопросы военной, экономической, общественно-политической истории страны в целом и Карелии в частности [1], [7]. Однако вопросы развития физической культуры и спорта в военное время не привлекали внимание историков. Тем не менее физкультурники и спортсмены внесли достойный вклад в общую победу над врагом. Новейшая историография по данной теме незначительна и представлена работами Л. А. Королевой [4], Н. Д. Ростова [9], а также диссертационными исследованиями¹, которые раскрывают проблемы организации физической культуры и спорта на Юге России и в Западной Сибири. В последнее десятилетие появились работы карельских специалистов в области спорта,

освещающие развитие лыжного спорта во время Великой Отечественной войны, судьбы спортсмен-фронтовиков [2], [5], [6], [8]. Но данные исследования носят справочно-информативный характер и не затрагивают особенности развития физической культуры и спорта в военное время на территории Карелии.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНОЙ РАБОТЫ В 1941 ГОДУ

С началом Великой Отечественной войны деятельность физкультурных организаций страны была перестроена на военный лад. Вся спортивно-массовая работа республиканского Комитета по делам физкультуры и спорта была переключена на организацию помощи фронту: подготовку боевых резервов для армии, военно-физическую подготовку населения, восстановление здоровья и работоспособности раненых солдат и офицеров с помощью лечебной физкультуры. В первые

дни войны многие физкультурники, спортсмены карельского спорта добровольцами уходили на фронт. Мужчины направлялись в воинские части, партизанские отряды, истребительные батальоны, диверсионные группы, народное ополчение. Женщины – в санитарные дружины, на курсы радисток и телеграфисток.

С 22 июня до начала сентября 1941 года в Петрозаводске развернулась работа по организации учебных курсов. Уже в июне для мужчин открылись специальные курсы по военно-физической и лыжной подготовке, которые посещали более 200 человек. В августе сформировали комсомольский лыжный батальон из 313 добровольцев, который в ноябре 1941 года был «принят командованием в ряды Красной Армии»².

Приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совнаркоме СССР от 30 июня 1941 года за № 192 «Об организации подготовки инструкторов по лечебной физкультуре» требовал создания специальных курсов. В июле такие курсы были открыты в Петрозаводске, куда для обучения навыкам лечебной физкультуры приглашались спортсмены, девушки и старшие школьники. К августу 1941 года было подготовлено 10 человек, владеющих навыками лечебного массажа, и 20 инструкторов лечебной физкультуры. В районах Карелии начали работу группы по подготовке медсестер санитарных дружин. Так, в июле 1941 года в с. Пряжа был организован кружок санитарной обороны, где «занимались 52 девушки-комсомолки»³. В санитарные дружины в первые дни войны записались 3278 женщин, в скором времени более 800 дружинниц отправились на фронт, а часть – в военные госпитали [3: 597].

Комсомольцами Карелии был организован сбор у местного населения лыж, лыжных палок, лыжной обуви, теплой спортивной одежды для нужд Красной армии. За июль – август было собрано 9139 пар лыжного инвентаря⁴.

Уже в первые месяцы войны финским войскам удалось значительно продвинуться в наступлении, г. Петрозаводск оказался в зоне оккупации. К концу 1941 года две трети Карело-Финской ССР оказалось на оккупированной территории: Беломорский, Лоухский, Кемский, Пудожский, а также часть Медвежьегорского, Тунгудского и Калевальского районов. В 1942 году здесь проживало 75 000 человек [3: 598]. Военной столицей КФССР стал Беломорск, в котором находились республиканские власти, здесь же продолжил работу Комитет по делам физкультуры и спорта. С сентября 1941 по декабрь 1942 года председателем республиканского Комитета по де-

лам физической культуры и спорта был Алексей Алексеевич Федоров. Деятельность Комитета осуществлялась в сложных условиях. В течение второй половины 1941 года прекратили свою работу все районные комитеты физической культуры и спорта, добровольные спортивные общества. Работа в сфере физической культуры и спорта оживилась только после стабилизации линии фронта в конце 1941 года и была организована на территории, не занятой противником.

Важно отметить, что еще в начале войны Государственным комитетом обороны и Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта было издано несколько постановлений. Так, в сентябре 1941 года вышло в свет постановление Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В целях подготовки для Красной армии обученных резервов Комитет постановил ввести с 1 октября 1941 года обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. Организация обучения была возложена на Наркомат обороны СССР и его органы на местах. В составе Наркомата обороны было создано Главное управление всеобщего военного обучения (всевобуч), а в округах и областных (краевых и республиканских) военкоматах – отделы всевобуча. 23 сентября 1941 года вышел приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения». В нем, в частности, говорилось, что комитеты по делам физкультуры и спорта, добровольные спортивные общества и физкультурные организации ведомств должны были

«выделить в распоряжение местных военкоматов наиболее квалифицированных руководителей и инструкторов, а также спортсменов-активистов для организации и проведения занятий по физической подготовке в подразделениях Всевобуча» [11: 60].

Особое внимание уделялось обучению населения рукопашному бою, гимнастике, лыжному спорту.

В феврале 1942 года была проведена проверка деятельности Комитета по делам физической культуры и спорта КФССР, которая показала, что правительственные постановления на территории Карелии не выполнялись. В докладной записке заместителя председателя Совета народных комиссаров КФССР А. П. Тайми от 13 февраля 1942 года отмечалось отсутствие среди комсомольцев и комсомолок «практической подготовки в области оборонно-физкультурных знаний», а подготовка

«полноценных и разносторонних в области физкультурной подготовки будущих смелых бойцов Красной Армии среди учащихся, допризывников, а также населения республики стоит на низком уровне»⁵.

Прекращена была работа ДСО и физкультурных коллективов, не было материальной базы для проведения спортивных соревнований. Проблемы организации спортивной работы рассматривались на заседании СНК КФССР под председательством П. С. Прокконена 28 марта 1942 года, по итогам которого было принято постановление. В нем правительство указало на большое значение оборонно-физкультурного движения и приняло решение о создании в Беломорске военно-учебного пункта по обучению инструкторов по лыжной подготовке, рукопашному и штыковому бою. Первый семинар инструкторов по физической культуре провели в мае 1942 года, а летом того же года – сбор учителей физического воспитания карельских общеобразовательных школ⁶.

Постановление карельского правительства дало толчок к организации и проведению спортивных соревнований. Как правило, они проходили среди воинских частей и учебных заведений. Так, среди военнотружущих зимой 1942 года провели профсоюзно-лыжный кросс, лыжную эстафету, военизированные лыжные соревнования, посвященные XXIV годовщине Красной армии. Важно отметить, что в марте 1942 года сборная команда Карелии в составе пяти человек участвовала в «Празднике Севера» в Мурманске. На этих состязаниях М. Сеппеля заняла II место в слаломном спуске на лыжах. Летом на Всесоюзном Дне физкультурника для местного населения была организована сдача норм ГТО, кросс, соревнования гранатометчиков, товарищеские встречи по футболу и волейболу. В течение 1942 года постепенно возобновилась деятельность районных комитетов по делам физкультуры и спорта в Беломорске, Пудоже, Калевале, Медвежьегорске, в начале 1943 года начал работу Беломорский городской комитет. Восстанавливались физкультурные коллективы, добровольные спортивные общества «Динамо», «Стрела», «Большевик», «Локомотив», «Спартак». Но они существовали только номинально, никаких мероприятий не проводили. Как отмечалось в отчете о работе республиканского Комитета за 1942 год, районные комитеты и ДСО не выполняли решения и постановления СНК КФССР по организации подготовки инструкторов-общественников, «не занимались выдвижением и повышением квалификации физкультурных кадров»⁷.

Несмотря на некоторое оживление спортивной работы, Совет народных комиссаров КФССР

был не удовлетворен деятельностью председателя Комитета по делам физкультуры и спорта А. А. Федорова, которого упрекали в слабой агитационно-пропагандистской работе, отсутствии деятельности добровольных спортивных обществ, в подготовке незначительного числа (100 человек) общественных инструкторов по лыжному спорту. В постановлении правительства от 8 декабря 1942 года указывалось:

«Комитет по делам физкультуры и спорта не справился с заданием по внедрению физической культуры и спорта в широкие массы трудящихся в сезоне 1941–1942 года... завезенные на базу лыжи не приведены в боевую готовность, почти полностью отсутствуют палки и лыжные крепления»⁸.

В декабре 1942 года А. А. Федорова освободили от занимаемой должности, так как он «своей безынициативностью и пассивностью не обеспечил руководство физкультурной работой в республике»⁹.

ОЖИВЛЕНИЕ РАБОТЫ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В 1943–1944 ГОДАХ

Исполняющим обязанности председателя Комитета был назначен Владимир Владимирович Иванов. В состав Комитета на общественных началах вошли Ломаченко, Ф. Ф. Тимоскайнен, С. М. Гимельфарб, Егоров, И. С. Беляев, Т. Е. Королькова. Все они занимали другие официальные посты. Например, И. С. Беляев был заместителем наркома просвещения КФССР, а Ф. Ф. Тимоскайнен – секретарем ЦК ЛКСМ КФССР по военно-физкультурной работе.

В. В. Иванову предстояло исправить недочеты его предшественника. Судя по отчету о деятельности Комитета за январь 1943 года, Владимир Владимирович проявил активность в работе. В его отчете говорилось о создании физкультурных коллективов в республике, организации между ними социалистического соревнования, создании Кемского районного Комитета по делам физкультуры и спорта, выпуске агитационных плакатов и лозунгов. В январе 1943 года силами Комитета в Беломорске и Пудоже были проведены десятидневные курсы инструкторов по военно-лыжной подготовке, на которых для организации военно-учебных пунктов было подготовлено 72 специалиста. В Беломорске провели трехдневный сбор будущих 44 командиров лыжных подразделений. Удалось также провести и спортивные соревнования: лыжные эстафеты и лыжные воскресники¹⁰.

28 февраля 1943 года назначили нового председателя Комитета по делам физкультуры и спорта – Семена Афанасьевича Зуева. Он находился

в этой должности до ноября 1943 года и затем перешел на работу в Штаб партизанского движения. Его сменил Алексей Никонович Подругин.

Деятельность республиканского Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК КФССР в 1943–1944 годах была направлена на выполнение приказов Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР. Один из приказов – «О работе физкультурных организаций по военно-лыжной подготовке населения зимой 1942–1943 года» – вышел в октябре 1942 года. В нем говорилось, что

«подготовка для Красной Армии боевых резервов, воспитание выносливых, закаленных бойцов, хорошо владеющих лыжной техникой и приемами боевых действий на лыжах, является священным долгом физкультурных организаций Советского Союза» [11: 63–65].

Этот документ утверждал программу военно-лыжной подготовки и обязательную сдачу норм ГТО. Комитеты физкультуры и спорта на местах должны были заняться организацией учебных лыжных сборов не только для призывников, но и для руководящих работников комитетов и спортивных обществ, районных инспекторов, инструкторов коллективов физкультуры, преподавателей школ, ремесленных училищ, высших учебных заведений. Следует отметить, что опыт боевых действий лыжных частей Красной армии и партизанских отрядов зимой 1941 года в Великой Отечественной войне доказал большое значение военно-лыжной подготовки не только для военнослужащих, но и для мирного населения.

Таким образом, одним из важнейших направлений военного обучения в это время стала лыжная подготовка. Примечательно, что всего в СССР в 1943 году военно-лыжному делу было обучено около 2,5 млн человек, а за зимний сезон 1943/44 года почти 2 млн подготовлены по двадцатичасовой и более 900 тыс. – по тридцатичасовой программе [10: 165]. На территории Карелии лыжный спорт уже в предвоенные годы занимал особое место. Во время войны внимание к нему многократно усилилось в связи с его военно-прикладным значением.

Большое значение также имели рукопашный бой и плавание, которые культивировались и в довоенный период, а с началом войны их значимость увеличилась. В марте 1943 года был издан приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта СНК СССР «О массовой подготовке населения к рукопашному бою, плаванию и водным переправам на 1943 год» [11: 66–69]. Одной из главных задач республиканских и районных Комитетов явля-

лось выполнение планового задания по подготовке населения по военно-прикладным видам спорта: «по рукопашному бою и маршевой подготовке, а также по обучению плаванию и водным переправам» [11: 67–68]. Устанавливались сроки обучения и сдачи зачетных нормативов: по рукопашному бою и маршевой подготовке – с 25 апреля по 15 июля 1943 года, по плаванию и водным переправам – с 15 июня по 1 сентября 1943 года. Теперь председатели местных спортивных комитетов в свои отчеты о проделанной работе включали численность обученных курсантов по этим видам спорта.

В постановлении карельского правительства «О подготовке населения республики по рукопашному бою и водным переправам на весенне-летний период 1943 года» от 8 июня 1943 года не только устанавливалось контрольное задание по обучению рукопашному бою и водным переправам на 1943 год, но и указывалось, что на местах необходимо организовать массовое обучение трудящихся по этим видам спорта без отрыва от производства, развернуть среди населения широкую разъяснительную и пропагандистскую работу при помощи лекций, бесед, печати, радио, кино, встреч с участниками войны, провести соревнования по рукопашному бою¹¹.

Судя по отчету «О мероприятиях по развитию физкультуры и спорта в республике», плановое задание республиканский Комитет по физической культуре и спорту по рукопашному бою перевыполнил, а по водным переправам – нет. Как отметил председатель Совета народных комиссаров КФССР П. С. Прокконен, в Карелии в пределах двадцатичасовой программы сдали нормы по водным переправам 2433 человека (при плане 4975), по рукопашному бою – 3106 человек (при плане 2975)¹². Причиной невыполнения программы по водным переправам являлось холодное, дождливое и короткое северное лето.

В области управления физкультурой и спортом в республике также были достигнуты определенные успехи. Был полностью укомплектован республиканский Комитет по делам физической культуры и спорта. В нем к концу 1943 года работало восемь освобожденных сотрудников¹³.

К началу 1944 года была восстановлена работа Комитетов по делам физкультуры и спорта: городских (в Сегеже, Ругозере, Пудожье) и районных (в Беломорском, Сегежском, Кемском, Пудожском, Медвежьегорском, Лоухском, Тунгудском, Калевальском районах). Начали свою деятельность добровольные спортивные общества: «Локомотив», «Спартак», «Динамо», «Медик», «Большевик», «Энтузиаст», «Водник», «Стрела»,

«Пищевик», «Смена», «Лесосплав», «Учитель», были созданы 78 коллективов физической культуры. Однако созданные общества и коллективы физкультуры по-прежнему не работали. По утверждению председателя Комитета С. А. Зуева, активную деятельность проявляло только ДСО «Динамо», которое объединяло военнослужащих Красной армии. В это время была организована работа судейской коллегии по лыжному спорту при Пудожском, Кемском, Беломорском районах.

В 1943–1944 годах продолжилась подготовка инструкторов физической культуры и спорта. Основные курсовые занятия были организованы в Беломорске. В 1943 году там открыли курсы инструкторов-общественников по физической культуре и спорту, на которых было подготовлено 565 специалистов, в том числе по военнo-лыжному делу 312 человек, по рукопашному бою 146 человек, водным переправам 77 человек. 27 человек от Карелии в этом же году обучались на годичных курсах инструкторов по физической культуре при Государственном центральном ордена Ленина институте физической культуры имени И. В. Сталина¹⁴. Впоследствии эти инструкторы стали организаторами спортивных секций по лыжам и рукопашному бою в Пудуже, Кеми и Беломорске.

«СЕГОДНЯ – УЧАСТНИК, ЗАВТРА – ТЫ БОЕЦ»

В течение 1943–1944 годов увеличилась численность военно-спортивных мероприятий среди воинских подразделений, партизанских отрядов и населения республики. С 14 февраля по 1 марта 1943 года Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта при СНК СССР был объявлен Всесоюзный профсоюзно-комсомольский лыжный кросс. В течение двух недель жители страны должны были встать на лыжи и пройти дистанцию в соответствии с нормативами ГТО и БГТО. В Карелии в кроссе приняли участие около 500 человек: в Сегеже вышли на старт 300, в Беломорске – 150 человек, в Чупе и Керети участниками стали курсанты военно-учебных пунктов [6: 50]. Важно отметить, что в следующем, 1944 году в таком же зимнем профсоюзно-комсомольском кроссе приняли участие уже 11 932 человека¹⁵.

Главным событием спортивной жизни в это время стал II Всекарельский Народный лыжный праздник, который состоялся 28–29 марта 1943 года¹⁶. Для организации соревнований было принято постановление СНК КФССР «О проведении II Народного лыжного праздника» и утверждено Положение о проведении состязаний. Это подчеркивало его политико-идеологическую зна-

чимость. В соревнованиях могли участвовать партизаны, «отдельные войсковые части, пограничные войска, мастера спорта из Москвы, Архангельска и Мурманска»¹⁷, а также рабочие, колхозники, учащиеся общеобразовательных школ, фабрично-заводских училищ и высших учебных заведений. Программа состояла из военизированной эстафеты по условиям комплекса ГТО II ступени на 5 км (женщины) и 10 км (мужчины). Спортсменам предстояло преодолеть дистанцию 500 м в противогазах, затем с гранатными сумками пробежать более четырех километров по пересеченной местности, преодолеть с лыжами изгородь, а перед финишем осуществить метание гранаты в цель и, лежа на лыжах, по-пластунски финишировать. Кроме эстафеты были организованы гонки лыжников и патрулей (биатлонистов) на 10 и 20 км. В соревнованиях приняли участие 107 спортсменов (только представители Карелии). После подъема флагов спортивных обществ и республики секретарь ЦК ВКП(б) КФССР А. С. Варламов приветствовал участников II Народного лыжного праздника:

«В дело разгрома врага вложили свой труд и физкультурники республики. Народный лыжный праздник – проверка на сноровку, закалку и выдержку. Сегодня – участник, завтра – ты боец» [6: 50].

В лыжной гонке на 20 км победу среди мужчин одержал динамовец Георгий Парамошков, второе и третье места заняли карельские партизаны Федор Ниппоев (Беломорск), Иван Лесонен (Калевала). У женщин на дистанциях 5 и 10 км победила Майори Сеппеля (Беломорск). У юношей на дистанции 5 км победил А. Дружинин, у девушек на дистанции 3 км – Опушнева (Кемь) [6: 50–51].

В целях агитации и пропаганды физической культуры и спорта, а также организации сбора денежных средств на помощь фронту в 1943 году комсомольцами Кировской железной дороги были организованы многодневные военизированные лыжные походы Лоухи – Кемь (167 км), Вирма – Тунгуда – Кемь (165 км).

Интерес для исследователей представляет «Календарный план спортивных мероприятий по лыжному спорту на зимний сезон 1943–1944 года» Комитета по делам физкультуры и спорта КФССР, который был составлен на основе рекомендации Всесоюзного комитета при Совнарком СССР. Важно отметить, что высшие инстанции требовали провести соревнования в колхозах по программе военизированной эстафеты: бег с метанием гранат и переползанием наземных препятствий среди мужчин на 5 км, женщин – на 3 км¹⁸.

План карельского Комитета включал в себя проведение лыжных эстафет, посвященных Дню сталинской конституции, зачетные соревнования по программе массовой лыжной подготовки в районах, первенство колхозов, а также III Народный лыжный праздник¹⁹.

Согласно плану в декабре 1943 года были проведены республиканские полковые соревнования по лыжам, в которых приняли участие 39 человек. В феврале 1944 года в Беломорске состоялись республиканские колхозные лыжные соревнования. Им предшествовали внутриколхозные старты в Нюхче, Выгострове, Лапине, Сухом, Вирме, Сумпосаде, Воренже.

III Народный лыжный праздник состоялся в Беломорске 29–31 марта 1944 года. Необходимо отметить расширенный состав участников – воины Карельского фронта, моряки Северного флота, а также лучшие лыжники из Архангельска и Мурманска. В Беломорск приехали: чемпион Северного флота А. Елисеев, чемпион Балтийского флота Н. Морахин, лыжник из Архангельской области В. Ольшев. Всего 160 человек. Абсолютными чемпионами праздника стали карельские лыжники: среди мужчин – Г. Парамошков, А. Ф. Мод, П. Е. Хлюстов, среди женщин – М. Сеппеля, В. Я. Соболева, А. Е. Прохорова. По итогам праздника была создана сборная команда КФССР для участия во Всесоюзном первенстве по лыжам в составе 16 человек. Для членов сборной команды с 4 по 29 февраля 1944 года в Кеми был организован учебно-тренировочный сбор.

Таким образом, зимой 1943/44 года в КФССР было проведено 77 соревнований, в которых участвовали 5747 человек²⁰. В летнем сезоне 1944 года проводились первенство по шашкам и шахматам, легкоатлетическая эстафета, кросс, соревнования по рукопашному бою, товарищеские встречи по волейболу и футболу, военизированное троеборье, состязания по переправе через водное препятствие на бревне.

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СПОРТСООРУЖЕНИЙ

Особой заботой республиканского Комитета по делам физической культуры и спорта являлись спортивные сооружения. Большая часть этих сооружений, а также лыжных баз находилась в местах дислокации воинских частей и партизанских отрядов. Здесь специальные инструкторы готовили бойцов-лыжников, гранатометчиков, учили рукопашному бою, преодолению водных переправ.

Серьезные опасения вызывала материально-техническая база спортивных сооружений. Стадионы, спортивные площадки были плохо обу-

строены. Судя по отчету председателя Комитета по делам физкультуры и спорта А. А. Федорова, в 1942 году на не занятой врагом территории находилось четыре стадиона в Кеми, Беломорске, Пудожье и Надвоицах, которые требовали капитального ремонта. Однако все имеющиеся спортивные сооружения были заняты под военные нужды. Например, на стадионе в Кеми располагались палатки «для жилья войсковых команд», в Беломорске стадион был занят под стоянку автомобилей Штаба армии, в Пудожье на стадионе построили деревянный «сарай для хранения хозяйственных товаров и на котором через поле стадиона вели подъездные пути на лошадях и автомашинах»²¹. А. А. Федоров обратился к П. С. Прокконену с просьбой освободить и отремонтировать спортивные сооружения, ссылаясь на постановление СНК СССР от 26 апреля 1939 года «О запрещении изъятия для других целей специальных построек или приспособленных для занятий физкультурой и спортом сооружений и помещений». Но изменить ситуацию в 1942 году не удалось.

За 1943 год на территории четырех районов Карелии силами комсомольцев и молодежи были обустроены «20 военизированных полос, 79 упрощенных волейбольных площадок, 18 городошных площадок, 10 местных водных переправ. В республике имелось 28 лыжных баз с 3480 парами лыж»²².

Таким образом, в Карелии спортивные сооружения в годы войны были заняты под военные нужды или находились в ветхом состоянии, несмотря на приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР «О массовой подготовке населения к рукопашному бою, плаванию и водным переправам на 1943 год». В нем, в частности, указывалось, что на местах необходимо обеспечить

«своевременную организацию строительства и оборудования типовых военно-спортивных площадок при школах, ремесленных училищах и техникумах, а также закончить текущий ремонт и обеспечить пуск в эксплуатацию летних спортсооружений не позднее 15 мая, снабдив их всем необходимым для учебной работы спортивным инвентарем» [11: 68].

Ремонтные работы по восстановлению старых спортивных сооружений и строительство новых спортивных площадок стали проводиться только после освобождения Карелии в 1944 году. 28 июня 1944 года Петрозаводск был освобожден от оккупации. Уже 3–5 сентября 1944 года в городе провели летний спортивный праздник. В нем приняли участие команды из 16 районов и городов КФССР, 12 добровольных спортив-

ных обществ, воины Красной армии, победители фронтовых соревнований, участники боев за освобождение Карелии, мастера спорта, футбольные команды Ленинграда и Москвы. Всего в празднике приняли участие 800 человек²³. Жители Петрозаводска в эти сентябрьские дни увидели матчевую встречу по футболу между командами мастеров ДСО «Динамо» (Ленинград) и «Крылья Советов» (Москва), выступления 350 гимнастов, 450 спортсменов стали участниками легкоатлетических соревнований по бегу, прыжкам в длину и высоту, метанию гранаты. Звание абсолютных чемпионов завоевали: среди юношей – Батманов, военнослужащий РККА; среди девушек – Корбина из ДСО «Трудовые резервы»; среди мужчин – Кольчевский, военнослужащий РККА; среди женщин – Дьячкова²⁴.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны вся деятельность в сфере физической культуры и спорта была направлена на органи-

зацию военно-физической подготовки. Комитет по делам физкультуры и спорта при СНК КФССР в годы войны готовил бойцов-лыжников, гранатометчиков, учил преодолевать водные рубежи, рукопашному бою. В этот период значительное место в программе всеобщего военного обучения трудящихся заняла военно-лыжная подготовка. Правительство Карелии обязывало местные партийные организации и районные комитеты по делам физической культуры и спорта вести военное обучение без отрыва от производства, занятия не должны были затруднять работу предприятий и учреждений. Физкультурные организации Карелии выполнили стоявшие перед ними задачи подготовки резервов Красной армии, проводили массовую военно-физическую подготовку населения. Особое место в спортивной деятельности в военное время занимала организация и проведение соревнований, посредством которых шло воспитание выносливости и силы, смелости и решительности, находчивости и сообразительности, необходимых в боевых условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дерябина А. Л. Развитие физической культуры и спорта в Читинской области (1941–1956 гг.): Дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2005. 191 с.; Нурдыгин Е. А. Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области (1941–1953 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 210 с.; Сарычева Т. В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 1000 с.
- ² Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 79/592. Л. 16.
- ³ Девушки овладевают санитарным делом // Ленинское знамя. 1941. 4 июля.
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 77/580. Л. 28.
- ⁵ Там же. Л. 1.
- ⁶ Там же. Л. 6.
- ⁷ Там же. Д. 79/592. Л. 15.
- ⁸ Там же. Д. 77/580. Л. 56.
- ⁹ Там же. Л. 36.
- ¹⁰ Там же. Д. 79/592. Л. 27.
- ¹¹ Там же. Л. 46.
- ¹² Там же. Д. 120/911. Л. 12.
- ¹³ Там же. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Л. 49.
- ¹⁶ I Всекарельский народный лыжный праздник состоялся в феврале 1941 г.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 79/592. Л. 36.
- ¹⁸ Там же. Д. 120/911. Л. 35.
- ¹⁹ Там же. Л. 16.
- ²⁰ Там же. Л. 87.
- ²¹ Там же. Д. 77/580. Л. 20.
- ²² НА РК. Д. 120/911. Л. 12.
- ²³ НА РК. Ф. Р-860. Оп. 4. Д. 1/1. Л. 29.
- ²⁴ Там же. Л. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. Петрозаводск: Изд-во Петр ГУ, 2009. 541 с.
2. Ветераны карельского спорта – фронтовики. Петрозаводск, 2017. 58 с.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
4. Королева Л. А. Развитие физической культуры и спорта в советском обществе в 1940–1954 гг. (на примере Пензенской области). Пенза: ПГУАС, 2016. 208 с.

5. Лапсак ов А. Рыцарь карельских шахмат: Сквозь пламя войны и революции: к 120-летию со дня рождения Ф. Ф. Машарова. Петрозаводск: Verso, 2010. 159 с.
6. Лыжный спорт в Карелии / Сост. А. Ф. Типсин, А. М. Ершов, П. И. Петров. Петрозаводск, 2013. 220 с.
7. Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. Петрозаводск: Строительный стандарт, 2012. 43 с.
8. Прошутинский С. П. Война. Спорт. Жизнь. Петрозаводск, 2017. 116 с.
9. Ростов Н. Д. Использование фронтового опыта в боевой учебе воинов-сибиряков в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы региональных исследований: Сб. науч. и науч.-метод. трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры региональной Алтайского государственного технического университета. Вып. 7. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2006. С. 45–57.
10. Хотянов Г. Б. Физическая культура и спорт в СССР. М.: Физкультура и спорт, 1967. 352 с.
11. Чудинов И. Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. М.: Физкультура и спорт, 1959. 302 с.

Поступила в редакцию 25.02.2020

Elena A. Kalinina, Doctor of History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
kalinka46@yandex.ru

ORGANIZING PHYSICAL EDUCATION AND SPORTING ACTIVITIES IN KARELIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The novelty of the study is determined by introducing some previously unpublished sources to academic community. The author uses legislative acts and archival documents for the first-of-its-kind analysis of the activities of the Council of People's Commissars of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic (KFSSR) and the Republican Committee on Physical Culture and Sports aimed at providing assistance to the army, creating training courses for ski instructors, hand-to-hand and bayonet combat training, and reconstructing basic sports facilities. During the war, the Committee organized sports competitions among military personnel, members of partisan detachments, and local population. The study focuses on the problems and difficulties of organizing physical education, and shows the results of the sporting activities. The author's conclusions were drawn on the analysis of the government's orders issued during the Great Patriotic War, as well as the materials of the KFSSR's Council of Ministers (f. R-1394) and the State Committee on Physical Culture, Sports and Tourism (f. R-860), which are stored in the National Archive of the Republic of Karelia. The restoration of the historical details of physical culture and sports development between 1941 and 1944 (establishing city district committees on physical culture and sports, funding issues, interaction between the KFSSR government, executive committees of the district councils and the local population) will help to fill in the gaps in the history of the Great Patriotic War in Karelia.

Keywords: Great Patriotic War, sports, physical education, sports competitions, Committee on Physical Culture and Sports under the Council of People's Commissars of the Karelo-Finnish SSR

Cite this article as: Kalinina E. A. Organizing physical education and sporting activities in Karelia during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.517

REFERENCES

1. Verigin S. G. Karelia during the years of war ordeals. Political and socioeconomic situation of Soviet Karelia during the Second World War. Petrozavodsk, 2009. 541 p. (In Russ.)
2. Veterans of Karelian sports – war veterans. Petrozavodsk, 2017. 58 p. (In Russ.)
3. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
4. Koroleva L. A. Development of physical culture and sports in Soviet society between 1940 and 1954 (the case of the Penza region). Penza, 2016. 208 p. (In Russ.)
5. Lapsakov A. The knight of Karelian chess: Through the flames of war and revolution: commemorating the 120th birthday of F. F. Masharov. Petrozavodsk, 2010. 159 p. (In Russ.)
6. Skiing in Karelia (A. F. Tipsin, A. M. Ershov, P. I. Petrov, Comp.). Petrozavodsk, 2013. 220 p. (In Russ.)
7. Makurov V. G. The Great Patriotic War in Karelia: Historiographical essay. Petrozavodsk, 2012. 43 p. (In Russ.)
8. Proshutinsky S. P. War. Sports. Life. Petrozavodsk, 2017. 116 p. (In Russ.)
9. Rostov N. D. Use of front-line experience in combat training of Siberian soldiers during the Great Patriotic War. *Contemporary issues of regional studies: Collection of scholarly and methodological works of teachers, postgraduate students and undergraduate students of the Department of Regional Studies of Altai State Technical University*. Issue 7. Barnaul, 2006. P. 45–57. (In Russ.)
10. Khotyanov G. B. Physical culture and sports in the USSR. Moscow, 1967. 352 p. (In Russ.)
11. Chudinov I. G. Basic regulations, orders and instructions regarding physical education and sports in the USSR between 1917 and 1957. Moscow, 1959. 302 p. (In Russ.)

Received: 25 February, 2020

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БУБЛИЧЕНКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры

Ухтинский государственный технический университет (Ухта, Российская Федерация)

vbublichenko@mail.ru

КЫЛТОВСКАЯ ОБИТЕЛЬ: ОТ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ К ДЕТСКОМУ ГОРОДКУ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ

Церковно-государственные отношения советского периода относятся к актуальным проблемам исторической науки. В статье впервые процесс огосударствления монастырской собственности рассматривается в контексте борьбы с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних. Проведен анализ синодального периода в развитии обители и деятельности детгородка как социально-правового учреждения в первое советское десятилетие. Цель работы – охарактеризовать процесс секуляризации Кылтовского монастыря во время ликвидации беспризорности на Европейском Севере России. Основными методами исследования являются историко-описательный и историко-сравнительный, использовался принцип историзма. Источниковая база представлена архивными документами из фондов Национального архива Республики Коми. Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь являлся одним из духовных центров Великоустюжской епархии. Обитель возникла благодаря меценатской поддержке владельца Сереговского солеваренного завода А. В. Булычева. Монахини занимались религиозной социализацией зырянского населения. Доходная часть обители состояла из пожертвований, хозяйственной деятельности и капитализации собственности. После установления советской власти началась секуляризация Кылтовского монастыря. На первом этапе произошло изъятие земельных владений и финансовых средств. Монастырскую общину реорганизовали в сельскохозяйственную артель. Второй этап огосударствления характеризовался конфискацией церковного имущества. Кылтовский монастырь закрыли. На базе бывшей иноческой обители был создан детский городок для беспризорных несовершеннолетних. Использование недвижимости социально-правовым учреждением строилось на основе межведомственных арендных отношений. Секуляризация Кылтовского монастыря явилась следствием атеистической направленности советских церковно-государственных отношений. Национализация монастырской собственности позволила обеспечить решение социально значимой проблемы – ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних.

Ключевые слова: Кылтовский монастырь, секуляризация, конфессиональная политика, Коми автономная область, беспризорность, безнадзорность, социальная сфера

Для цитирования: Бубличенко В. Н. Кылтовская обитель: от женского монастыря к детскому городку для беспризорных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.518

ВВЕДЕНИЕ

Установление советской власти внесло принципиальные изменения в развитие духовной и социальной сфер российского общества. К наиболее актуальным проблемам, которые требовали решения, относились реорганизация Русской православной церкви и создание эффективной системы по работе с беспризорными и безнадзорными несовершеннолетними. Периферийный Коми край (с 1921 года – Коми автономная область) находился в центре развития новых общегосударственных тенденций социального развития и стал территорией, где проходила национализация монастырской собственности с по-

следующей передачей социальным учреждениям для работы с беспризорными.

В советской историографии конфессиональная политика первых послереволюционных десятилетий рассматривалась преимущественно с официально-охранительных позиций и представлена работами Б. И. Кандидова¹, Н. М. Никольского [12], В. А. Куроедова [7], А. А. Шишкина [17]. В постсоветский период изучение Русской православной церкви получило дальнейшее развитие. Расширилась источниковая база исследований, оформились новые направления в освещении ключевых проблем. Среди публикаций о синодальном периоде в истории Русской

православной церкви выделяется монография П. Н. Зырянова, где изучен генезис, эволюция и распад российской монастырской системы [3]. Принципиально обновленные концепции государственно-церковных отношений 1920–1930-х годов содержатся в работах М. В. Шкаровского [18], Н. Н. Покровского [13] и других исследователей. Проблема огосударствления монастырской собственности и ее дальнейшего использования относится к наименее исследованным аспектам советского периода в истории Русской православной церкви.

Цель работы – охарактеризовать процесс секуляризации Кылтовского монастыря в контексте ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних на Европейском Севере России. Решение поставленной проблемы требует рассмотрения синодального периода развития женской обители с. Кылтово и анализа становления социального учреждения в 1920-е годы.

Церковно-государственные отношения первого советского десятилетия развивались эволюционным путем. Вначале руководство Русской православной церкви выступало против конфессиональной политики государства. Однако к середине 1920-х годов противостояние сменилось временным компромиссом². Процесс не исключал «тотального наступления на церковь в первые годы советской власти», когда на территории Коми края в 1918–1923 годах «были закрыты несколько церквей и два действовавших монастыря: Ульяновский и Крестовоздвиженский (Кылтовский) женский [10: 45]».

Проблему взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви, как и хронологические рамки данного процесса, следует считать дискуссионной. Однако бесспорным является его атеистическая направленность. Приоритетным направлением в деятельности советских органов власти являлась реализация тезиса о том, что «религия должна быть объявлена частным делом» и церковь полностью отделена от государства [8: 143–144]. Антирелигиозная составляющая распространялась на воспитание беспризорных несовершеннолетних. Новая практика входила в диссонанс с дореволюционными традициями, когда исправительные учреждения для нищенствующих и занимающихся бродяжничеством подростков строили свою работу на религиозно-нравственных принципах. Советские образовательные учреждения должны были «отвращать новое поколение» от религии начиная с раннего возраста [9: 329]. Итогом педагогического воздействия становилось формирование у советской молодежи научного восприятия окружающего мира.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В работе использовался принцип историзма, историко-описательный и историко-сравнительный методы исследования. Возникновение Кылтовского женского монастыря явилось следствием развития процесса иночества на территории Европейского Севера России во второй половине XIX века. Затем под влиянием советской политической системы монашеская религиозная община трансформировалась в социально-образовательное учреждение для беспризорных подростков. Необходимость расширения пенитенциарных структур на территории Коми автономной области в начале 1930-х годов привела к закрытию Кылтовского детгородка. Недвижимость бывшего монастыря начала использоваться для организации исправительно-трудового лагеря.

В фондах Государственного учреждения «Национальный архив Республики Коми» отложились материалы, которые характеризуют различные аспекты деятельности Кылтовского монастыря и детгородка. Они представлены как в рукописном, так и в печатном виде. Для характеристики дореволюционного периода в развитии Кылтовского монастыря использовались документы фонда «Яренского уездного духовного правления Вологодской епархии (1780–1918 годов)» (Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 309). Источниковая база советского периода представлена документами фонда «Отдела народного образования при Коми облисполкоме» (Ф. Р-148. Оп. 1. Ед. хр. 1274). В нем отложились справки о движении воспитанников Кылтовского детгородка, протоколы заседаний совета педагогов, акты и заключения с результатами обследования учреждения. В фонде «Комиссии по улучшению жизни детей при Коми облисполкоме» (Ф. Р-1000. Оп. 1. Ед. хр. 27) хранятся справки, отчеты, сводки о работе Кылтовского детгородка, переписка с учреждениями и организациями Коми области по вопросам борьбы с детской беспризорностью.

Документы дореволюционного периода по теме исследования характеризуют приходную и расходную части бюджета обители, ее финансовое положение накануне проведения секуляризации. Архивные материалы советского периода содержат сведения о процессе реорганизации бывшего конфессионального учреждения в детский городок социально-правовой направленности. Документально-фактический материал, содержащийся в источниках, позволяет изучить нормативные основы его деятельности, проследить динамику численности воспитанников, охарактеризовать источники финансирования и основные требования к учебно-воспитательной работе.

КЫЛТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД И НАЧАЛО СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ОБИТЕЛИ

В начале XX века Русская православная церковь усилила влияние на духовное развитие народов Севера. На территории Коми края насчитывалось 97 приходов [4: 541]. Рост числа верующих способствовал открытию новых, увеличивались доходы христианских религиозных общин. Изменился социальный статус священнослужителей, расширилась благотворительная, религиозно-нравственная и просветительская деятельность конфессиональных институтов. Выполняя пожелания прихожан, церковные власти ставили в деревнях приписные храмы и часовни.

На возникновение Кылтовского монастыря оказали влияние несколько факторов. Один из них связан с заинтересованностью Великоустюжского епископа Иоанникия в организации религиозно-просветительского учреждения для женщин-зырянок. Инициатива преподобного получила практическую и финансовую поддержку со стороны устюжского мещанина И. Г. Калашникова и архангельского купца первой гильдии, владельца Сереговского солеваренного завода А. В. Булычева [15: 12]. Возросшие во второй половине XIX века потребности в духовно-нравственном развитии и отсутствие в Коми крае женского монастыря заставляли зырянок отправляться в отдаленные, чаще всего переполненные обители. Открытие женского православного монастыря в Коми крае позволяло решить многие проблемы.

После урегулирования спорных вопросов было получено благословение на постройку женской обители между реками Кылтовка и Большая Ель, в местечке Крестовый Стан. Завершение в 1894 года основных строительных работ позволило заселить в монастырь первых 11 насельниц, которые прибыли из Троицкого Шенкурского монастыря Архангельской губернии [15: 9, 20].

В дореволюционный период Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь стал одним из духовных центров Великоустюжской епархии. Усилиями игуменьи Филареты (А. Д. Зоной), которая возглавляла монастырь с 1898 по 1918 год, благодаря поддержке меценатов и местного населения вокруг обители возвели кирпичную стену со сторожевыми помещениями и надвратной церковью. За короткое время были построены каменный собор, деревянная церковь, жилые и хозяйственные помещения, несколько мастерских [16: 382].

Монахини занимались ведением сельского хозяйства, расписывали иконы, освоили технику золотого шитья для изготовления православных облачений. Гончарная мастерская, которая возникла благодаря наличию необходимого матери-

ала и переданным монахиням навыкам местного населения, обеспечивала монастырь посудой собственного производства. Зона таежных лесов, где располагался монастырь, позволяла заниматься смолокурением – традиционным промыслом для населения Европейского Севера. На основании заметок путешественника Б. В. Безсонова следует сделать вывод о том, что смолокурение в Кылтовской обители возникло естественным путем ввиду избытка необходимых для промысла деревьев, которые «отдают монастырю все, что возможно взять от них, и таким образом завод не дает лесу уйти из монастырского хозяйства»³. На получение одной бочки смолы с использованием ямного и корчажного способа затрачивалось от 16 до 24 дней. В середине XIX века смолокур за день мог заработать от 5 до 10 коп. серебром, реже – 15 коп. [6: 136]. Ввиду значительной трудоемкости и низкой товарности смолокурение не приносило монастырю значительных доходов. Отрицательное отношение к промыслу государственных чиновников не позволяло улучшать технологию производства, добиваться повышения его продуктивности.

Существенная прибыль в монастырскую казну поступала от продажи икон для благословения паломников и рукодельных изделий, пользовавшихся спросом у населения, церковных треб. После реформ императора Александра II государственное финансирование новых монастырей не велось, поэтому кроме хозяйственной деятельности благосостояние Кылтовской обители поддерживалось капитализацией собственности и поддержкой состоятельных благотворителей (до 60 % от общего дохода) [14: 71]. По итогам 1917 финансового года в монастырской кассе находилось 266 540 руб. 73 коп.⁴

Финансовые средства монастыря использовались для закупок продовольствия, инвентаря и оборудования, оплаты транспортных расходов и других хозяйственных целей⁵. Отдельная статья предусматривала содержание священника, который кроме жалованья получал доходы от молебнов и сорокоустов, проживая в казенном доме⁶.

В сентябре 1918 года после пятидневного обыска Кылтовского монастыря Котласская чрезвычайная комиссия изъяла «ящик с казенными деньгами и документами», попытавшись получить дивиденды в Архангельском отделении госбанка от конфискованных в обители казначейских билетов⁷. В соответствии с требованиями «Декрета о земле» от 26 октября 1917 года у монастыря были национализированы земельные владения. Они передавались в распоряжение Яренского уездкома Северо-Двинской губернии. Так завершился первый этап секуляризации Кылтовского монастыря. Конфессиональное учреж-

дение было реорганизовано в сельскохозяйственную коммуны, где бывшие монахини продолжали свою трудовую деятельность.

На основании постановления от 10 июля 1923 года Пленума Коми облисполкома Кылтовская сельскохозяйственная артель была ликвидирована. Принятие радикального решения было мотивировано нарушением монахинями артельного устава и частным владением церковным имуществом, нарушающим требования декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». После упразднения монашеской артели в с. Кылтово началось создание детского городка для государственной поддержки беспризорных несовершеннолетних Коми автономной области. Монахиням разрешалось покинуть учреждение или остаться в качестве технических работников [15: 79, 80].

ДЕТСКИЙ ГОРОДОК ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ

Решение руководства Коми автономии фактически открыло новый этап секуляризации бывшего Кылтовского монастыря. Он характеризовался конфискацией имущества, которое специально созданная комиссия обнаружила в храмах Крестовоздвиженской общины. В пользу государства были изъяты колокола, запрестольный крест, иконостас, религиозные книги и другие предметы церковной утвари⁸. Часть обобществленной собственности планировалось передать в областной отдел народного образования для постройки театра в г. Усть-Сысольске, другую часть – в Коми облфинотдел. Интересно, что почти одновременно с секуляризацией в с. Кылтово летом 1923 года аналогичные мероприятия были проведены в бывшем Ульяновском мужском монастыре Усть-Куломского уезда Коми автономной области.

После ликвидации Кылтовского монастыря началось становление детского городка – нового учреждения социально-правовой направленности. Сначала в нем находилось 200 подростков из восьми детдомов Коми автономной области⁹. Основанием для размещения несовершеннолетних в детгородок служили наряды от областного управления образования и наличие сопроводительных документов. Часть детей поступала из детприемников, другая – «прямо из деревни». Возрастной состав – от 3 до 15 лет. Динамика численности воспитанников учреждения выглядит следующим образом: в 1925 году в городке находилось 246 подростков, в 1927 году – 187, в 1928 году – 185, в начале 1930 года – 178 воспитанников (112 мальчиков и 66 девочек)¹⁰. Для сравнения: численность подростков окружной колонии трудновоспитуемых Вологодской обла-

сти «Приютное» в середине 1930 года составляла 52 человека (35 мальчиков и 17 девочек)¹¹.

На основании Положения о Кылтовском детгородке, которое было разработано к марту 1925 года, учреждение считалось трудовой коммуной для социального воспитания беспризорных детей в возрасте от 3 до 16 лет. Подготовка воспитанников к самостоятельной жизни осуществлялась через «правильную организацию трудовой и общественно-политической деятельности детского коллектива». После завершения обучения в детгородке подростки должны были получить образование, соответствующее требованиям школы 1-й ступени и «минимальную трудовую квалификацию». Общее руководство административно-хозяйственной и педагогической работой в детском городке возлагалось на заведующего. Выполнение своих обязанностей он осуществлял через установленный штат педагогов и технических служащих¹².

Организация учебно-воспитательной работы в городке основывалась на разработанной и апробированной методике педагога А. С. Макаренко, которая предусматривала использование самоуправления в сочетании с трудовой деятельностью воспитанников. Детский коллектив Кылтовского детгородка разделялся на производственные группы и звенья, состоящие из подростков старше восьми лет. Реализация решений, принятых на общем собрании воспитанников, осуществлялась Советом городка. Приоритетное участие взрослых в организации детских коллективов являлось главным условием самоорганизации подростков. Секция Соцвоса при Отделе народного образования Коми АО, которая осуществляла контроль и методическое обеспечение работы Кылтовского детгородка, ориентировала учреждение на «политехническую» организацию трудовой деятельности воспитанников в возрасте до двенадцати лет, после чего она должна была становиться профессиональной¹³.

Приходная часть бюджета Кылтовского детгородка формировалась из местных, государственных поступлений и средств, полученных от производственной деятельности сельскохозяйственных мастерских учреждения. Происходило постепенное увеличение ассигнований из местного бюджета: в 1927–1928 годах на 13,6 %, в 1928–1929 годах на 45,2 %. Кредиты открывались поквартально, и выдача денег задерживалась, поэтому Кылтовский детгородок не мог заготавливать продукты по экономически выгодным ценам. Государственные средства, поступающие на улучшение материально-технической базы, расходовались недостаточно эффективно.

Доходы от ведения хозяйственной деятельности с трудом покрывали расходы¹⁴.

В процессе развития Кылтовского детского городка его структура стала соответствовать требованиям обучения и воспитания беспризорных несовершеннолетних. В учреждении были организованы детский сад, две начальные школы, производственные мастерские. Совхоз «Кылтово» обеспечивал городок сельхозпродукцией и позволял обучать воспитанников основам общественно полезного труда. В практической деятельности педагоги использовали методики А. Б. Залкина, Л. С. Выготского, А. С. Макаренко и др. Психологические особенности беспризорных становились главным критерием педагогического воздействия на них. Перед коллективом Кылтовского детгородка стояла задача понять, что «ненормальны не дети, а та среда, в которой жили дети»¹⁵. Считалось, что именно благодаря такому подходу воспитательное воздействие на данный контингент несовершеннолетних могло принести положительные результаты.

Педагогический коллектив учреждения осуществлял комплекс мероприятий, направленных на «привитие воспитанникам чувства коллективизма и товарищеской солидарности друг к другу, изжитие мелкособственнических тенденций и приучение дорожить казенными вещами». Труд детей школьного возраста рассматривался как труд политехнический. Для воспитанников старше двенадцати лет получение трудовых навыков носило профессиональный характер. Правильная самоорганизация детского коллектива под руководством педагогов являлась основным условием учебно-воспитательной и производственной работы учреждения [1: 94]. С 1925/26 учебного года «школа с исключительным “говорением”» учителя начала отходить в прошлое¹⁶. В образовательном процессе получили развитие иллюстративный и экскурсионный методы, направленные на активизацию познавательной деятельности подростков.

Кылтовский детгородок был не единственной формой борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в Коми автономной области. Так, в 1927 году Президиум облисполкома принял решение о предоставлении льгот крестьянским хозяйствам, привлекающим к сельскохозяйственному труду детдомовских подростков. Такие дворы освобождались от налогов с дополнительных наделов и неземледельческих доходов, сокращался налог на древесину. Распространилась практика передачи беспризорных несовершеннолетних на воспитание в крестьянские семьи. Данный процесс носил добровольный характер. С желающими взять на воспитание подростка заключался договор, в котором оговаривались права

и обязанности сторон, условия получения преференций от государства.

Следствием огосударствления Кылтовского монастыря явилось развитие межведомственных арендных отношений. Один из таких гражданско-правовых договоров в июле 1927 года был заключен между Коми областным земельным управлением и ОБОНО. Облземуправление передавало «в хозяйственное пользование для нужд детской колонии Кылтовское советское хозяйство» площадью 1 784 десятины со всем имуществом на сумму 77 718 руб. 32 коп. сроком на 12 лет. В обязанности арендодателя входило «содержать в полном порядке и своевременно ремонтировать» полученное имущество, в том числе «имеющиеся на земельной площади и прилегающие к ней дороги частного пользования». Особо оговаривалась необходимость страхования построек, находящихся на земельной площади¹⁷.

Практика первого советского десятилетия, когда монастырская собственность использовалась в качестве учреждений по работе с беспризорными несовершеннолетними, получила дальнейшее развитие в процессе формирования системы детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР во второй половине 1930–1940-х годах. Подтверждением данного тезиса может служить факт использования Даниловского монастыря в качестве образцового приемника-распределителя г. Москвы [2: 338–339], создание детских трудовых колоний на базе монастырей Толгского [12: 94], Нило-Столобенского [5: 19, 70, 88], Спас-Ефимьевского¹⁸. Сомнительно, что на решения о размещении детских закрытых учреждений в бывших монастырских общинах доминирующее влияние оказывала их конфессиональная принадлежность. Правильнее акцентировать внимание на практической стороне данных процессов. Во-первых, использование материально-технической базы монастырей облегчало создание новых учреждений. Во-вторых, опыт деятельности детгородков, аналогичных Кылтовскому, открывал возможность дальнейшего межведомственного взаимодействия с госструктурами, решающими проблему детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

Формирование в Коми автономной области пенитенциарных структур привело к закрытию в начале 1930 года Кылтовского детгородка. Имущество ликвидированного учреждения было передано Управлению северных лагерей особого назначения ОГПУ (УСЕВЛОН). Воспитанников распределили по вновь открытым детдомам¹⁹. В 1933 году сельхоз «Кылтово», который специализировался на развитии птицеводства и животноводства, стал одним из структурных подразделений Ухтпечлага.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в дореволюционный период Кылтовский монастырь занимал важное место в религиозной социализации зырянского населения. Секуляризация монашеской обители явилась следствием атеистической направленности советских церковно-государственных отношений.

Национализация монастырской собственности позволила обеспечить решение социально значимой проблемы – ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. Использование недвижимости Кылтовским детгородком строилось на основе межведомственных арендных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кандидов Б. И. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. М., 1929. 227 с.
- ² Поляков А. Г. Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007. С. 20.
- ³ Безсонов Б. В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту. СПб., 1908. С. 65.
- ⁴ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Коми» (ГУ НАРК). Ф. 231. Оп. 1. Д. 47. Л. 80.
- ⁵ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1340. Л. 2, 4.
- ⁶ Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 111. Л. 3 об.
- ⁷ Там же. Д. 47. Л. 81, 82.
- ⁸ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 203. Л. 435–440 об.
- ⁹ Республика Коми: Энциклопедия: В 3 т. / Под ред. М. П. Рощевского. Т. 2. Сыктывкар, 1999. С. 180.
- ¹⁰ ГУ НАРК. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об., 28, 30.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 484. Л. 5.
- ¹² ГУ НАРК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 272. Л. 34.
- ¹³ Там же. Д. 431. Л. 242.
- ¹⁴ Там же. Д. 203. Л. 19 об.
- ¹⁵ Борьба с беспризорностью: Материалы 1-й московской конф. 16–17 марта 1924 г. М., 1924. С. 7.
- ¹⁶ ГУ НАРК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 238. Л. 204.
- ¹⁷ Там же. Д. 102. Л. 496.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 23. Л. 302.
- ¹⁹ ГУ НАРК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 509. Л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубличенко В. Н. Документы национального архива Республики Коми о решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности во второй половине 1920-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 87–97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.9>
2. Дети ГУЛАГа. 1918–1956: Сб. документов / Сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. 631 с.
3. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. 319 с.
4. История Коми с древнейших времен до конца XX в.: В 2 т. / Под ред. А. Ф. Сметанина. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 558 с.
5. Катынь. Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Сост. Н. С. Лебедева и др. М.: МФД, 1999. 608 с.
6. Котов П. П. Неземледельческие занятия удельных крестьян Европейского Севера России // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2012. № 4. С. 135–139.
7. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1982. 263 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. / Ред. М. Я. Панкратова. Т. 12. М., 1972. 576 с.
9. Луначарский А. В. О воспитании и образовании / Под ред. А. М. Арсеньева и др. М., 1976. 640 с.
10. Морозов Н. А. Истребительно-трудовые годы // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 1 / Сост. Г. В. Невский. Сыктывкар, 1998. С. 15–237.
11. Низовский А. Ю. Самые знаменитые монастыри и храмы России. М.: Вече, 2004. 464 с.
12. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. 448 с.
13. Покровский Н. Н. Документы по истории церкви (информационные сводки ГПУ 1922 г.) // Исторические записки. 2 (120). Памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1999. С. 319–337.
14. Рожина А. В. Экономический аспект взаимоотношений монастырей Вологодской губернии с церковно-государственными властями в конце XVIII – начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 68–72.
15. Рожина А. В., Рожина Т. Я. Женская обитель. История Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря от основания до современности. Сыктывкар, 2018. 144 с.
16. Рощевская Л. П. Игуменья Кылтовского монастыря // Связь времен / Сост. И. Л. Жеребцов, М. И. Курочкин. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000. С. 190.
17. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 367 с.
18. Шарковский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 478 с.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Vladimir N. Bublichenko, PhD in History, Ukhta State Technical University (Ukhta, Russian Federation)
vpublichenko@mail.ru

KYLTOVO MONASTERY: FROM A NUNNERY TO A FACILITY FOR HOMELESS JUVENILES

Church-state relations of the Soviet period are among relevant topics of historical science. The article is the first of its kind to study the process of nationalizing monastic property in the context of combating the homelessness and neglect of minors. The author analyzes the synodal period in the development of Kyltovo Monastery and its functioning as a social and legal institution during the first decade of the Soviet state after it was turned into a facility for homelessness juveniles. The aim of the article is to characterize the process of Kyltovo Monastery secularization during the struggle with homelessness in the European North of Russia. The research mainly used the historical-descriptive and historical-comparative methods, and was based on the principle of historicism. The source database was comprised of archival documents from the National Archive of the Komi Republic. Kyltovo Holy Cross Monastery was one of the spiritual centers of the Veliky Ustyug diocese. The monastery was founded as a nunnery under the patronage of Afanasiy Bulychev, the owner of the Seregovo salt processing plant. The nuns were engaged in the religious socialization of the Zyryan population. The monastery generated its income from donations, economic activity, and capitalization of property. After the establishment of the Soviet state, the secularization of Kyltovo Monastery began. The first stage was the seizure of its land and financial resources. The monastery community was reorganized into an agricultural artel. The second stage of nationalization was characterized by the confiscation of church property. Kiltovo Monastery was closed and turned into a facility for homeless juveniles. The use of real property by this social and legal institution was based on interdepartmental lease relations. The secularization of the Kiltovo Monastery was a result of the atheist orientation of Soviet church-state relations. The nationalization of monastic property helped to solve a socially significant problem – eliminate the homelessness and neglect of minors.

Keywords: Kyltovo Monastery, secularization, confessional policy, Komi autonomous region, homelessness, neglect, social sphere

Cite this article as: Bublichenko V. N. Kyltovo Monastery: from a nunnery to a facility for homeless juveniles. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.518

REFERENCES

1. Bublichenko V. N. Documents of the Komi Republic National Archive on the solution of the problem of children's homelessness and neglect in the second half of the 1920s. *Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 2. No 2. P. 87–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.9>
2. Children of the Gulag. 1918–1956. (S. S. Vilenskiy et al., Comp.). Moscow, 2002. 631 p. (In Russ.)
3. Zyryanov P. N. Russian monasteries and clergy in the XIX and early XX centuries. Moscow, 2002. 319 p. (In Russ.)
4. The history of Komi from ancient times to the end of the XX century. Vol. 1. Syktyvkar, 2004. 558 p. (In Russ.)
5. Katyn. Prisoners of undeclared war: Documents and materials. Moscow, 1999. 608 p. (In Russ.)
6. Kotov P. P. Non-agricultural occupations of the Emperor's peasants of the European North of Russia. *Izvestiya of Altai State University. Series: History and Political Science*. 2012. No 4. P. 135–139. (In Russ.)
7. Kuroedov V. A. Religion and the church in the Soviet state. Moscow, 1982. 263 p. (In Russ.)
8. Lenin V. I. Complete works. In 55 vols. (M. Ya. Pankratova, Ed.). Vol. 12. Moscow, 1972. 576 p. (In Russ.)
9. Lunacharsky A. V. On upbringing and education (A. M. Arsen'eva et al., Eds.). Moscow, 1976. 640 p. (In Russ.)
10. Morozov N. A. Years of extermination. *Redemption: the Komi Republic's martyrology of the victims of mass political repressions*. Vol. 1. (G. V. Nevskiy, Comp.). Syktyvkar, 1998. P. 15–237. (In Russ.)
11. Nizovskiy A. Yu. The most famous monasteries and temples of Russia. Moscow, 2004. 464 p. (In Russ.)
12. Nikol'skiy N. M. History of the Russian church. Moscow, 1985. 448 p. (In Russ.)
13. Pokrovskiy N. N. Documents on the history of the church (1922 information reports of the State Political Directorate (GPU)). *Historical Records*. 2 (120). Moscow, 1999. P. 319–337. (In Russ.)
14. Rozhina A. V. Economic relationship between the Vologda province monasteries and state-church authority from the end of XVIII to the beginning of XX century. *Tyumen State University Herald*. 2012. No 2. P. 68–72. (In Russ.)
15. Rozhina A. V., Rozhina T. Ya. A female cloister. The history of Kyltovo Holy Cross Exaltation Nunnery from its foundation to the present time. Syktyvkar, 2018. 144 p. (In Russ.)
16. Roshchevskaya L. P. Mother Superior of the Kyltovo Monastery. *Connection between times*. (I. L. Zherebtsov, M. I. Kurochkin, Comp.). Syktyvkar, 2000. P. 190. (In Russ.)
17. Shishkin A. A. The essence and critical assessment of the "Renovationist" split of the Russian Orthodox Church. Kazan, 1970. 367 p. (In Russ.)
18. Shkarovskiy M. V. Russian Orthodox Church in the XX century. Moscow, 2010. 478 p. (In Russ.)

Received: 25 March, 2020

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЗЕЛЕНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМОНТНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА КИРОВСКОЙ МАГИСТРАЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе анализа и обобщения сведений документов центральных, ведомственных и региональных архивов, воспоминаний очевидцев рассмотрен процесс создания эффективной модели восстановительных работ на железнодорожном транспорте СССР в годы Великой Отечественной войны на примере прифронтовой Кировской магистрали. Кировская железная дорога как стратегический объект Европейского Севера СССР в годы Великой Отечественной войны подвергалась нападению диверсантов и налетам авиации противника. Отсутствие единоначалия в системе восстановительных работ и необходимых ремонтных материалов на начальном этапе войны негативно сказывалось на деятельности железной дороги. Поиск наиболее эффективной модели проведения восстановительных работ продолжался с 1941 по 1943 год. В результате нескольких реорганизаций восстановительные работы на Кировской железной дороге осуществляли Управление военно-восстановительных и заградительных работ – 11 и Управление строительно-восстановительных работ. Распределение функций между управлениями, создание трех военно-восстановительных участков, мобилизация внутренних ресурсов позволили оперативно восстанавливать поврежденную в результате деятельности противника железнодорожную инфраструктуру Кировской магистрали, а также вводить в эксплуатацию железнодорожные коммуникации на освобожденных от противника территориях КФСР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кировская железная дорога, рокада, восстановительные работы

Для цитирования: Зеленская Ю. Н. Организация ремонтно-восстановительных работ на Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.519

ВВЕДЕНИЕ

В период Великой Отечественной войны работа железнодорожной сети СССР была переведена на военный лад. От слаженной работы рокадных, коммуникационных и тыловых железных дорог зависело осуществление стратегических воинских перевозок [7]. В условиях войны характер обеспечения бесперебойной работы железнодорожного транспорта приобрел новые очертания [8], [9]. От ремонтных бригад требовалось не просто поддержание железнодорожных коммуникаций в рабочем состоянии, а оперативное восстановление повреждений железнодорожных конструкций и возобновление движения поездов. Наиболее остро проблема восстановительных работ проявилась на рокадных железных дорогах. Близость линии фронта, вылазки диверсантов и налеты авиации противника наносили ущерб железнодорожному имуществу и коммуникациям, останавливали движение поездов. Документы из фондов Российского государственного архива экономики, архива УФСБ РФ по Республике Карелия, Национального архива Республики Ка-

релия и воспоминания очевидцев раскрывают особенности организации восстановительных работ на рокадной Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны Кировская железная дорога получила стратегическое значение [1]. По путям железнодорожной рокады осуществлялось снабжение армий Карельского фронта и Северного флота, эвакуация населения и материально-технической базы КФСР в тыловые районы страны [3], [6] транспортировка импортных грузов, поступающих от союзников по антигитлеровской коалиции в порт г. Мурманска в период зимней навигации [10], [11].

В период с 1941 по 1944 год Кировская магистраль находилась под пристальным вниманием противника. Немецко-финские войска стремились парализовать работу железной дороги. Налеты авиации и деятельность диверсионных групп противника наносили ущерб железнодорожному хозяйству, замедляли, а порой и оста-

навливали движение железнодорожных составов. За годы войны авиация противника совершила на железнодорожные объекты Кировской магистрали 1435 налетов, в том числе на узлы – 149, станции – 544, перегоны – 731. 555 налетов вызвали перерыв в движении поездов. В ходе воздушных атак были сброшены 90104 авиабомбы, из них фугасных 21088, в том числе 827 бомб замедленного действия и 69016 зажигательных бомб¹. В ходе налетов авиации противника на объекты Кировской железной дороги в первое военное полугодие было сброшено 4664 бомбы, которые повредили 1932 звена железнодорожных путей, 7 мостов, 234 здания, 1561 км связи и 6460 км контактной сети². В период зимней навигации массированным налетам авиации противника (в налете участвовали до 125 самолетов) подвергался Мурманский железнодорожный узел. Вражеская авиация, разрушая железнодорожную инфраструктуру, пыталась остановить погрузку и отправление грузов, поступающих в порт г. Мурманска по ленд-лизу. На Мурманский железнодорожный узел за годы войны было сброшено 61699 авиабомб, что составило 68 % от общего количества сброшенных на дорогу бомб³. Всего за 1942 – первое полугодие 1944 года на объекты Кировской магистрали совершено 1040 налетов, во время которых сброшено 85440 бомб, вызвавших разрушения.

Прифронтовая зона, слабозаселенная местность и большие лесные массивы создавали благоприятные условия для деятельности вражеских диверсионных групп. Особенно активно диверсанты действовали на участках, находившихся в непосредственной близости к фронту (Вонгозеро – Масельская, Сумеречи – Уросозеро, Вонгозеро – Малыга, Быстряги – Раменцы и т. д.), куда выходили пешком или на лыжах. Для пересечения водных преград использовали резиновые лодки [4: 186]. Бывали случаи, когда диверсанты с самолетов забрасывались почти за 100 км от линии фронта. К примеру, в воспоминаниях начальника депо Сумпосад Н. Крутовского встречается упоминание о выходе противника на перегон Тегозеро – Колежма Сорокско-Обозерской железнодорожной линии⁴. Диверсанты закладывали мины и управляемые взрывные устройства под рельсы или рядом с ними, поджигали станционные постройки [5: 76]. В результате взрывов деформировалось железнодорожное полотно, нарушалась работа станций, порой останавливалось движение поездов. 31 октября 1941 года в 20 часов 40 минут на перегоне Быстряги – Раменцы 610 км произошел взрыв мины под поездом № 1520. Взрывная волна разрушила 100 м пути. Паровоз сошел с рельсов. Погиб один человек, ранения получили два железнодорожника.

Движение на перегоне возобновилось в 10 часов 30 минут 1 ноября 1941 года⁵.

В условиях военного времени бесперебойная работа Кировской железной дороги зависела от оперативной ликвидации действий авиации и диверсантов. В начале войны проведение восстановительных работ на Кировской железной дороге затруднялось по нескольким причинам. На темпах восстановительных работ сказывался запрет на выезд восстановительных летучек к месту разрушения до поступления сведений технической разведки. В последующем была разработана «Памятка для технической разведки», адресованная бригадирам пути, дорожным мастерам, механикам связи и дежурным по станции. В соответствии с ней восстановительные бригады отправлялись к месту разрушений немедленно после прекращения действия линии связи, не дожидаясь поступления информации от технической разведки. Это позволило значительно быстрее ликвидировать последствия налетов авиации противника⁶.

Оперативному восстановлению железнодорожного сообщения препятствовали дефицит строительных механизмов и материалов [2]. Накопленные на складах дороги эксплуатационные запасы деталей и материалов (закладок, зубчаток, досок и др.) с началом военных действий были израсходованы в короткий срок. Значительное количество труб, печей и другого оборудования было эвакуировано на тыловые железные дороги. Пополнение железнодорожных складов заметно сократилось, а по некоторым наименованиям материалов и прекратилось вовсе⁷. Перестав получать централизованные поставки с баз Главного управления материально-технического обеспечения (ГУМТО) НКПС, администрация Кировской магистрали пыталась восполнить недостаток материалов и запасных частей, заключая договоры с другими организациями. Например, цемент, оконное стекло, строительный кирпич, толь и шифер дорога получала от Сороклага. Железо и карбид частично приобретались у Снаббазы КФСР и Росснабсбыта Мурманской области⁸. Недостающие строительные и ремонтные детали заменялись другими материалами из внутренних ресурсов дороги. Производилась реставрация старых запасных частей и изготовление новых деталей из лома и отходов. Из «Аналитической записки к годовому отчету за 1942 год», составленной службой материально-технического обеспечения управления Кировской железной дороги, следовало, что работа по выявлению и использованию местных ресурсов велась во всех службах. Изготавливались гвозди, заклепки, изоляционные материалы и т. д. Осуществлялся ремонт запасных частей, рельсов, костылей и др.

Коллектив электрифицированного участка Кировской железной дороги освоил изготовление изоляционных материалов (гибкого миканита, кембрика, смолевой ленты и др.) из местных ресурсов⁹. Получило распространение движение Сазонова (мастер Мурманского депо), который в свободное от работы время восстанавливал старые детали. В 1942 году инициатором сазоновского движения на пункте осмотра станции Кемь выступил осмотрщик-автоматчик Перхин, который вместе со своей бригадой в свободное от осмотров поездов время собирал и ремонтировал запасные части. Опыт бригады Перхина переняли 46 работников станции Кемь¹⁰.

В 1943 году мобилизация внутренних ресурсов на Кировской железной дороге достигла еще большего размаха. Железнодорожники отливали чугунные и медные подшипники, золотники, колодки, колосники, буксовочные коробки и т. д. Для экономии свинца и быстрорежущих сталей использовали баббитовый выплав и напайку пластинок от старых сверл. Отливка медных деталей производилась из медных отходов (стружки, паспортной бронзы, красной и чушковой меди)¹¹.

Большой вклад в процесс восстановления старых деталей, изготовления новых из имевшихся в наличии материалов внесли новаторы производства, которые за 1942–1944 годы предложили 1693 рационализаторские идеи. Реализована была 841, в том числе изобретения Решетова (станок для точки пил), Фильковского (приспособление для ковки сверл кузнечным способом), Прокофьева (штамп для изготовления напильников) и др.¹²

Еще одним фактором, влиявшим на ход восстановительных работ, стало отсутствие в штате Кировской железной дороги пиротехников. В августе 1941 года из Москвы прибыли работники Взрывпрома, но они не смогли обезвредить немецкие авиабомбы. Поэтому путем самостоятельного выполнения практических работ при отсутствии инструкций и указаний на Кировской магистрали началась подготовка пиротехников из числа железнодорожников. Первоначально ликвидацию неразорвавшихся авиабомб производили путем их подрыва в стороне от объекта. Обнаруженную авиабомбу на руках или носилках относили в сторону от железнодорожного полотна и подрывали. Впоследствии «оттаскивание» авиабомб производилось при помощи длинной веревки или металлического троса. После знакомства с типами неразорвавшихся бомб стали производить их обезвреживание путем разрядки. В связи с отсутствием специального инструмента вплоть до мая 1942 года разрядка бомб производилась с использованием зубила. После получения инструкции началось изготовление соответствующих инструментов и приборов¹³.

На восстановительный процесс влияло также отсутствие в первые военные месяцы единоначалия. Автономность хозяйственных единиц в проведении ремонтных работ на своих объектах приводила к тому, что начальники хозяйственных единиц, согласовывая свои действия только с начальниками отделений движения, принимали решение о направлении на место аварии ремонтных бригад, обеспечении их строительными материалами и запасными частями, определяли сроки восстановительных работ¹⁴. Очевидно, что в условиях военного времени данная практика была неэффективна.

Первый опыт работы по восстановлению железнодорожного хозяйства в условиях военного времени показал необходимость скоординированной деятельности технической разведки, пиротехников, ремонтных бригад, связистов и т. д. Совместной деятельности всех участников восстановительных работ можно было добиться только путем создания единого подразделения, ведавшего всеми вопросами, касавшимися восстановительных работ. Становление такого подразделения на Кировской магистрали в годы войны прошло несколько этапов. Первой попыткой стало образование в соответствии с постановлением ГКО № 674/с от 15 сентября 1941 года и приказом народного комиссара путей сообщения № 496/ц от 16 сентября 1941 года военно-восстановительной службы¹⁵. При службе действовало 6 военно-восстановительных участков на станциях Волховстрой-1, Сегежа, Малошуйка, Кемь, Кандалакша и Мурманск. Границы этих участков соответствовали границам отделений движения. По каждому участку были разработаны проекты узлов, станций, искусственных сооружений, тяговых устройств, линий связи с указанием на конкретные стрелочные переводы, пути, линии связи, которые должны восстанавливаться в первую очередь при максимальном разрушении¹⁶. В ведение службы поступили 12 путевых, 7 мостовых, 13 летучек связи, 8 летучек контактной сети, мостопоезд, 2 путевые колонны, 12 восстановительных поездов, 12 пожарных и 4 строительно-восстановительных поезда¹⁷. При необходимости военно-восстановительная служба могла привлекать к ремонтным работам местное население¹⁸. В 1942 году процесс централизации и укрупнения структур, отвечавших за восстановление железной дороги, продолжился. 3 января 1942 года ГКО создал в системе НКПС Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР). В ведении ГУВВР находились организованные по фронтам управления военно-восстановительных и заградительных работ (УВВР). УВВР получил в свое распоряжение все железнодорожные военные подразделения. В его

функции входили восстановление железных дорог на освобожденных от противника участках, производство заграждений на фронтовых железных дорогах, а также восстановление поврежденных авиацией противника железнодорожных объектов¹⁹. На Карельском фронте было создано УВВР-11. Согласно приказу № С-19/ц, военно-восстановительная служба Кировской железной дороги передала УВВР-11 ремонтную базу, мостопоезд № 60 и 1475 рабочих²⁰.

Таким образом, в начале 1942 года восстановительные работы на Кировской железной дороге вели УВВР-11 и военно-восстановительная служба. УВВР-11, подчиняясь только ГУВВР, выполняло восстановительные работы первой очереди (укладка главного пути, восстановление мостов, устройств временной связи, водоснабжения, электроэнергии, временных станционных зданий). Военно-восстановительная служба, оставаясь в ведении начальника железной дороги, выполняла работы второй и третьей очереди (восстановление устройств паровозного, вагонного и энергетического хозяйства, увеличение пропускной способности железнодорожной линии до существовавших ранее показателей и т. д.).

Передав УВВР-11 свои ремонтные бригады, не имея возможности (вследствие эвакуации) производить мобилизацию местного населения, военно-восстановительная служба Кировской магистрали перестала справляться с возложенными на нее функциями. Это незамедлительно сказалось на снабжении армий Карельского фронта зимой – весной 1942 года. Поэтому 12 мая 1942 года командование Карельского фронта приказом № ЗФТ/6 инициировало обследование деятельности Кировской железной дороги. В ходе проверки комиссия пришла к выводу, что «положение вещей в военно-восстановительной службе Кировской железной дороги недопустимо. Служба только носит название восстановительной». В «Акте обследования» от 27 июня 1942 года члены комиссии отметили невнимательное отношение руководства Кировской магистрали к восстановительным работам, большое число разрушенных железнодорожных объектов, привлечение рабочих восстановительной службы на хозяйственные работы и т. д. Они указали на отсутствие возможностей у военно-восстановительной службы обеспечить выполнение восстановительных работ в полном объеме²¹. Менее чем через месяц, 20 июля 1942 года, по приказу НКПС военно-восстановительная служба была расформирована. Проведение восстановительных работ вновь перешло в ведение начальников хозяйственных единиц²². Таким образом, Кировская железная дорога вернулась к практике проведения восстановительных работ, от кото-

рой отказались в начале войны. Как и ранее, она не дала положительных результатов. Перерывы в движении поездов в отдельных случаях стали достигать 2,5 суток²³.

На основании приказа Л. М. Кагановича № С-270/ц от 26 марта 1943 года по Кировской магистрали вышел приказ № 78 от 1 апреля 1943 года «О мероприятиях по обеспечению быстрой ликвидации разрушений от налетов вражеской авиации». Приказ возобновил деятельность военно-восстановительной службы. В границах отделений движения снова возникли военно-восстановительные участки. Под управление военно-восстановительной службе от службы связи были переданы 30 восстановительных околотков связи (протяженностью 20–25 км) со штатом электро-механика и рабочими-связистами. На станциях Сорокская, Кемь, Кандалакша, Апатиты и Мурманск были дислоцированы дистанционные летучки связи в составе 30 человек каждая, на станциях Лоухи и Имандра – 15–20 человек²⁴.

Следующая реорганизация военно-восстановительной службы произошла после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 года²⁵ и приказа НКПС № 660/ц «О мерах по восстановлению железнодорожных вокзалов, станций, путевых будок и других железнодорожных построек» от 28 августа 1943 года²⁶. Данные распоряжения предписывали руководству Кировской железной дороги произвести строительство жилых и хозяйственных объектов и начать подготовку к восстановительным работам на участках, временно захваченных противником. Для выполнения указаний на Кировской железной дороге 30 августа 1943 года вышел приказ № 200. Военно-восстановительная служба была преобразована в управление строительно-восстановительных работ (УСВР), которое возглавил заместитель начальника Кировской магистрали Д. Н. Кузнецов. Для выполнения работ на линии были созданы два военно-восстановительных участка и отдельный прорабский пункт. Первый строительно-восстановительный участок находился в пределах от станции Пояконда (включительно) до станции Быстряги и от станции Сорокская до станции Сумпосад (исключительно). При первом строительно-восстановительном участке действовали два прорабских пункта. Первый пункт находился на станции Лоухи и функционировал в пределах от станции Пояконда (включительно) до станции Энгозеро (исключительно). Второй пункт находился на станции Кемь и действовал от станции Энгозеро (включительно) до станции Быстряги и от станции Сорокская до станции Сумпосад (исключительно). Второй воен-

но-восстановительный участок размещался в пределах от станции Мурманск до станции Пояконда (исключительно). При втором участке функционировали также два прорабских пункта: от станции Мурманск до станции Имандра (включительно) с местом нахождения пункта на станции Мурманск и от станции Имандра (исключительно) до станции Пояконда (исключительно) с местом нахождения пункта на станции Кандалакша. Отдельный прорабский пункт действовал в пределах от станции Сумпосад (включительно) до разъезда 3 км (включительно) Сорокско-Обозерской линии. Место дислокации отдельного прорабского пункта определялось в соответствии с указаниями начальника строительно-восстановительного управления²⁷. С 1 декабря 1943 года приказом по Кировской железной дороге № 273 в системе строительно-восстановительного управления был выделен третий участок в пределах от станции Сумпосад (включительно) до станции Обозерская (исключительно)²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях военного времени возросло значение деятельности восстановительных подразделений. Первый опыт их работы на Кировской железной дороге показал необходимость слаженной деятельности всех участников восстановительного процесса. Поэтому с 1941 по 1943 год на Кировской железной дороге путем проб и ошибок осуществлялось создание единой системы восстановительных работ, в которую в итоге вошли УВВР-11 и УСВР. Возникновение централизованных управлений, ведавших восстановительными работами, и распределение возложенных на них функций позволяло оперативно ликвидировать разрушения и возобновлять движение поездов с последующим восстановлением пропускной способности железнодорожного участка. В 1943 году система восстановительных работ на Кировской железной дороге приобрела заверченный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/26. Л. 1.

² Там же. Л. 5–10.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. П-218. Оп. 4. Д. 1. Л. 7; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ РФ по РК). Ф. Секретного делопроизводства. Оп. 1. Пр. 77. Л. 16; Воспоминания Н. Крутовского / Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГУПС.

⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. Секретного делопроизводства. Оп. 1. Пр. 99. Л. 63.

⁶ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 23–24.

⁷ Там же. Д. 4/29. Л. 110, 111, 152.

⁸ Там же. Оп. 12. Д. 339/3602. Л. 4 об.

⁹ Там же. Л. 5; Мурманский областной краеведческий музей (далее – МОКМ). Ф. НВ. Д. 4323-1пид. Л. 108.

¹⁰ НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 717. Л. 85.

¹¹ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 130, 131.

¹² Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1750. Л. 42, 42 об.

¹³ Там же. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 25, 27.

¹⁴ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 88. Д. 64. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 21–22.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 64. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 1, 13, 14.

²² НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 22.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Оп. 12. Д. 2/8. Л. 11.

²⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1968. Т. 3. С. 131, 158, 159.

²⁶ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 2/9. Л. 117.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 2/10. Л. 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. (Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1940 гг.). Петрозаводск, 2009. 541 с.
- Зеленская Ю. Н. Мобилизация внутренних ресурсов на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны // Общество и личность на переломе эпох: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 25 февраля 2017 г.). М., 2017. С. 134–138.
- Зеленская Ю. Н. Эвакуационные перевозки – одно из направлений деятельности Кировской железной дороги на начальном этапе Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 51–55.

4. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.
5. Кордов А. П. История образования транспортной милиции, ее реорганизация и взаимодействие структур системы НКВД – МВД Республики Карелия (1918–2008 гг.) // Материалы II Межрегиональной науч.-практ. конф., посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по РК 4–5 сентября 2008. Петрозаводск, 2008. С. 73–83.
6. Маркова А. Н. Транспортная система в военный период // Железнодорожный транспорт. 1985. № 4. С. 67–71.
7. Метелкин П. В., Персианов В. А. Факторы устойчивой работы транспорта в годы Великой Отечественной войны (1941–1954 гг.) // Вестник университета. 2015. № 4. С. 112–118.
8. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. 237 с.
9. Олифинов К. А. Железнодорожные магистрали в Великой Отечественной войне // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2015. № 2. С. 71–75.
10. Спиридонова Э. С., Телятникова Л. Е. Железные дороги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Память о Великой Победе: Межвузовский сборник статей. М., 2016. С. 202–204.
11. Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М.: Андреевский флаг, 1997. 200 с.

Поступила в редакцию 12.03.2020

Yulia N. Zelenskaya, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ORGANIZING REPAIR AND RECONSTRUCTION WORKS ON THE KIROV RAILWAY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyzes and generalizes information contained in the documents from central, departmental and regional archives, as well as the recollections of the eyewitnesses of the studied events in order to investigate the process of creating an effective model of reconstruction works for the USSR railways during the Great Patriotic War, using the case of the frontline Kirov railway. The Kirov railway, as a strategic object of the European North of the USSR, was attacked by saboteurs and raided by enemy aircrafts during the Great Patriotic War. The lack of unity of command in the system of reconstruction works, as well as the lack of necessary repair materials at the initial stage of the war had negative effect on the railway functioning. The search for the most effective model of reconstruction works went on for several years, from 1941 to 1943. As a result of several reorganizations, reconstruction works on the Kirov railway were carried out by the Department of Military Reconstruction and Barrage Works – 11 and the Department of Construction and Reconstruction Works. The distribution of functions between the departments, the creation of three military reconstruction sites, and the mobilization of internal resources made it possible to quickly restore the Kirov railway infrastructure damaged as a result of enemy activity, as well as to put into operation railway communications in the liberated territories of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic.

Keywords: Great Patriotic War, Kirov railway, frontline railway, reconstruction works

Cite this article as: Zelenskaya Yu. N. Organizing repair and reconstruction works on the Kirov railway during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.519

REFERENCES

1. Verigin S. G. Karelia during the years of war ordeals. Political and socioeconomic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1940. Petrozavodsk, 2009. 551 p. (In Russ.)
2. Zelenskaya Yu. N. Mobilization of internal resources on the Kirov railway during the Great Patriotic War. *Society and individual at the turn of the epochs: Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference (Moscow, February 25, 2017)*. Moscow, 2017. P. 134–138. (In Russ.)
3. Zelenskaya Yu. N. Evacuation transportation as one of the activities of the Kirov railway at the initial stage of the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 51–55. (In Russ.)
4. Jokipii M. Finland on the way to war. A study on military cooperation between Germany and Finland in 1940–1941. Petrozavodsk, 1999. 370 p. (In Russ.)
5. Kordov A. P. History of the formation of the transport police, its reorganization and the interaction between the structures of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia (1918–2008). *Proceedings of the II Interregional Research and Practice Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia (September 4–5, 2008)*. Petrozavodsk, 2008. P. 73–83. (In Russ.)
6. Markova A. N. The transport system in the war period. *Railway Transport*. 1985. No 4. P. 67–71. (In Russ.)
7. Metelkin P. V., Persianov V. A. Factors of sustainable transport during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Universiteta*. 2015. No 4. P. 112–118. (In Russ.)
8. Morozov K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 237 p. (In Russ.)
9. Olifirov K. A. Railway lines in the Great Patriotic War. *Proceedings of Rostov State Transport University*. 2015. No 2. P. 71–75. (In Russ.)
10. Spiridonova E. S., Telyatnikova L. E. Railways during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Memory of the Great Victory: Interuniversity collection of articles*. Moscow, 2016. P. 202–204. (In Russ.)
11. Suprun M. N. Lend-Lease and the northern convoys, 1941–1945. Moscow, 1997. 200 p. (In Russ.)

Received: 12 March, 2020

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

(Сыктывкар, Российская Федерация)

hiys84@rambler.ru

ПАСПОРТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проанализированы сведения о выдаче волостными правлениями Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии сельскому населению паспортных бланков и книжек четырех оттенков в 1911–1913 годах. Они выдавались на формулярах белого, розового, синего и желтого цветов, из которых последние три предназначались для лиц, имевших отношение к военной обязанности. Актуальность исследования обусловлена тем, что в российской историографии не выявлено научных трудов, посвященных изучению данного вопроса. Работа основана на комплексе делопроизводственных материалов земских начальников первого и третьего участков – актов ревизии волостных правлений. В результате охарактеризована специфика получения паспортных документов местным населением, в том числе в зависимости от времени года и продолжительности действия документа. Раскрыто влияние на нее традиционного образа жизни крестьян, в котором огромное значение играли неземледельческие занятия и отходничество. Выявлено предпочтение местного населения приобретать паспорта сроком от трех месяцев до года, при этом до 80 % видов на жительство предоставлялось в весенне-осенние месяцы. Обнаружена не только значительная диспропорция между количеством документов, выдававшихся на белом и цветных формулярах, но и общая тенденция к уменьшению получения мужчинами паспортных бланков и книжек в соответствии с тем, к какой возрастной группе военнообязанных лиц они относились.

Ключевые слова: Вологодская губерния, акты ревизий, сельское население, крестьяне, военнообязанные, паспорт, цветовая дифференциация паспортных документов, отходничество

Для цитирования: Попов С. А. Паспортные документы сельского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.520

ВВЕДЕНИЕ

Статья продолжает исследование вопроса, обозначенного автором в ранее изданной работе [12]. Он посвящен проблеме применения податным населением Российской империи в конце XIX – начале XX века паспортных документов, посредством которых государство регулировало процесс внутренней миграции сельских жителей. В предыдущей публикации рассмотрены существовавшие виды паспортных документов, их цветовая гамма. Настоящий труд посвящен вопросу использования населением Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в 1911–1913 годах видов на жительство в соответствии с их назначением. С учетом особенностей отходничества местного населения, отношения его мужской части к военной обязанности автором проанализированы сведения о выдаче

волостными правлениями паспортных бланков и книжек, оформлявшихся на формулярах белого, розового, синего и желтого оттенков; охарактеризована специфика получения ими паспортов, в том числе в зависимости от времени года и продолжительности действия документа.

Рассматриваемый вопрос представляется актуальным, так как в историографии он не получил должного внимания. Во время анализа истории изучения вопроса нами не выявлены научные работы, в которых дана комплексная характеристика применения паспортных документов в соответствии с их цветовой гаммой и категорией лиц, которым они предоставлялись. Только в единичных трудах кратко упоминаются эти сюжеты: [4: 149], [8: 79], [13: 61]. Как правило, отдельные вопросы, связанные с выдачей паспортов податным сословиям в период капитализма,

затрагивались в контексте изучения миграционных процессов и неземледельческих промыслов. В подобных трудах внимание историков обращено к анализу векторов миграции, интенсивности участия в ней населения и целей отходничества [3: 116, 118], [6: 79–81], [9], что, впрочем, характерно и для исследований позднего феодализма [7: 149–151].

Работа основана на материалах актов ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии начала XX века, выявленных в фондах Национального архива Республики Коми¹. Это один из немногих сохранившихся источников, который позволяет анализировать количественные показатели миграции сельского населения в отдельно взятой волости и в конкретном календарном году, охарактеризовать группы сельского населения, получавшие паспортные документы. Ведь, как известно, после возврата паспорта уничтожались волостной властью в установленном порядке.

Автором проанализировано 58 документов. Из данного комплекса источников, которые датируются 1909–1910, 1911–1913, 1914 и 1916 годами, необходимая информация содержалась в 32 актах (таблица). В оставшейся части материалов сведения отсутствовали или отражались не в полном объеме. Так, по четвертому земскому участку составителем указано только, производилась выдача паспортов или нет, и приведена статистика имевшихся в правлении паспортных документов в соответствии с приходо-расходной паспортной книгой². В свою очередь земский начальник пятого участка, помимо сведений, которые содержались по четвертому участку, зафиксировал общее количество выданных по отдельности бланков и книжек³.

По 6 волостям (Слободская, Вильгортская, Благовещенская, Мординская, Небдинская и Сторожевская) в таблице приведены сведения о дате проведения проверки и предоставленных сельскому населению паспортных документах, зафиксированные в качестве правки в первоисточнике. Она была внесена карандашом в текст предыдущего акта ревизии, хранившегося в «камере»⁴ земского начальника [1: 75–81]⁵. Причина обращения к указанным исправлениям – отсутствие в распоряжении автора оригиналов документов, отражающих результаты инспектирования уездным чиновником общественных органов самоуправления. При этом он склонен доверять этой информации, так как анализ комплекса источников позволяет утверждать о соответствии

отмеченных корректировок статистических данных цифрам, вносимым в дальнейшем в официальный делопроизводственный документ. Так, подобные изменения содержатся в актах ревизий следующих волостей: Богоявленская (от 5 ноября 1911 года), Пезмогская (от 17 ноября 1911 года), Слободская (от 23 декабря 1912 года) и Вильгортская (от 31 декабря 1912 года)⁶ (см. таблицу). Внесенные в них правки о дате проведения последующей ревизии и количестве выданных паспортных документов совпадают с материалами, зафиксированными в актах ревизий, датируемых соответственно 3 декабря 1912 года, 30 ноября 1912 года, 11 декабря 1913 года и 31 декабря 1913 года⁷. Отмеченный факт подтверждает высказанное автором ранее предположение об использовании земским начальником при инспектировании волостного правления текста акта предыдущей ревизии в качестве чернового варианта [1: 6].

Приступая к реализации поставленной цели, напомним о группах сельского населения, которым в начале XX века предоставлялись паспортные документы на цветных бланках. На белой бумаге⁸ они выдавались жителям волости, которые не имели отношения к воинской повинности. Лица мужского пола по достижении 18-летнего возраста и до момента поступления на службу по призыву по жребию или в качестве вольноопределяющихся получали виды на жительство на формуляре розового цвета. Мужчинам, причисленным к нижним чинам запаса, выдавались документы синего цвета. Желтого цвета – ратникам первого разряда, зачисленным в ополчение в последние четыре призыва, как и перечисленным из запаса армии и флота в ополчение до 43-летнего возраста. Заметим, что в запасе состояли с момента увольнения с действительной армии до окончания полного срока службы. В сухопутных войсках ее продолжительность составляла «шесть лет действительной службы и девять лет в запасе», на флоте – «семь лет действительной службы и три года в запасе»⁹. В ратники первого разряда зачислялись также лица мужского пола, которые по номеру вытянутого жребия не подлежали зачислению в ряды постоянных войск.

Введение цветных паспортных документов обосновывалось, с одной стороны, необходимостью предупреждения уклонения от воинской повинности со стороны юношей, подлежащих призыву на военную службу. Заметим, что это было распространенным явлением в Российской империи XIX – начала XX века [2], [4: 162–163]. С другой стороны, с целью осуществления особого надзора за военнообязанными лицами. На это, в частности, указывалось в утвержденном

Выдача паспортных документов сельскому населению
Усть-Сысольского уезда в 1911–1913 годах
Issuing of passports to the rural population of Ust-Sysolsk uyezd
between 1911 and 1913

Волость	Дата проведения ревизии	Вид документа	Количество выданных документов					по видам	всего
			по цветовой гамме						
			белый	розовый	синий	желтый			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Богояв- ленская	05.11.1911	бланк	554	28	51	30	663	675	
		книжка	11	—	1	—	12		
	03.12.1912	бланк	529	59	63	42	693	701	
		книжка	6	—	—	2	8		
	27.12.1913	бланк	539	51	57	36	683	695	
		книжка	9	—	2	1	12		
Слободская	04.11.1911	бланк	76	38	22	24	160	160	
		книжка	Выдачи не было						
	06.05.1912	бланк	21	3	1	3	28	28	
		книжка	Выдачи не было						
	23.12.1912	бланк	84	30	11	8	133	134	
		книжка	1	—	—	—	1		
	11.12.1913	бланк	95	38	19	14	166	175	
		книжка	7	2	—	—	9		
Вильгортская	30.11.1911	бланк	488	68	10	6	572	594	
		книжка	20	—	1	1	22		
	09.06.1912	бланк	153	23	10	5	191	200	
		книжка	8	—	1	—	9		
	31.12.1912	бланк	363	40	21	10	434	448	
		книжка	13	—	1	—	14		
	31.12.1913	бланк	387	39	27	8	461	482	
		книжка	19	—	2	—	21		
Благовещенская	10.11.1911	бланк	266	51	19	16	352	358	
		книжка	6	—	—	—	6		
	13.03.1912	бланк	254	36	17	13	320	325	
		книжка	5	—	—	—	5		
	15.12.1912	бланк	272	36	19	16	343	348	
		книжка	5	—	—	—	5		
Корткеросская	18.11.1911	бланк	323	36	40	—	399	409	
		книжка	10	—	—	—	10		
	30.11.1912	бланк	359	72	57	—	488	498	
		книжка	10	—	—	—	10		
	28.11.1913	бланк	364	91	61	—	516	522	
		книжка	6	—	—	—	6		
Мординская	20.11.1911	бланк	54	34	14	12	114	117	
		книжка	3	—	—	—	3		
	01.03.1912	бланк	3	7	—	2	12	12	
		книжка	—	—	—	—	—		
	10.12.1912	бланк	30	21	3	4	58	59	
		книжка	1	—	—	—	1		
05.11.1913	бланк	26	17	1	2	46	48		
	книжка	2	—	—	—	2			
Пезмогская	17.11.1911	бланк	201	37	37	5	280	286	
		книжка	6	—	—	—	6		
	30.11.1912	бланк	152	33	23	1	209	214	
		книжка	5	—	—	—	5		
	30.11.1913	бланк	132	38	26	5	201	203	
		книжка	2	—	—	—	2		
Небдинская	15.11.1911	бланк	240	70	101	15	426	435	
		книжка	7	—	2	—	9		
	17.05.1912	бланк	47	4	7	—	58	67	
		книжка	5	—	4*	—	9		
	29.11.1912	бланк	216	61	33	1	311	322	
		книжка	10	—	1	—	11		
	29.11.1913	бланк	108	29	21	3	161	170	
		книжка	8	—	1	—	9		

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сторо- жевская	16.11.1911	бланк	113	20	14	2	149	150
		книжка	—	—	1	—	1	
	07.03.1912	бланк	10	—	—	—	10	11
		книжка	1	—	—	—	1	
	28.11.1912	бланк	89	20	12	6	127	132
		книжка	5	—	—	—	5	
	29.11.1913	бланк	103	25	12	7	147	148
		книжка	1	—	—	—	1	
Важкурская	30.11.1913	бланк	126	19	14	—	159	160
		книжка	1	—	—	—	1	
Шешкинская	31.12.1913	бланк	214	28	8	11	261	267
		книжка	6	—	—	—	6	
Позы- керосская	06.11.1913	бланк	19	3	5	1	28	28
		книжка	—	—	—	—	—	
Уркинская	29.11.1913	бланк	110	21	8	7	146	154
		книжка	6	—	1	1	8	
Шиловская	12.05.1913	бланк	88	20	4	13	125	129
		книжка	4	—	—	—	4	
	28.11.1913	бланк	134	30	5	13	182	190
		книжка	7	—	1	—	8	

Примечание. 1. Тире (—) означает, что документ не выдавался. 2. Курсивом отмечены данные, внесенные составителем документа карандашом в соответствующие материалы предшествовавшего акта ревизии. 3. * выделено количество бланков синего цвета, которое, по мнению автора, в документе указано неверно. Об этом говорит имеющаяся в источнике информация. Во-первых, по настоящему паспортному реестру за первые пять месяцев 1912 года значилось пять лиц, получивших бессрочные паспортные книжки. Во-вторых, в акте ревизии от 17 мая 1912 года указано, что на начало года по Книге бесплатных паспортных бланков и книжек числилось две синих книжки. Дополнительно в волостное правление этот формуляр не поступал, и к 17 мая неизрасходованными остались две книжки синего цвета (см.: НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121. Л. 92 об.). Следовательно, автор считает, что по 17 мая 1912 года выдачи паспортных книжек синего цвета по Небдинской волости не производилось. Значит, итоговые показатели использования населением волости паспортных книжек, а также общее количество выданных паспортных документов необходимо скорректировать на четыре пункта, что соответственно составит 5 и 63 шт.

Составлено по: НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121, 164, 190; Ф. 28. Оп. 1. Д. 80; Ф. 30. Оп. 1. Д. 23.

14 мая 1874 года мнению Государственного Совета¹⁰ и обращалось внимание на заседании Паспортной комиссии в конце 1880-х годов во время разработки Положения о видах на жительство 1894 года¹¹.

Временные миграции были рядовым событием в повседневной жизни крестьян. Как правило, уход с местожительства осуществлялся в свободное от сельских работ время с целью приобретения средств на оплату податей и повинностей или прокормления семьи при недостатке собственного хлеба в хозяйстве. В связи с этим время и продолжительность отлучки подчинялись, главным образом, периодической смене работ сельскохозяйственного года. На это неоднократно обращали внимание как члены Паспортной комиссии, так и министры внутренних дел и финансов во время преобразования паспортной системы в конце XIX века¹². В 1880-е годы П. В. Котляровский, совершив исследовательскую экспедицию в Усть-Сысольский, Яренский и Сольвычегодский уезды Вологодской губернии, пришел к выводу, что в течение календарного года 7 ½ месяца (с середины сентября до мая) крестьяне занимались исключительно различны-

ми промыслами и другими неземледельческими работами (цит. по: [5: 285]).

Местное население активно уходило за пределы собственного уезда и губернии, образуя многочисленные отряды наемных рабочих-сезонников. Например, в осенне-весенний период крестьяне Усть-Сысольского уезда, объединяясь в артели, подражались на работы в Кажимские железоделательные и Уральские горные заводы [10: 91], [11: 20]. Как правило, за несколько месяцев до начала работ они заключали договор с администрацией завода. Постепенно отхожие промыслы приобретали черты специализации по видам деятельности: промышленные, ремесленные и непромышленные [6: 79]. Это позволяет говорить о том, что сельские жители, ежегодно нанимавшиеся на определенный вид деятельности, заранее планировали время и направление ухода на заработки.

Лица, покидавшие родное село, обязаны были получить в волостном правлении вид на жительство. Приобретение последнего не требовалось в двух случаях, указанных в статье 4 Устава о паспортах¹³. Во-первых, когда уход на заработки или по иным нуждам продолжался не дольше шести месяцев и осуществлялся в собственном

уезде или за его пределами, но не дальше, чем 50 верст от места жительства. Во-вторых, когда уход длился более полугода, но крестьяне нанимались конкретно на сельские работы как в пределах территорий, указанных в первом случае, так и, сверх того, в границах волостей, смежных с уездом, в котором проживал отлучавшийся.

В ходе исследования проанализированы сведения о выдаче паспортных документов по волостям первого и третьего земских участков, которые охватывают соответственно центральную (первые двенадцать волостей в таблице) и юго-западную (последние две волости) части Усть-Сысольского уезда. Они позволяют судить об активном уходе сельского населения на неземледельческие промыслы с использованием видов на жительство. Ежегодно волостными старшинами выдавалось от нескольких десятков до сотен паспортных документов. Например, в Богоявленской волости (1912 год) был приобретен 701 документ (наибольшее количество), в то время как в Позтыкеросской волости (1913 год) – всего 28 документов (наименьшее количество). Столь значительное различие обусловлено не только заинтересованностью жителей в паспортах, но и, главным образом, общей численностью населения в рассматриваемых административных образованиях. Так, не считая всего наличного населения, в первой волости на 1 января 1914 года только одних домохозяев числилось 522 человека, во второй волости на 1913 год – всего 174 души¹⁴.

Представленная в таблице статистика подтверждает приведенный автором факт, что сельское население отлучалось в соседние регионы и уезды на краткосрочный период. В частности, более 95,5 % лиц, получивших виды на жительство, использовали паспортные бланки. Паспортные книжки, которые выдавались на пять лет, приобретали до 4,5 % жителей. Лишь в трех волостях в 1913 году этот вид документа получили чуть более 5 % населения: Слободская – 5,1 %; Уркинская – 5,2 % и Небдинская – 5,3 %.

Пятилетний вид на жительство, как правило, приобретался на белом формуляре. Проанализированный комплекс документов позволяет утверждать об отсутствии среди податного населения Усть-Сысольского уезда, имевшего отношение к военной службе, практики отправляться на заработки и промыслы на продолжительный срок. В начале второго десятилетия XX столетия такие отходы были единичны: 1–2 человека. К ним относятся мужчины, зачисленные в запас или ополчение. Юноши, которым предстояло поступить на службу по жребию, вообще не получали документы данного вида. Исключитель-

ный случай выявлен по Слободской волости, где в 1913 году было выдано две паспортные книжки на розовом бланке. Объяснить этот факт автор пока затрудняется, так как он требует дальнейших научных изысканий.

В анализируемом историческом источнике не приводится статистика использования паспортных документов по сезонам года. Следовательно, без привлечения дополнительных материалов нет возможности представить картину их получения по месяцам. Однако сопоставление количества выданных бланков паспортов с ноября 1911 года по май/июнь 1912 года с данными за ноябрь 1911 года – ноябрь/декабрь 1912 года показало, что значительная их доля приобреталась с мая/июня по ноябрь/декабрь (см. таблицу). В частности, в Слободской волости с мая по декабрь 1912 года было израсходовано 105 бланков, что составило 78,9 % от их общего числа за год, в то время как с ноября 1911 года по май 1912 года – 28 шт. (21,1 %). Аналогичная ситуация наблюдалась по Небдинской волости, в которой этот показатель составлял с мая по ноябрь 1912 года – 253 шт. (81,4 %), с ноября 1911 года по май 1912 года – 58 шт. (18,6 %). Только в отдельных административно-территориальных единицах в течение года местное население относительно равномерно приобретало паспорта. Так, по Вильгорской волости выявлена незначительная разница: с июня по декабрь 1912 года – 243 шт. (56 %), с декабря 1911 года по май 1912 года – 191 шт. (44 %).

Напомним, что паспортные бланки (паспорта) являлись краткосрочными видами на жительство. Срок их использования составлял три, шесть месяцев и год. Как ранее было отмечено, сельские жители заблаговременно планировали время и направление ухода на заработки, а значит, беспокоились о получении необходимого вида на жительство. В этом автор видит причину активности выдачи паспортных документов в летне-осенние месяцы. Он предполагает, что в это время землепользователи преимущественно брали полугодовые и годовые паспорта, чтобы по окончании сельскохозяйственных работ покинуть сельское общество. В то время как в зимний период приобретались трехмесячные паспорта, чтобы к началу посевной вернуться домой. Этим, на наш взгляд, обусловлена выявленная диспропорция в количестве выданных паспортных бланков в указанные периоды.

В предыдущей работе автор указал на факт выдачи волостными правлениями Усть-Сысольского уезда в 1913 году значительного количества паспортных бланков и книжек на белом формуляре [12: 37]. В начале XX столетия

подобная картина наблюдалась ежегодно (см. таблицу). Причина в том, что эти документы предназначались для сельских жителей, не имевших отношение к воинской повинности. С разрешения мужчин их получали и женщины. В Усть-Сысольское уездное полицейское управление от мужчин поступали заявления с просьбой выдать паспорт женам и дочерям¹⁵. В итоге волостными учреждениями этого вида документов было предоставлено более чем в два раза относительно суммарного количества остальных цветов. Исключение составили только несколько волостей, в которых соотношение между ними не превышало 1–1,5 раза: Слободская (1912 и 1913 годы), Мординская (1912 и 1913 годы), Пезмогская (1913 год), Небдинская (1911 год) и Позтыкеросская (1913 год). Помимо этого, по первым двум волостям в 1911 году паспортных документов, предназначенных для военнообязанных, было израсходовано больше, чем на «обычном» формуляре. Так, по Слободской – 85 цветных бланков и 76 – белых бланков; по Мординской соответственно 60 и 57 шт.

Итак, представители выделенных категорий военнообязанного населения предпочитали приобретать виды на жительство сроком не более года, как, впрочем, и иные местные жители. Только в семи волостях выявлен факт приобретения ими пятилетнего паспорта – это Богоявленская, Слободская, Вильгортская, Небдинская, Сторожевская, Уркинская и Шиловская. Причем желающих покинуть свой двор на продолжительный период времени здесь были единицы (см. таблицу).

Ежегодно волостными правлениями выдавались паспортные бланки на формулярах розового, синего и желтого цветов. Только по Корткеросской и Важкурской волостям не было расхода желтых бланков. По предположению автора, это могло быть обосновано двумя причинами. Во-первых, отсутствием необходимости со стороны мужчин, находившихся в ополчении, получать документы. Во-вторых, дефицитом в обществе лиц трудоспособного возраста, которые могли отправиться по паспортам на заработки.

В целом по уезду прослеживалась общая тенденция к уменьшению выдачи паспортов сельскому населению в соответствии с их отношением к военной службе. С одной стороны, лица, зачисленные в запас армии и флота, брали меньше паспортов (синего цвета) относительно юношей призывного возраста (розового цвета). С другой стороны, состоявшие в ополчении приобретали их (желтого цвета) еще реже, чем находившиеся в запасе. Так, в 1913 году по 13 волост-

ным правлениям Усть-Сысольского уезда было выдано документов розового цвета – 429 шт., синего – 264 шт. и желтого – 107 шт. Подобная картина, за редким исключением, наблюдалась и по волостям. Выявленная тенденция является закономерной, так как, по мнению автора, в сельском обществе 18-летних юношей, призываемых на службу в армию и на флот, должно быть больше, чем крестьян, зачисленных в запас и, тем более, определенных в ополчение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что в 1911–1913 годах сельское население Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии использовало как паспортные бланки, так и книжки. Ежегодно волостными правлениями выдавалось от нескольких десятков до сотен видов на жительство, оформлявшихся на формулярах белого, розового, синего и желтого цветов.

Традиционный образ жизни крестьян, в котором огромное значение играли неземледельческие занятия и отходничество, влиял на специфику использования документов. Во-первых, значительная их часть приобреталась в весенне-осенние месяцы. Так, за редким исключением, в рассмотренных административно-территориальных единицах уезда с мая/июня по ноябрь/декабрь предоставлялось до 80 % документов, и лишь до 20 % – в период с ноября/декабря по май/июнь. Во-вторых, более 95,5 % жителей обращались за краткосрочными паспортами (от трех месяцев до года).

В начале XX столетия существовала значительная диспропорция в количестве бланков, выданных на белом и цветных формулярах. Основное количество использовавшихся документов предоставлялось на бумаге белого цвета. Это было обусловлено естественными факторами, а именно ограниченностью мужчин, которые имели право приобретать документы розового, синего и желтого оттенка. На цветных бланках паспортные документы получали исключительно лица, относившиеся к соответствующей категории военнообязанных, в то время как виды на жительство «естественной» окраски – остальное население волости, имевшее на то право, независимо от гендерной принадлежности. Одновременно установлены расхождения в количестве выданных паспортов по категориям крестьян, имевших отношение к военной службе. Как правило, прослеживалась общая тенденция к уменьшению количества выданных им паспортов в соответствии с возрастной группой военнообязанных лиц, к которой они относились.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (НАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 121, 164, 190; Ф. 28. Оп. 1. Д. 31, 80; Ф. 29. Оп. 1. Д. 45; Ф. 30. Оп. 1. Д. 23. С актами ревизий волостных правлений за 1913 год также можно познакомиться в [1].
- ² НАРК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 45. Л. 4, 5 об., 9, 15.
- ³ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 23. Л. 6, 10, 13 об.
- ⁴ Автор считает, что «камерой» именовалось помещение, в котором располагалось рабочее место земского начальника. В научной литературе упоминаний этого термина не выявлено, но информация обнаружена в исторических источниках начала XX века. Так, в одном случае он встречается в сюжете, посвященном обсуждению Усть-Сысольским уездным съездом с Вологодским губернским присутствием вопроса о переносе «камеры» земского начальника пятого участка из с. Троицко-Печерского в с. Усть-Кулом (см.: НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 167–168, 171–172). В другом случае – в сведениях о деятельности земских начальников Усть-Сысольского уезда в 1914 году: при указании расстояния от «камеры» до волостных правлений (см.: НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 103. Л. 2, 4, 6).
- ⁵ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 190. Л. 66–73.
- ⁶ Там же. Д. 121. Л. 29 об., 83 об.; Д. 164. Л. 2 об., 9.
- ⁷ Там же. 17 об., 72; Д. 190. Л. 34, 58–58 об.
- ⁸ Под этим оттенком автор понимает «естественный» цвет бумаги, на которой оформлялся паспортный документ.
- ⁹ Устав о воинской повинности и комплектование войск лошадьми, составленный по Своду Законов 1876 и 1879 годов и дополненный законоположениями по 8 октября 1880 года. СПб.: Изд-ие Н. А. Дементьева, 1880. С. 4, 5.
- ¹⁰ Мая 14 [1874 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О мерах к предупреждению уклонений от воинской повинности при действующих ныне по паспортной части узаконениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 49. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1876. № 53519. С. 770–771.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 11 (1894 г.). Д. 50а. Л. 53 об., 93.
- ¹² Там же. Л. 22, 74.
- ¹³ Устав о паспортах // Свод Законов Российской империи. Т. 14. СПб.: Государственная типография, 1903. С. 10.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57. Л. 2, 11 об.–12.
- ¹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии начала XX века: Сборник документов / Автор-сост. С. А. Попов; Отв. ред. П. П. Котов. Сыктывкар: ИИО ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 125 с. (Новые источники по истории Европейского Севера России. Вып. 3).
2. Б а я н д и н В. И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2013. № 3. С. 58–63.
3. Голицев В. Д., Голицева Н. Д. Основные социально-экономические причины отходничества крестьян Смоленской губернии во второй половине XIX в. // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 115–119.
4. И в а н о в Ф. Н. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний): Монография. М.: Перо, 2016. 212 с.
5. И н д о в а Е. И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда: Изд-во ВГПУ, 1973. Вып. 3. С. 235–299.
6. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. 688 с.
7. К о т о в П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 3. С. 149–155.
8. Л у ч и н и н А. В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 3 (8). С. 78–81.
9. М а ц у к А. М. Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: основание, направления, количественные показатели // Историческая демография. 2010. № 2 (6). С. 20–25.
10. М а ц у к М. А. Отход коми крестьянства на Уральские горные заводы в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. П. А. Колесникова. Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1987. С. 90–96.
11. П о п о в С. А. Миграционные процессы в Коми крае в начале XX в. (на примере Кажимских заводов) // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 19–21.
12. П о п о в С. А. Использование цветных бланков паспортных документов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2019. № 4 (5). С. 35–38.

13. Р а т у ш н я к В. Н. Основные задачи и функции российской полиции в 60–90-е гг. XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6-2. С. 60–65. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-60-65

Поступила в редакцию 26.03.2020

Sergey A. Popov, PhD in History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)
hiys84@rambler.ru

IDENTITY DOCUMENTS OF THE RURAL POPULATION OF UST-SYSOLSK UYEZD OF VOLOGDA PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY

The article analyzes information about the passports issued by the volost administration to the rural population of Ust-Sysolsk uyezd of Vologda province between 1911 and 1913. These passports were differentiated by four colors (white, pink, blue and yellow), and the last three were intended for persons liable for or connected with military service. The relevance of the research is due to the fact that the review of Russian historiography has not revealed research works dealing with this problem. The research was drawn on a set of official records kept by zemstvo administrative heads of the first and third precincts, namely the inspection reports submitted by the volost administration boards. The study resulted in identifying the specific characteristics of how passports were obtained by the local population, depending, among other things, on the time of year and the document's validity period. The paper also looks at how the passport issuing process was influenced by the peasants' traditional way of life, in which non-agricultural activities and seasonal work played a great role. It was revealed that local population of the studied area preferred to obtain passports for a period from three to twelve months, with up to 80 % of residence permits granted in spring and autumn. The other two findings were a large discrepancy between the number of white and colored passports, and a decreasing trend in the number of passports obtained by men liable for military service depending on their age group.

Keywords: Vologda province, inspection reports, rural population, peasants, military reservists, passport, color differentiation of identity documents, seasonal work

Cite this article as: Popov S. A. Identity documents of the rural population of Ust-Sysolsk uyezd of Vologda province in the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.520

REFERENCES

1. Inspection reports of volost administrations of Ust-Sysolsk uyezd of Vologda province in the early XX century: Collection of documents. (S. A. Popov, Comp., P. P. Kotov, Ed.). Syktyvkar, 2019. 125 p. (In Russ.)
2. B a y a n d i n V. I. "Commoners liable for military service wanted!" Struggle against military service evasion in the XIX and the early XX centuries. *Military Historical Journal*. 2013. No 3. P. 58–63. (In Russ.)
3. G o l i c h e v V. D., G o l i c h e v a N. D. Main socio-economic reasons seasonal work peasants Smolensk province in the second half of XIX century. *Regional Research*. 2013. No 2 (40). P. 115–119. (In Russ.)
4. I v a n o v F. N. Military duty in the European North of Russia between 1831 and 1874 (studying the materials from Arkhangelsk, Vologda, and Olonets provinces). Moscow, 2016. 212 p. (In Russ.)
5. I n d o v a E. I. History of the state peasants of Vologda province in the second half of the XIX century. *Materials on the history of the European North of the USSR: Northern archeography collection*. Vologda, 1973. Issue 3. P. 235–299. (In Russ.)
6. History of Komi from ancient times to the present. Vol. 2. Syktyvkar, 2011. 688 p. (In Russ.)
7. K o t o v P. P. Peculiarity of seasonal work of Tsars family peasants in the European North of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2012. No 3. P. 149–155. (In Russ.)
8. L u c h i n i n A. V. Passport system of pre-revolutionary Russia (historical review). *Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2009. No 3 (8). P. 78–81. (In Russ.)
9. M a t s u k A. M. Seasonal work of the peasants of Ust-Sysolsk uyezd in the late XIX and the early XX centuries: foundations, directions, quantitative indicators. *Historical Demography*. 2010. No 2 (6). P. 20–25. (In Russ.)
10. M a t s u k M. A. Seasonal work of the Komi peasants at the Ural Mountains plants in the late XIX and the early XX centuries. *The economy of the northern peasantry between the XVII and the early XX centuries: Interuniversity collection of research papers*. Syktyvkar, 1987. P. 90–96. (In Russ.)
11. P o p o v S. A. Migration processes in the Komi region at the beginning of the XX century (the case of Kazhym factories). *Historical Demography*. 2013. No 2 (12). P. 19–21. (In Russ.)
12. P o p o v S. A. The use of color passport forms in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (on the material of Vologda province). *Bulletin of Vologda State University. Series: History and Philology*. 2019. No 4 (5). P. 35–38. (In Russ.)
13. R a t u s h n y a k V. N. Main tasks and functions of the Russian police in 1860–1890s. *Historical and Social-Educational Idea*. 2016. Vol. 8. No 6-2. P. 60–65. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-60-65

Received: 26 March, 2020

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

КАК В КАРЕЛИИ СТРОИЛИ ПАРТИЮ-КРЕПОСТЬ: ОПЫТ 1930-х ГОДОВ

Изучение областной партийной организации, игравшей ключевую роль в политической жизни Карелии, важно для понимания механизмов функционирования сталинской модели власти на региональном уровне. В статье рассмотрены динамика численности организации в 1933–1939 годах, основные направления работы руководящих партийных органов Карелии. Впервые показано их взаимодействие с Советами и спецслужбами в условиях политической реформы и массовых репрессий, охарактеризован процесс ужесточения контроля над социальным составом партийной организации, общественной позицией коммунистов. Региональные политики, отстаивавшие представление о карельской автономии как форпосте социализма на Севере Европы, были физически уничтожены. Управленцы, присланные Ленинградским обкомом партии на смену «красным финнам», стремились унифицировать работу с запросом центра, но, поскольку среди ленинградцев рьяно искали троцкистов и зиновьевцев, новая элита вскоре подверглась преследованиям. В условиях приграничья массовое беззаконие цинично оправдывалось ростом военной угрозы. Управленческие полномочия были переданы активистам, сделавшим карьеру после разгрома оппозиции, в эпоху лидерства Сталина и лично преданным вождю. В исследовании использованы проблемно-хронологический и историко-критический методы.

Ключевые слова: Карелия, Коммунистическая партия, индустриализация, идеология, выборы, репрессии

Для цитирования: Филимончик С. Н. Как в Карелии строили партию-крепость: опыт 1930-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 91–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.521

ВВЕДЕНИЕ

В 1920-е годы в Автономной Карельской Советской Социалистической Республике самые важные решения, находившиеся в рамках республиканских полномочий, принимало правительство АКССР. В 1930-е годы ключевая роль в политической жизни Карелии сместилась к областной партийной организации, поэтому понять механизмы функционирования сталинской модели власти на региональном уровне без изучения истории областной партийной организации нельзя. В условиях форсированной индустриализации, конституционной реформы, корректировки идеологических приоритетов ВКП(б) законодательно была признана руководящим ядром государственных организаций (ст. 126 Конституции СССР 1936 года). В 1937 году Сталин призвал «превратить партию в неприступную крепость»¹. Предлагалось проверить каждого партийца на преданность вождю и разработанному им политическому курсу. Это должно было помочь Сталину единолично принимать решения, а партийные органы служили бы инструментом ре-

ализации его воли. В широком понимании крепостью называют любой обнесенный защитной стеной город. В таком случае ВКП(б) мыслилась как стойкая и негнимоная защитница социалистической жизни, выстроенной по сталинским лекалам. Перестройка партийной работы велась на разных уровнях, в том числе в национальных республиках, в приграничных регионах РСФСР.

В Карелии научное рассмотрение деятельности партийных организаций в 1930-е годы развернулось в брежневскую эпоху, когда были созданы очерки истории областной партийной организации, справочник о ее численности и составе, биографические очерки о региональных руководителях [12], [16], [28]. Вводились в оборот архивные документы о партийной пропаганде, поддержке трудовых инициатив новаторов производств и др. В то же время из-за идеологических и цензурных ограничений история партии рассматривалась в СССР апологетически. Политизация в условиях холодной войны проявлялась и на Западе в ходе дискуссий о роли партии

в жизни советского общества между сторонниками тоталитаризма и ревизионистами.

В последние годы в изучении сталинизма заметно смещение исследовательского интереса «сверху вниз», то есть к функционированию сталинской модели власти на региональном и местном уровнях, ее отношениям с различными слоями общества [1], [2], [10]. Рассмотрены на материалах отдельных регионов России общественно-политические кампании, инициированные ЦК ВКП(б) в 1930-е годы [5], [13], [22], [24], [27]. С учетом антропологического поворота они характеризуются как ритуалы, ставящие задачей изменить сознание, картину мира политических активистов [26]. В работах П. Кенеза, С. Коткина, Т. Мартина, Н. Верта, Ж.-Л. Депретто и других авторов показано массированное воздействие идеологии на советских людей [6]. Под влиянием работ М. Фуко власть рассматривается как система политических, социальных, межличностных отношений всех уровней. В рамках новой политической истории изучаются разные ресурсы власти, обеспечивающие контроль над обществом. Подчеркивается, что в 1930-е годы партией были инициированы важные социальные и политические реформы, поддержанные значительной частью населения, и одновременно создана разветвленная система органов государственного принуждения и террора [14]. Больше внимания стало уделяться изучению бюрократии как социального слоя. При этом репрессии против руководящих работников (в качестве особого феномена, а не отдельных примеров) пока остаются на периферии внимания историков [21].

Важным направлением исследований Карелии в постсоветское время стала репрессивная политика сталинского режима [9], [23]. В работах И. Р. Такала показано, что репрессии были инициированы ЦК ВКП(б) и управлялись вождем. Основательно изучив «национальные операции», И. Р. Такала пришла к выводу, что расширение репрессий происходило не столько по этническому, сколько по политическому принципу: переселенцев подозревали в критическом восприятии действительности и инакомыслии [17], [18], [19], [20]. Э. П. Лайдинен подчеркнул, что до начала Второй мировой войны НКВД развалил агентурную сеть финской разведки в Карелии. Однако действия спецслужб оказались неадекватны шпионской угрозе. Управление НКВД АКССР было выведено из-под контроля местного партийно-советского руководства. Подразделения НКВД активно участвовали в репрессиях, за что некоторые сотрудники были осуждены, а другие не только избежали ответственности, но и про-

двинулись по карьерной лестнице [8], [11]. Приступил к исследованию республиканской партийной номенклатуры К. В. Шеков [25]. Финские исследователи Т. Вихавайнен, М. Кангаспуру, Э. Анттикоски на материалах Карелии проследили изменения в национальной политике ВКП(б) [3]. В течение 1933–1938 годов сменилось 3–4 поколения руководителей, а формула обвинений была, по мнению Т. Вихавайнена, одна: националисты занимались шпионажем и стремились передать пограничную территорию СССР империалистическим державам [3: 31].

Имеющиеся исследования показывают важную роль Карельской областной партийной организации в системе республиканской власти в 1930-е годы, при этом конкретные практики партийного руководства требуют дальнейшего изучения. Не претендуя на то, чтобы в одной статье исчерпывающе осветить эти практики, автор данного исследования ставит целью охарактеризовать административные и репрессивные ресурсы, задействованные как Карельской областной организацией ВКП(б), так и другими властными институтами по отношению к ней, для решения задач индустриализации Карелии, проведения на ее территории конституционной реформы, продвижения государственной идеологии. Выбор хронологических рамок связан с тем, что корректировка социально-экономического и политического курса партии была задана итогами первой пятилетки, формированием органов государственной власти, утвержденных Конституцией 1936 года, политикой массовых репрессий. На развитие приграничной республики существенно повлияло международное положение после прихода к власти Гитлера и начала Второй мировой войны. Деятельность областной партийной организации в военное время рассмотрена монографически [4] и в данном исследовании не освещается.

Основными источниками послужили рассекреченные документы Национального архива Республики Карелия. Изучены стенограммы всех конференций Карельской областной партийной организации в 1930-е годы. Отчетные доклады секретарей обкома содержат характеристику основных направлений деятельности, на установках этого доклада ориентировались, выступая, другие делегаты. Допустивших некую самостоятельность ораторов сильно критиковали, зато текст отходил от шаблона. Значительную часть времени на конференциях отводили выборам, и стенограммы содержат ценную информацию биографического характера о партийном активе. Вопросы и комментарии характеризуют настро-

ения, установки партийного актива, атмосферу в партийной среде. Использованы рукописи воспоминаний первого секретаря Карельского обкома партии Г. Н. Куприянова, подготовленные в 1950–1970-е годы. Они позволяют детально представить обстоятельства назначения Куприянова на должность секретаря обкома, содержат характеристики его соратников. Автор, репрессированный по «Ленинградскому делу», пройдя ужасы ГУЛАГа, резко критикует деятельность НКВД в период «ежовщины». Он не считал возможным вспоминать о работе в составе «тройки» осенью 1938 года и акцентирует внимание на усилиях по укреплению законности и правопорядка.

За годы первой пятилетки партийная организация АКССР выросла в три раза за счет крестьян-бедняков, поддержавших коллективизацию, и рабочих-ударников. На 1 января 1933 года в составе областной партийной организации насчитывалось 15 377 человек [28].

В 1933 году Ленинградский обком партии после проверки признал, что «парторганизация Карелии окрепла и выросла», но отметил крупные недостатки в экономике и социальной сфере: отставание лесозаготовок, рыбных промыслов, слабость колхозов, низкий уровень благоустройства городов и др.² Устранить недостатки рассчитывали в ходе «генеральной чистки», решение о которой принял январский 1933 года Пленум ЦК ВКП(б). В ходе чистки подтвердилась весьма неприглядная картина производственной жизни трудовых коллективов. Вину за неудачи колхозного строительства, плохую организацию производства и быта в городских поселениях списывали на происки врагов. Дотошно выясняли, на чьей стороне находился коммунист в годы Гражданской войны. Вновь взяли на учет тех, кто добровольно или по мобилизации воевал на стороне белых, в годы Гражданской войны бежал в Финляндию, кто участвовал в крестьянских восстаниях против политики военного коммунизма. Если в ходе чистки 1929 года в АКССР из партии было исключено 10 % членов, то во время чистки 1933 года в два раза больше³.

Развернуть коммунистов «лицом к производству» помогла организационная перестройка. По решению XVII съезда партии в 1934 году структура Карельского обкома ВКП(б) была реорганизована по производственно-отраслевому принципу: начали работу промышленно-транспортный, сельскохозяйственный, советско-торговый отделы. Большую часть рабочего времени сотрудники аппарата занимались хозяйствен-

ными вопросами. Фактически отделы обкома действовали как параллельные республиканским наркоматам управленческие структуры, решавшие производственные проблемы.

На уровне района организатором партийной жизни выступал райком. В целях усиления оперативности руководства отделы в райкомах ликвидировали. Основным работником райкома стал инструктор. Он обязан был большую часть рабочего времени проводить в трудовых коллективах⁴. На партийных собраниях обсуждалось прежде всего выполнение производственных планов⁵. В середине 1930-х годов заготовка леса приблизилась к плановым цифрам. Вышли из прорыва горная и лесопильная промышленность. Социально-экономическая обстановка в республике в середине 1930-х годов в целом стабилизировалась.

В первой половине 1930-х годов руководящие посты в АКССР занимали политэмигранты – участники Финляндской революции 1918 года. У ответственного секретаря обкома партии Г. Ровио в 1917 году скрывался, покинув Разлив, Ленин. После подавления Финляндской революции Ровио эмигрировал в Россию, работал в Северо-Западном бюро ЦК ВКП(б), в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. В 1929 году был послан на партийную работу в Карелию [16]. Основные рычаги управления находились в руках правительства АКССР, поэтому важно, что Ровио был надежным единомышленником Председателя СНК АКССР Э. Гюллинга, члена революционного правительства Финляндии в 1918 году. Политэмигранты готовились к новому штурму капитализма, благодаря которому финно-угорские народы объединятся в едином социалистическом государстве. На VI пленуме обкома партии 1933 года Э. Гюллинг подчеркнул, что Карельская автономия создавалась как форпост советской власти на Севере. Сейчас на Западе экономический кризис, а в СССР успешно выполнена пятилетка, и «приближается столкновение между капиталистическим миром и Советской властью»⁶. Однако в условиях агрессивной политики Японии в Азии, нацистов в Европе руководство ВКП(б) все больше ориентировалось на защиту геополитических интересов СССР. Усилились государственно-охранительные тенденции в идеологии. В национальных республиках перестала муссироваться опасность «великодержавного шовинизма», подчеркивалась роль русского народа как опоры государства. Выросло подозрение к политэмигрантам, в которых видели носителей западных ценностей. Мечты «красных финнов»

о скорой революции в Европе не соответствовали новой идеологической линии. В сентябре 1935 года на V Пленуме Карельского обкома ВКП(б) руководство порицало за создание в Карелии групп содействия компартии Финляндии – могли стать «вторым райкомом»⁷. Негативно оценивали приглашение на работу в Карелию иностранных рабочих:

«В одном кармане у него партийный билет, а в другом заграничный паспорт. Где родина этих людей, на какой стороне баррикады они будут в нужный момент?»⁸.

Осуждали сокращение сферы действия в системе образования АКССР русского языка. В 1935 году Ровио и Гюллинг были отозваны в Москву. В 1938 году они были расстреляны.

После убийства Кирова в партийных организациях проходила проверка партийных документов, в ходе которой в Карелии активно изобличали «финских националистов». К партийному мероприятию привлекли НКВД. Во время этой кампании было арестовано 146 коммунистов⁹.

В августе 1935 года первым секретарем Карельского обкома ВКП(б) был избран П. А. Ирклис¹⁰. В 1932–1935 годах он занимал пост 3-го секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) [29: 381]. Ирклис привез из Ленинграда свою команду. С целью помочь этой группе управленцев 27 сентября 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по хозяйственному укреплению Карельской АССР». Центральным ведомствам поручили разработать мероприятия по механизации лесозаготовок, подготовке постоянных кадров лесозаготовителей, строительству дорог¹¹. Колхозам облегчили продажу хлеба на рынках¹². В 1937 году Политбюро освободило ряд районов Карелии от поставок зерна, списало недоимки, разрешило выделить дополнительные средства для укрепления пограничных райцентров¹³.

На XIII партийной конференции Ирклис подчеркнул, что основное внимание он уделял хозяйственным вопросам:

«Я бывал достаточно часто на предприятиях, на стройках, в районах. Интересовался в первую очередь тем, как идет выполнение плана... ходил по стройкам, ругался с руководителями»¹⁴.

В то же время он отвечал за проведение в Карелии важных политических кампаний. В 1936 году было организовано полугодовое обсуждение проекта новой Конституции СССР. Ирклис возглавил конституционную комиссию, подготовившую Основной закон Карелии. После утверждения Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁵ Конституция КАССР была принята XI Всекарельским съездом

Советов в июне 1937 года. В ходе конституционной реформы впервые вводилось всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б) отметил, что при тайном голосовании получить депутатский мандат в силу прежних заслуг не получится, нужно изжить нарушения внутривластной демократии. Жданов сослался на Карелию, где больше половины членов бюро райкомов и горкомов являлись кооптированными¹⁶.

Весной 1937 года в партийных организациях Карелии прошли выборы, на треть обновился состав райкомов¹⁷. XIII областная партконференция избрала новый состав обкома партии: было выдвинуто 88 кандидатур, а избрали 51. Не включали в бюллетень фамилии тех, кто читал листовки троцкистов, дал рекомендацию в партию троцкисту, не разоблачил троцкиста в своей организации и т. д. Отказывали в выдвижении тем, кто хоть в какой-то мелочи, порой курьезной, не проявил почтения к Сталину. Так, командиру полка Грушко припомнили, что он предложил вычеркнуть цитату Сталина из резолюции, а секретарю Медвежьегогорского райкома Каджеву то, что на траурном митинге после его слов «Да здравствует товарищ Сталин!» оркестр заиграл похоронный марш¹⁸. Пристрастно рассматривались кандидатуры финнов: отказывали имевшим родственников за границей, сохранившим финские паспорта, выданные в Российской империи. Делегат конференции Спирина заметила: «Мне кажется, что обсуждение кандидатур превращается в чистку членов партии»¹⁹. Однако большинство такой характер обсуждения считало проявлением принципиальности. На XIII партконференции было избрано бюро Карельского обкома. Фактически выборы превратились в очередную проверку региональной элиты на верность сталинскому курсу.

Летом 1937 года Политбюро поручило областным органам НКВД взять на учет граждан, вернувшихся из заключения и спецпоселений. Тех, кто казался критически настроенным к власти, следовало вернуть в лагеря или даже расстрелять. Решение принимали «тройки» в составе начальника областного УНКВД, первого секретаря обкома партии и прокурора. В Карелии «тройка» работала с августа 1937 года до середины апреля 1938 года. В ее состав входили партийные руководители Карелии Никольский, Леонинок, Иванов. Осенью 1937 года усилились репрессии по национальному признаку. Решения начальника УНКВД и прокурора по этим делам списками

утверждали в Москве, после чего приговоры приводили в исполнение [19].

НКВД нанес удар по команде первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) П. А. Ирклиса, выявив, что на XIV съезде партии Ирклис голосовал за предложения ленинградской оппозиции. Несмотря на это, делегаты XIII областной партконференции избрали Ирклиса секретарем обкома²⁰. Однако 21 июля 1937 года он был арестован, через полтора месяца расстрелян. Исполнять обязанности первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) было поручено карелу М. Н. Никольскому. Он проводил репрессии в военных кругах, разоблачал группы содействия финской компартии. Когда гроза нависла над ним самим, писал Жданову: «Я сам врагом не был и заявляю, что ни при каких обстоятельствах им не буду»²¹. Однако ближайшего соратника Ирклиса никто не слушал. Никольский был арестован и расстрелян. Половина избранных в 1937 году членов Карельского обкома была репрессирована: 15 человек расстреляли, двое умерли в заключении, 5 человек отправили в лагеря сроком на 8–10 лет, один покончил с собой после исключения из партии, четверо арестованных были освобождены в конце 1930-х годов. В маховик репрессий попали почти все члены бюро обкома партии. Были расстреляны секретари Кондопожского райкома Г. П. Шерешков, Тунгудского райкома Н. О. Рожков, Калевальского райкома Н. А. Гаппоев, Ребольского райкома И. П. Сонников, Ведлозерского райкома З. В. Денисов. Покончил с собой секретарь Петровского райкома ВКП(б) М. М. Родионов. К 1 января 1939 года численность партийной организации Карелии сократилась до 6318 человек [28: 35].

С сентября 1937 года исполнял обязанности первого секретаря Карельского обкома партии Н. И. Иванов, прежде работавший заместителем заведующего отделом партийных кадров Ленинградского обкома ВКП(б)²². В январе 1938 года Пленум ЦК ВКП(б) признал ошибки при исключении из партии. На партийных собраниях стали вскрывать факты формализма, клеветы²³. На XIV областной партконференции в июне 1938 года Иванов рассказал о восстановлении в партии 149 коммунистов. Докладчик признал острую нехватку партийных работников из-за большого числа исключений из партии. Иванов призвал сконцентрировать внимание на качестве партийной работы²⁴. Однако его призывы учить, воспитывать, помогать повисали в воздухе. Куда больший вес на XIV партконференции имело выступление наркома НКВД КАССР С. Т. Матусенко. Он грозно напомнил о «тягчайшем пре-

дательстве Троцкого», о «выполнявших указания финляндского фашизма врагах народа» и заявил: «Доклад Иванова слишком общий. Не поставил задач. Меня лично это не удовлетворило»²⁵. Поняв призыв наркома, делегаты конференции развернули травлю уцелевших после 1937 года обкомовских работников. Присутствовавший на заседании представитель ЦК ВКП(б) Н. И. Крачун доложил в Москву: Иванов не справляется. Решение было принято незамедлительно. 18 июня 1938 года Иванов отозван на другую работу, а делегатам конференции рекомендовано избрать первым секретарем Г. Н. Куприянова. Рекомендация, сопровождавшаяся ссылкой на поддержку кандидата товарищем Сталиным, была встречена бурными аплодисментами²⁶, и утром впервые приехавший в Петрозаводск 32-летний Куприянов был единогласно избран на высокий пост.

Куприянов в юности зарабатывал на жизнь плотницким мастерством. Как активный комсомолец, он поступил в Костроме в совпартшколу, по окончании которой перед крестьянским пареньком из бедной многодетной семьи открылись завидные для местного уровня перспективы: он преподавал обществоведение, заведовал РОНО, возглавлял культурно-просветительный отдел в райкоме. Осмыслив ситуацию, Куприянов повторил эту схему на более высоком уровне. В 1932 году он поступил в Коммунистический университет имени Сталина в Ленинграде, а в 1935 году, еще до завершения учебы, был взят инструктором в Дзержинский райком в Ленинграде. Ежовщина стала катализатором его дальнейшей карьеры. В ноябре 1937 года «был переброшен» в Куйбышевский райком в качестве второго секретаря. Проработав 20 дней, был избран первым секретарем после ареста предшественника. К приезду в Карелию опыт работы Куприянова первым секретарем райкома партии в Ленинграде составлял полгода²⁷. Он вспоминал, что его послали в Карелию остановить огульные расправы над коммунистами, и этой линии он старался следовать²⁸. Однако его работа в КАССР началась в условиях репрессий. С сентября 1938 года дела арестованных по национальным операциям до 1 августа 1938 года рассматривали «тройки» в составе начальника УНКВД, секретаря обкома партии и прокурора. Осенью 1938 года «тройка» осудила 1805 жителей Карелии, 95 % приговоров – расстрел. В работе «тройки» участвовал Куприянов [19: 177].

После постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года массовый террор был прекращен. В нарушениях законности

обвинили работников НКВД, и развернулись чистки спецслужб. В новой ситуации 19 декабря 1938 года Куприянов жаловался Маленкову, что сотрудники НКВД игнорировали указания партийных работников. В качестве примера он привел начальника Ребольского РО НКВД Артемьева, который устраивал разносы секретарю райкома: «Эй ты, рубаха, почему ко мне не заходишь и меня не информируешь?» О недавно всесильном в Карелии нарком Куприянов высказался определенно: «Матузенко надо снять»²⁹, что и было сделано [15: 59]. ЦК ВКП(б) принял директиву о проверке кадров НКВД партийными органами. С вновь принимаемыми на работу сотрудниками Куприянов проводил личные беседы, кандидатуры сотрудников НКВД утверждали на бюро обкома. Основные властные полномочия возвращались партийным органам.

В разгар массовых репрессий прошли выборы в Верховный Совет СССР, в Верховные Советы РСФСР и автономных республик. Партийные органы строго контролировали избирательные кампании. Они утверждали состав избирательных комиссий, отслеживали процедуру выдвижения кандидатов в депутаты. С невиданным размахом развернули агитационную работу. Подсчет голосов избиркомы вели в присутствии партийных работников. Бюро Карельского обкома ВКП(б) готовило сессии Верховного Совета, утверждало их повестку дня. Первым Председателем Верховного Совета КАССР стал второй секретарь Карельского обкома ВКП(б) Д. П. Смирнов.

Ведущим направлением деятельности партийных органов оставалась мобилизация трудовых коллективов на выполнение пятилетки и оборонных заказов. В 1938–1939 годах в Карелии пущен первый агрегат второй очереди Кондопожской ГЭС, построен ЦБК в Сегеже, в Петрозаводске возводился оборонный завод «Северная точка». Однако из-за репрессий производство лихорадило. В конце 1937 – начале 1938 года по тресту «Южкареллес» были арестованы около 1000 кадровых рабочих при общей их численности 6659 человек. При средней численности трудового коллектива Кондопожского ЦБК в 1800 человек

в 1938 году покинули предприятие 1120 рабочих. К судебной ответственности было привлечено более 500 технических специалистов [7: 531]. В этих условиях в экономике Карелии укреплялась роль ГУЛАГа.

ВЫВОДЫ

В 1930-е годы партийная организация Карелии сконцентрировала управленческие усилия на реализации индустриального рывка, проведении конституционной реформы и всеобщих выборов в Советы, перестройке идеологической работы с населением приграничья в условиях роста военной опасности. Многочисленные трудности и провалы в работе партийные органы пытались изжить путем ужесточения контроля над социальным составом организации, общественной позицией коммунистов. За 1933–1939 годы численность партийной организации Карелии сократилась с 15,4 тыс. до 6,3 тыс. человек. Представления о партии как стойкой, твердой, неприступной для врагов крепости помогали добиваться беспрекословного подчинения коммунистов воле вождя и сочетались с поощрением в партийной среде подозрительности, нетерпимости, доноительства. Партийные органы тесно сотрудничали с НКВД, в 1937–1938 годах полномочия спецслужб и чрезвычайных органов были беспрецедентно расширены, что подрывало устойчивость властных структур. К концу 1930-х годов НКВД вернулся под контроль партийных органов. При смене идеологических приоритетов политики, отстаивавшие представление о карельской автономии как форпосте социализма на Севере Европы, были физически уничтожены. Присланные Ленинградским обкомом партии на смену «красным финнам» управленцы стремились унифицировать работу с запросом центра, но, поскольку среди ленинградцев рьяно искали троцкистов и зиновьевцев, новая элита вскоре подверглась суровым преследованиям. В ходе чисток и репрессий выдвинулась когорта активистов, получивших политическое образование, сделавших карьеру после разгрома внутрипартийной оппозиции и лично глубоко преданных вождю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3, 6.

² НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 13.

³ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 128. Оп. 4. Д. 203. Л. 85. Оп. 5. Д. 220. Л. 15.

⁴ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 177. Л. 10.

⁵ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 147. Л. 25, 28.

⁶ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 5. Л. 79.

⁷ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 255. Л. 77–93.

⁸ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 255. Л. 70.

⁹ НАРК. Ф. П 3. Оп. 3. Д. 304. Л. 59–65.

- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 20.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 73.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 50.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 221.
- ¹⁴ НАРК. Ф. П 3. Оп. 4. Д. 203. Л. 88.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 985. Л. 29.
- ¹⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 8–9.
- ¹⁷ НАРК. Ф. П 3. Оп. 4. Д. 244. Л. 47.
- ¹⁸ НАРК. Ф. П 3. Оп. 4. Д. 207. Л. 37, 179.
- ¹⁹ НАРК. Ф. П 3. Оп. 4. Д. 207. Л. 138.
- ²⁰ НАРК. Ф. П 3. Оп. 4. Д. 207. Л. 42.
- ²¹ НАРК. Ф. П 3. Оп. 6. Д. 7682. Л. 32.
- ²² НАРК. Ф. П 3. Оп. 6. Д. 3789. Л. 4–6; Красная Карелия. 1937. 29 сент.
- ²³ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 89. Л. 41, 42.
- ²⁴ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 30, 66.
- ²⁵ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 7. Л. 58.
- ²⁶ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 9. Л. 40.
- ²⁷ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 9. Л. 46.
- ²⁸ НАРК. Ф. 3435. Оп. 2. Д. 196. Тетрадь 5. Л. 73.
- ²⁹ НАРК. Ф. П 3. Оп. 5. Д. 86. Л. 74.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфертьев И. А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920–1930-е годы. Критический анализ. М.: ИНФРА-М, 2019. 323 с.
2. Борисова Ю. А. Партийные комитеты как органы политической власти в 20–30-е гг. XX века: региональный аспект // Власть. 2008. № 9. С. 114–118.
3. В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Виховайнена и И. Такала. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 289 с.
4. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 506 с.
5. Гнатовская Е. Н. Партийные чистки железнодорожников на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3. С. 91–97.
6. Ермолаева О. Е. Современная американская историография сталинизма: между новыми подходами и архаичными интерпретациями // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 33–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.228
7. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
8. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939). Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2019. 304 с.
9. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 135–159.
10. Матюшин П. Н., Харитонов М. Ю. К вопросу о преобразовании органов партийно-государственного контроля Чувашской АССР в середине 1930-х гг.: причины и реализация // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2019. № 4. С. 356–364.
11. Органы безопасности Карелии: Исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 432 с.
12. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск: Карелия, 1974. 589 с.
13. Перебинос Ю. А. Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда, 2014. С. 103–115.
14. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2018. 591 с.
15. Судьба страны. Судьба чекистов: из истории органов безопасности Республики Карелия. Петрозаводск: Острова, 2013. 203 с.
16. Суханов М. А. Густав Ровио. Петрозаводск: Карелия, 1972. 77 с.
17. Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 111–128.
18. Такала И. Р. В поисках Эльдорадо. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 91–110.
19. Такала И. Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 14–207.

20. Такала И. Р. Этнические аспекты государственной репрессивной политики в Советской Карелии 1920–1930-х гг. // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от средних веков до наших дней. Петрозаводск, 2019. С. 211–252.
21. Хлевнюк О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
22. Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории, историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 71–80.
23. Чухин И. Карелия-1937: идеология и практика террора. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 160 с.
24. Шевляков А. С. Партийная чистка сельских организаций ВКП (б) Сибири (1933–1935 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 101–105.
25. Шеков К. В. К вопросу о формировании «номенклатуры» Карельского обкома РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (148). Т. 1. С. 39–41.
26. Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурса в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 247 с.
27. Юдин К. А. Кампания по проверке и обмену партийных документов как отражение политических технологий сталинского режима на территории Верхневолжского региона в 1935–1936 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 112–123.
28. Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984. Петрозаводск: Карелия, 1985. 150 с.
29. Карелия: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. А–Й. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. 400 с.

Поступила в редакцию 26.03.2020

Svetlana N. Filimonchik, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
syrsa@yandex.ru

HOW THE FORTRESS PARTY WAS CREATED IN KARELIA: THE EXPERIENCE OF THE 1930s

Studying the history of the regional party organization, which played a key role in the political life of Karelia, is important for understanding the functioning of the Stalinist model of power at the regional level. The article investigates the dynamics of the membership of the regional party organization between 1933 and 1939, as well as the main areas of work of the party leadership bodies in Karelia. The interaction of these bodies with the councils (the Soviets) and intelligence services in the context of political reform and mass repressions was studied for the first time. This is the first article that characterizes the increase in control over the social composition of the party organization and the public position of the communists. The regional politicians who formed the idea of Karelian autonomy as an outpost of socialism in the North of Europe during the Civil War were physically eliminated. The managers sent by the Leningrad Regional Party Committee to replace the “Red Finns” sought to coordinate the work with the requests of the center, but due to an active search for Trotskyists and Zinovievites among the Leningraders, the new elite was soon subjected to severe persecution. Because of the border proximity, mass lawlessness was cynically justified by rising military threat. Management powers were given to the activists who made their career after the defeat of the opposition in the era of Stalin’s leadership and were personally loyal to the leader. The article uses the chronological and historical-critical methods.

Keywords: Karelia, Communist Party, industrialization, ideology, elections, repressions

Cite this article as: Filimonchik S. N. How the fortress party was created in Karelia: the experience of the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 91–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.521

REFERENCES

1. Anfert’ev I. A. Political biography of the ruling Russian Communist Party (Bolsheviks) – All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the 1920s and the 1930s. Critical analysis. Moscow, 2019. 323 p. (In Russ.)
2. Borisova Yu. A. Party committees as bodies of political power in the 1920s and the 1930s: regional aspect. *Vlast’*. 2008. No 9. P. 114–118. (In Russ.)
3. As a single family. National policy of the Bolshevik Party and its implementation in the north-west of Russia in the 1920s and the 1950s. Petrozavodsk, 1998. 289 p. (In Russ.)
4. Verigin S. G. Karelia during the years of war ordeals. Political and socioeconomic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 506 p. (In Russ.)
5. Gnatoyskaya E. N. Party purges of railway workers in the Far East in the 1930s. *Power and Administration in the East of Russia*. 2014. No 3. P. 91–97. (In Russ.)
6. Ermolaeva O. E. Contemporary American historiography of Stalin’s Russia: methodological advanced and traditional interpretations. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 7 (176). P. 33–41. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2018.228

7. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 1991. 943 p. (In Russ.)
8. Laidinen E. P., Verigin S. G. Finnish intelligence against Soviet Russia. Intelligence services of Finland and their activities in the north-west of Russia (1918–1939). Vyborg, 2019. 304 p. (In Russ.)
9. Makurov V. G. White Sea-Baltic plant in Karelia. 1933–1941. *New approaches to studying Karelia's history*. Petrozavodsk, 1994. P. 135–159. (In Russ.)
10. Matyushin P. N., Kharitonov M. Yu. To the question of transformation of the party-state control bodies of the Chuvash ASSR in the mid-1930s: causes and implementation. *Vestnik of the Mari State University*. Series: History. Law. 2019. No 4. P. 356–364. (In Russ.)
11. Security agencies of Karelia: Historical essays, memoirs, biographies. Petrozavodsk, 2008. 432 p. (In Russ.)
12. Essays on the history of CPSU organization in Karelia. Petrozavodsk, 1974. 589 p. (In Russ.)
13. Perebinos Yu. A. Regional Communist Party apparatus amid forced Socialist modernization of the 1930s (based on the materials from the European North of Russia). *Management and economy in a context of economic instability: problems and perspectives*. Vologda, 2014. P. 103–115. (In Russ.)
14. Social mobilization in the Stalinist society (late 1920s–1930s). Moscow, 2018. 591 p. (In Russ.)
15. The fate of the country. The fate of the Cheka personnel: the history of the security agencies of the Republic of Karelia. Petrozavodsk, 2013. 203 p. (In Russ.)
16. Sukhanov M. A. Gustav Rovio. Petrozavodsk, 1972. 77 p. (In Russ.)
17. Takala I. R. Repressive policy towards the Finns in Soviet Karelia of the 1930s. *History of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 111–128. (In Russ.)
18. Takala I. R. In search of Eldorado. North American Finns in pre-war Karelia. *History of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 91–110. (In Russ.)
19. Takala I. R. The Great Terror in Karelia. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. No 3. P. 14–207. (In Russ.)
20. Takala I. R. Ethnic aspects of the state repressive policy in Soviet Karelia of the 1920–1930s. *Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day*. Petrozavodsk, 2019. P. 211–252. (In Russ.)
21. Khlevnyuk O. The nomenclature revolution: regional leaders in the USSR in 1936–1939. *Russian History*. 2016. No 5. P. 36–52. (In Russ.)
22. Khlevnyuk O. V. The Stalinist period of Soviet History. Historiographical trends and unsolved problems. *Ural Historical Journal*. 2017. No 3. P. 71–80. (In Russ.)
23. Chukhin I. Karelia-1937: ideology and practice of terror. Petrozavodsk, 1999. 160 p. (In Russ.)
24. Shevlyakov A. S. Party cleaning of rural organizations of All-Union Communist Party (Bolsheviks) (VKP(B)) in Siberia (1933–1935). *Tomsk State University Journal*. Series: History. 2013. No 1. P. 101–105. (In Russ.)
25. Shekov K. V. On Karelian Regional Committee of Bolsheviks' Party nomenclature development in 1920s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 3. Vol. 1. P. 39–41. (In Russ.)
26. Studer B., Unfried B. Stalin's Party cadres. The practice of identification and discourses in the Soviet Union of the 1930s. Moscow, 2011. 247 p. (In Russ.)
27. Yudin K. A. Campaign for inspection and exchange of party documents as a reflection of political technologies of Stalin's regime in the Upper Volga region in 1935–1936. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No 1. P. 112–123. (In Russ.)
28. CPSU organization in Karelia in numbers 1921–1984. Petrozavodsk, 1985. 150 p. (In Russ.)
29. Encyclopedia of Karelia: in 3 vols. Vol. 1. Petrozavodsk, 2007. 400 p. (In Russ.)

Received: 26 March, 2020

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
n.drannikova@narfu.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКА О РАЗРУШЕНИИ И ОСКВЕРНЕНИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Цель статьи – исследовать особенности культурной памяти жителей г. Архангельска о разрушении православных культовых объектов в устной и письменной традиции, выявить основные значения и объяснения этих событий, проанализировать влияние современных форм реализации памяти на коллективные представления и их трансляцию в городском дискурсе. Исследование выполнено в русле антропологического подхода. Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. Религиозные нарративы являются частью современной культурной памяти жителей г. Архангельска. Их анализ свидетельствует о том, что в культурной памяти местного сообщества они находятся на ее периферии и заменены ценностями советского периода, но появление новых культовых объектов актуализировало потребность части местного сообщества в получении информации об истории архангельских храмов.

Ключевые слова: культурная память, научные публикации, краеведческий дискурс, религиозный нарратив, святотатство, Божья кара, массовые представления, коммуникативная память

Для цитирования: Дранникова Н. В. Культурная память жителей Архангельска о разрушении и осквернении культовых сооружений в советский период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 100–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.522

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – исследовать феномен культурной памяти жителей г. Архангельска о деформации объектов православной истории города; задачи исследования: выявить основные культурные значения и интерпретации событий, связанных с периодом гонения на Православную Церковь местного сообщества, проанализировать влияние современных форм реализации памяти о разрушении и осквернении культовых сооружений на коллективные представления и их трансляцию в современной фольклорно-речевой практике. Исследование выполнено в русле антропологического подхода.

В статье мы пользуемся термином «культурная память». Основоположниками ее изучения являются М. Хальбвакс [27], П. Нора [18], Я. Асманн [2]. В понятие «культурная память» Я. Асманн включает память о прошлом, письменную культуру и культурно-политическую идентичность, осуществляющуюся посредством ритуалов. Культурно-политическая идентичность – это осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем самоотжествления с ее культурными образцами. По-

средством культурно-политической идентичности происходит передача базовых смысловых структур из поколения в поколение. Культурная память, в отличие от коммуникативной, направлена на определенные, фиксированные моменты в прошлом: «прошлое... сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [2: 54]. Культурная память для Я. Асмана сакральна, она мифологизируется и объективируется в различных формах: текстах и коммеморативных практиках [2].

П. Нора вводит понятие «места памяти», которые обеспечивают единство сообщества. Это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, ритуальные речи и пр. П. Нора позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, а также переосмыслить проблемы культурной памяти [18].

В разное время прошлое имеет разный статус. Мы исходим из того, что оно неустойчиво. Оно зависит от настоящего. Воспоминания носят социальный характер и зависят от того, к какой группе мы принадлежим. В своем исследовании мы основывались на междисциплинарном принципе. Одним из методов, использованных нами, является

метод устной истории. Устные источники, писал А. Портелли, «доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий» [23: 39].

История православной церкви в Новое и Новейшее время трагична. В ней были как периоды разрушения, потаенного существования, так и реконструкции. В г. Архангельске существуют различные формы реализации памяти об истории церкви (музеи, памятники, праздники, кинофильмы, книги, статьи, фольклорно-речевая традиция и др.). Когда исследуется локальная история, то имеет значение история каждого отдельного храма (строительство, жизнь прихода, судьбы людей, посвятивших себя церкви, разрушение или осквернение храма и судьбы людей, пострадавших за веру). У историков такой подход называется «микроисторическим» [13]. История при таком подходе сближается с антропологией, для которой важны люди.

Устная повествовательная традиция является частью культурной памяти. О том, как происходит формирование устного исторического нарратива, пишет С. Ю. Неклюдов [17].

В своем исследовании мы использовали следующие прикладные методы: метод включенного наблюдения, который позволил проводить полевое изучение в естественной среде и повседневных жизненных обстоятельствах для респондентов, интервьюирование, запись устных высказываний. Сбор данных осуществлялся с помощью вопросника с открытыми вопросами, а также в виде устных и письменных интервью и бесед. С этой целью с 2015 по 2020 год нами проводились глубинные интервью с жителями г. Архангельска. Для поиска информантов применялся метод «снежного кома». В задачи исследования входило выяснение знаний и представлений о периоде гонения на православную церковь различных групп населения г. Архангельска и интерпретация ими этих событий. Мы беседовали с людьми, имеющими разное мировоззрение, их знания и представления варьировались. Мы выделили четыре группы населения по степени самоидентификации и причастности к жизни церкви: 1) воцерковленные жители г. Архангельска, 2) жители города, интересующиеся его историей и культурой, 3) не связанные с жизнью церкви и не интересующиеся историей города, 4) неопиты, переехавшие недавно в город. За время исследования было опрошено 150 жителей г. Архангельска в возрасте от 17 до 90 лет. Среди респондентов преобладали женщины, мужчины

составили одну четвертую часть всех опрошенных (37 человек). Некоторые из респондентов согласились ответить на вопросы только анонимно. Группа в возрасте до 20 лет составила 50 человек, 20–50 лет – 60 человек, 60–90 лет – 40 человек. В процессе исследования использовался анализ архивных документов, письменных источников – текстов интервью, рукописных свидетельств из личных архивов информантов. Все материалы хранятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета, фонд 38.

В начале XX столетия облик Архангельска формировали главным образом соборы и церкви. В городе находилось 34 культовых сооружения (храмы, монастыри, часовни). От улицы Архиерейской (ныне улица Урицкого) и до Соломбалы вдоль реки Северной Двины тянулась череда храмов, представляющих собой единый ансамбль. Его центрами были Михайло-Архангельский монастырь и Свято-Троицкий кафедральный собор¹. Двухэтажный Свято-Троицкий кафедральный собор, построенный в византийском стиле, являлся архитектурной доминантой Архангельска. Он был ориентиром для кораблей, входивших в архангельский рейд, культурным и духовным центром жизни горожан.

После 1917 года советская власть развернула борьбу с церковью². Разрушение храмов и монастырей приобрело массовый характер: в этот период в Архангельске погибла большая часть культовых сооружений [21: 6–7, 10]. Из 34 храмов 17 были разрушены, 11 национализированы. Они были превращены в спортзалы, клубы, общежития и пр., в 1930-е годы в них проживали спецпереселенцы (раскулаченные крестьяне), высланные в Северный край.

Важным фактором создания исторического образа места является официальная историография: научные, образовательные, краеведческие тексты. Они оказывают влияние на конструирование местной истории. О судьбе архангельской церкви в советский период истории существуют как секулярные, так и православные публикации. Борьбе новой власти с религией и разрушению культовых сооружений в Архангельской области (Северном крае) посвящены исследования, появившиеся в постперестроечный период истории: Ю. В. Дойкова [22], Н. А. Едовиной [1], Ю. П. Бардильевой [3], А. Козарика [24] и др. Архангельскую и соловецкую фольклорно-речевую традицию об архангельских православных объектах исследовала в своих работах Н. В. Дранникова [10], [11], [12].

Помимо профессиональных исследований, на формирование образа места оказывают влияние публикации и выступления в СМИ, относящиеся к различным периодам времени. Обратимся к анализу источников и статей 1920–1930-х годов как одной из форм сохранения памяти. С 1920 года все храмы в стране стали принадлежать государству. В 1925 году был создан Союз воинствующих безбожников, начали издаваться журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник». В них было опубликовано несколько статей, посвященных борьбе с религией в Архангельской области. Стилистику советских статей и выступлений 1920–1930-х годов А. Юрчак назвал идеологическим дискурсом. Антирелигиозные статьи, изданные в Архангельске, соответствуют этому определению [19]. Их содержание наполняют пропагандистские штампы, они носят уничижительный характер по отношению к представителям церкви. Периодическая печать 1928 года называет главными задачами антирелигиозной работы преодоление роста влияния православного духовенства на население деревень, для этого церкви стремились заменить избами-читальнями³. В 1928 году в «Антирелигиознике» сообщалось о вскрытии мощей, о закрытии и переоборудовании многочисленных культовых сооружений на Европейском Севере России⁴.

Прошлое имеет разный статус в разное время. Северный край превратился в регион, где антирелигиозная работа велась очень активно. В 1932 году в стране была объявлена «Безбожная пятилетка» [30]. Архангельск активно включился в ее выполнение. Информация об этих событиях сохранилась в различных архивах Архангельской области⁵. В 1930 году в здании бывшего храма Рождества Христова был создан Антирелигиозный музей, местные власти регулярно организовывали конференции и семинары Союза воинствующих безбожников, повсеместно читались доклады о методике индивидуальной антирелигиозной работы⁶.

Символическое значение для города приобрел разрушенный в 1929 году Свято-Троицкий кафедральный собор. Язык статей, посвященных необходимости его разрушения, выполняет функцию формирования нового сознания. Они написаны в духе воинствующего атеизма. В 1928 году в областной газете «Волна» публикуется заметка «Построим дом культуры на месте кафедрального собора»⁷. Она посвящена предстоящему открытию Дома культуры на месте Свято-Троицкого кафедрального собора. Ее автор противопоставляет старую культуру новой, для этого он использует инвективу («уродовать»,

«архиерейский могильник», «Очаг дурмана» и др.), сниженную лексику («Собор свое отжил», «...колокола намозолили глаза», «...нам дороже хороший клуб, чем угрюмые своды архиерейского могильника») и новые языковые формы («Обработайте Октябрьскую площадь постройкой Дома культуры!»)⁸ и др. С этой же целью в газете были опубликованы письма трудящихся (рабочих различных заводов, вагоновожатых, надсмотрщиков, мастеров электроцехов и др.), требующих снести здание собора. Будущий Дом культуры, по мнению власти, должен был стать одним из самых больших сооружений в городе и «вместить в себя театр, цирк, кино, библиотеку, прочее», поэтому под него планировалось отвести лучшее место. Таким местом, заявляла газета, «надо считать Октябрьскую площадь (бывшую Соборную. – Н. Д.)... которое уродовал неуклюже стоящий собор»⁹.

В СССР создается новый идеологический ритуал – перечисление однодневного заработка на строительство Домов культуры, которые создавались на месте храмов. Статья «Сотни рабочих за ДК» наделяет этот ритуал перформативностью – она посвящена почину работников Архсоюза, перечисливших однодневный заработок в фонд постройки Дома культуры. Статья заканчивалась вопросом: «Кто следующий?»¹⁰.

Среди всех публикаций, посвященных судьбе собора, только статья краеведа А. Попова отстаивает необходимость его сохранения¹¹. Ее автор обладает широким культурным кругозором, он хорошо знает историю Архангельска, является верующим человеком. В 1937 году он был репрессирован за свои взгляды. В статье А. Попов пишет о падении роли культуры в Архангельской области, о том, что музеи потеряли значение для развития региона, что разрушены и уничтожены предметы искусства, а уникальная культура Архангельской области перестала изучаться. Несмотря на заявление, сделанное в 1928 году Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями Архангельскому Губернскому исполнительному комитету о необходимости сохранения здания Свято-Троицкого храма, он был разрушен. Обращает на себя внимание тот факт, что решение о сносе собора было принято еще до опубликования Постановления ВЦИК и СНК о религиозных объединениях, вызвавшее массовое закрытие храмов по всей стране¹². Решение было связано с особым идеологическим статусом Архангельска как центра Северного края и советского города-порта¹³. Весной 1929 года храм был разобран. По заданию краеведческого музея «разбираемый» кафедраль-

ный собор фотографировал профессиональный фотограф Б. Ф. Оттлие, за что он был арестован в 1937 году. При аресте у него было изъято более двух тысяч фотографий¹⁴.

Современная фольклорно-речевая традиция является частью культурной памяти. Она включает в себя устные рассказы о разрушении и осквернении святынь в советское время, вызванных борьбой с религией [15]. Культурному пространству провинциальных российских городов посвящены исследования Н. Н. Габдуловой [5], И. А. Разумовой [8], А. С. Давыдовой [6], [7], А. А. Литягина, А. В. Тарабукиной [14] и др.

Наиболее полные ответы среди опрошенных нами дали респонденты, которых мы отнесли ко второй возрастной группе – в возрасте от 20 до 50 лет, в первую очередь те из них, кто интересовался историей края и города – работники музеев, библиотек, учителя, краеведы, информацию они в основном почерпнули из книг, СМИ, лекций и экскурсий. Этим респондентов по их интересам и мировоззрению мы отнесли к первой и второй группам. Образование в этой возрастной группе не является показателем, так как многие из опрошенных имели филологическое образование, но глубина их ответов оказалась разной.

Разрушение святыни, по традиционным представлениям, являлось одним из самых страшных грехов, за которым неминуемо следовало наказание. Подобные рассказы носят ярко выраженный дидактический характер. Сюжет о наказании за непочитание святыни в современной устной религиозной прозе имеет общероссийское распространение [4], [9], [15], [16], [20], [25], [26], [28], [29].

Все респонденты знают о произошедших событиях из печатных источников, лекций и уроков и, в меньшей степени, со слов старшего поколения. Никто из них не является свидетелем разрушения и осквернения храмов. Некоторые из опрошенных нами архангелогородцев говорили, что, когда происходило разрушение здания Свято-Троицкого собора, люди, ломавшие его, долго не могли сдвинуть с места купола собора, как будто им мешала сделать это какая-то сила. Некоторые из горожан утверждали, что во время разрушения были слышны непонятные стоны, крики, плачи:

«Говорят, что когда разрушали Троицкий кафедральный собор, то купола долгое время не сдвигались, словно их держал кто-то. Не знаю, правда или нет, но говорили, что те, кто участвовал в уничтожении собора, в скором времени умерли, да не просто так, а в муках» (Ж., 76 л., ф. 38, л. 40).

В этих рассказах сохраняется элемент чудесного вмешательства высших сил в деяния людей. В подобных легендах мотив наказания за непочитание святыни выполняет сюжетообразующую функцию, и осквернение святыни, по мнению респондентов, не может остаться безнаказанным. Эти рассказы выполняют дидактическую и меморативную функции. В них в редуцированном виде сохранился мотив кары Божьей и возмездия.

Часто, отвечая на наш вопрос, респонденты говорили, что слышали информацию о наказании святотатцев, но не знают, с каким храмом она связана, и не помнят, кто им рассказывал об этом: *«Слышала или читала, что такие люди теряли себя, болели, умирали рано или сходили с ума»* (Ж., 45 л., ф. 38, л. 5). Чаще всего такие ответы давали воцерковленные респонденты.

К текстам с функцией маркировки городского пространства относятся и устные рассказы о «нечистоте» места, на котором стоял Свято-Троицкий собор. Места, на которых находятся храмы и монастыри, обычно имеют положительную маркировку, но когда храм подвергается разрушению, то место, на котором он стоял, приобретает в народной традиции отрицательную оценку. Представление о его «нечистоте» образует единое семантическое поле с запретами на строительство дома на месте пожарища, кладбища, развилке дорог и др., существующими в традиционной культуре. Это представление переносится и на здание, построенное на месте бывшего храма или монастыря. В 1931 году на фундаменте собора и из его кирпичей был построен Архангельский театр драмы имени М. В. Ломоносова. До последней перестройки здания драматического театра в нем были сохранены стены собора со стороны набережной Северной Двины.

Ср.: «Место, на котором стоит сейчас Театр драмы, считается проклятым, “нечистым”, так как во времена советской власти здесь была разрушена церковь» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 51); *«“Нечистым” местом свойственно считать Театр драмы имени М. В. Ломоносова. Он был построен на месте Троицкого собора, который был разрушен специально для строительства театра. Поэтому считается, что этот театр всегда будут преследовать неудачи. И некоторые считают, что это предсказание сбывается»* (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32); *«Кафедральный собор был один из лучших в Европе. А на его месте сейчас всякие неприятности происходят, там ничего не держится»* (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32).

Данные тексты передают типовые мифологизированные представления жителей Архангельска о пространстве своего города. И в этом смысле в них прослеживается связь с традиционными деревенскими мифологическими рассказами. Ответы о «нечистоте» места, на котором находился

разрушенный Свято-Троицкий собор, дали как воцерковленные, так и невоцерковленные жители города, не будучи верующими людьми, последние сохранили традиционное речевое поведение.

Один из респондентов, объясняя нам, почему нельзя строить новые здания на месте бывших храмов, привел в ответ пословицу: «*Свято место пусто не бывает*», – и объяснил ее значение тем, что «*святое место сохраняет свою энергию*» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 51). Дополнительную сакральность храму, по представлениям респондентов, придает мифологический сюжет о том, что место для его строительства было выбрано Петром I во время одного из его приездов в г. Архангельск. Петр I трижды приезжал в Архангельск: в 1693, 1694 и 1702 годах.

Места, на которых стояли храмы, в традиционной культуре противопоставляются обычным. Но только часть наших респондентов считает, что на этой территории нельзя заниматься «*мирскими делами (большой риск на таких местах жить или заниматься мирскими делами)*» (Ж., 31 г., ф. 38, л. 50).

В общественной памяти существуют свои механизмы отбора, редукции и компрессии материала и его проекций. Матрицы общественного сознания имеют мифологический генезис воспоминания [17]. Чем больше отдалается событие во временном отношении, тем больше оно подвержено мифологизации. Респонденты, имеющие образование и религиозные убеждения, на вопрос о наказании святотатцев говорили, что наказанием за отношение к церкви в советский период является судьба страны в XX веке, которая привела ее к разрушению:

«Деяния советской власти до сих пор не признаны преступными... Наказанием является сама история нашей страны. Мы пережили духовное помрачение, последствия которого не изжиты до сих пор...» (Ж., 48 л., ф. 38, л. 53).

Данные информанты считают, что идеология советской власти оторвала русских от своей культуры и национальной истории, в отличие от других респондентов, они имеют образование и хорошо знают историю страны:

«Они оторвали нас от своего русского наследия, формировавшегося столетиями и оказавшегося выброшенным за борт, в том числе и советской историографией. Мы слабо можем опираться на тот дух и смысл, которыми до революции жила наша городская интеллигенция, простые жители губернии, на те ценности и нормы жизни, которые они утверждали...» (Ж., 48 л., ф. 38, л. 53).

Респонденты, считающие, что в советский период истории страны произошел культурный

разрыв, имеют свою гражданскую позицию: в их ответах присутствует мотив коллективной вины. Революция 1917 года и события, вызванные ею, оцениваются ими как катастрофа:

«Катастрофа 1917 года привела к постепенной деградации и утрате исторического облика нашей страны. Жалко, что не все это знают, понимают и осознают. Преодолеть это историческое, духовное и культурное беспамятство можно только через покаяние» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32).

Респонденты, давшие такие ответы, считают, что Россия должна пройти через *коллективное покаяние* за преступления, совершенные в XX веке советской властью.

Периоды мирной жизни церкви и последующего гонения на нее противопоставляются в ответах как культура / одичание, культура / деградация. О последствиях гонения на церковь эта часть респондентов говорит: «*Город погружался в культурное одичание*». Часть респондентов, имеющих развитую локальную идентичность, испытывает ностальгию по утраченному городу. Свято-Троицкий собор они называют *духовным центром губернского города*, считают, что факты региональной истории позволяют глубже понять историю страны и судьбу всей нации, «*поэтому вычеркивать и забывать о них нельзя, надо учиться на исторических ошибках и идти дальше*» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 4). В рассказах этой части респондентов появляется мотив общего греха и общей вины.

Акторами святотатства в нарративах чаще является молодежь, комсомольцы. Осквернители в устных рассказах выступают как маргиналы, им придаются признаки демонического существа. Рассказчики называют их *мракобесами*. Нарративы о святотатстве, записанные от воцерковленных респондентов, включают в себя мотив преследования Божьих людей.

Во второй половине 1980-х годов в стране меняется политика памяти, происходят демократические перемены, раскрываются белые пятна истории, что находит отражение в исследованиях, СМИ и фольклорно-речевом религиозном дискурсе. После 1988 года происходит увеличение количества православных культовых построек: церквей, часовен, поклонных крестов. В последние три десятилетия количество церквей в Архангельской области значительно выросло. Появление культовой постройки для жителей населенных пунктов Архангельской области – событие, которое активизирует религиозную жизнь, влияет на коллективную память, актуализирует проблемы религиозной идентификации, а также находит отражение в истории города.

Практически все опрошенные нами жители Архангельска, независимо от уровня знаний об истории города, своих религиозных убеждений и воцерковленности, отрицательно относятся к событиям, связанным с разрушением и осквернением культовых сооружений. Приведем несколько типичных ответов:

«Данные события я оцениваю отрицательно, так как человек верующий. Произошли данные события по вине советской власти» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 6).

«Отношусь плохо к самому уничтожению церкви после революции. Считаю, что такой разгром и бесчинства, столько смертей никому не были нужны» (Ж., 27 л., ф. 38, л. 1).

«Жаль, что уничтожены были памятники культуры и искусства, именно как объект материальной культуры, а не как культовый объект, то есть мне жаль, что уничтожили произведение искусства, именно такая позиция у меня по вопросу уничтожения храмов, а не религиозная» (Ж., 26 л., ф. 38, л. 7).

Ответы верующих респондентов в редуцированном виде содержат мотив наказания святоотцев. В ответах атеистов история уничтожения храмов оценивается с культурных позиций как проявления вандализма. Все респонденты называют в качестве виновника гибели храмов советскую власть, меньшая часть из них демонстрирует традиционные мифологические представления, связанные с тем, что кара неминуемо настигнет святоотца, но большая часть выпускает в своих рассказах эту часть мотива. В ряде ответов незнание информации заменяется экспрессивной оценочной лексикой: *разгром, бесчинства* и др. и сентенциями: *«столько смертей никому не были нужны»*.

В фольклорно-речевой практике жителей г. Архангельска существуют нарративы о чудесных знаках и знамениях, сопровождавших восстановление храмов. В них, как правило, указывается на сакральный статус места, на котором вновь строятся культовые сооружения, что подтверждается каким-либо божественным знаком. Например, в пригородной деревне Лявле, по рассказам старожилов, во время восстановления Успенской церкви в алтаре начал бить источник, исчезнувший после ее закрытия. Подобные рассказы являются противоположностью нарративам о разрушении храмов. Основным их мотивом является мотив благословения свыше места, на котором возрождается святыня. Источник в Успенском храме Лявли появился в 2003 году, сейчас он бьет рядом с ним, но на иконах в храме часто появляются капли.

Коммуникативная память распространяется на три поколения. Нарративы о разрушении храмов не являются частью этой памяти для боль-

шинства жителей г. Архангельска, а относятся к культурной памяти, сформированной под влиянием научного и краеведческого дискурсов. Предпринятое исследование привело нас к следующим выводам. В Архангельске, по сравнению с другими регионами, традиция религиозного нарратива имеет ограниченное распространение, несмотря на грандиозный масштаб разрушения культовых сооружений. Свято-Троицкий кафедральный собор стал для жителей Архангельска символом, к которому прикрепляются воспоминания.

В современной культурной традиции мы наблюдаем трансформацию исторических дискурсов и форм презентации памяти. Отсутствие знаний по интересующим нас вопросам демонстрируют ответы студентов первого курса Архангельского колледжа культуры и искусства и филологического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета – почти на все вопросы они ответили отрицательно. Их мы отнесли к группе неофитов – многие из них приехали в Архангельск из различных районов Архангельской области. Отдельную группу составили ответы членов «Преображенского братства» г. Архангельска. Независимо от возраста, их ответы отличались знанием местной истории и глубиной ее осмысления. Члены братства, в отличие от других исполнителей, проходили специальную подготовку. Они занимаются просветительской деятельностью, проводят лекции, посвященные судьбе церкви в периоды ее гонения и потаенного существования, организуют гражданскую акцию памяти жертв политических репрессий «Возвращение имен», передвижные выставки о судьбах репрессированных священников и др. Еще одну (самую меньшую) группу составили старожилы г. Архангельска, которые узнали эту информацию в процессе коммуникации от своих старших родственников.

Проведя исследование архангельского религиозного рассказа, мы сделали вывод о том, что идеология советского времени привела к тому, что в советский период истории люди потеряли уважение к культуре своих предков, оказался разрушен и сам культ предков, лежавший в основе народной культуры, о чем свидетельствует осквернение прихрамовых могил, некрополей и последующая утрата памяти об этих событиях. Ответы наших респондентов демонстрируют, что рассказы о разрушении храмов утратили свою актуальность, что разрыв культурной традиции был обеспечен десятилетиями антирелигиозной деятельности, умалчиванием информации старшим

поколением архангелогородцев и недостаточной просветительской деятельностью культурных и образовательных организаций и деятелей г. Архангельска.

Разные поколения исполнителей демонстрируют различные ценностные ориентиры. Поколением, являвшимся свидетелем разрушения храмов, осквернение церкви осознается как грех. Это представление оно смогло передать своим потомкам, хотя многие из них уже не являются верующими людьми, но при этом сохранили религиозное речевое поведение. Рассказчики не только воспроизводят ситуацию того времени, но и сопрягают ее с последующими временами и будущим поколений. Рассказы о святотатстве более молодых поколений (прежде всего родившиеся после 1950 года) потеряли эту оценочность, они воспроизводят ценности, связанные с советским периодом жизни, отрицавшим религию и относящим ее к области суеверий и предрассудков. Свято-Троицкий кафедральный собор превратился в своеобразное «место памяти», которое обеспечивает единство архангельского сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. Религию нельзя отрывать от социального и культурного опыта людей. В 1920–1930-е годы в стране официальной политикой становится

воинствующий атеизм, о чем свидетельствует анализ публикаций в архангельских СМИ того периода. Высмеивание и оскорбления верующих превращается в настоящий ритуал. Во второй половине 1980-х годов в стране меняется политика памяти. Перестройка политической и общественной жизни затронула сферу отношений государства и церкви. Государство отказалось от антирелигиозной политики, а это привело к тому, что табуированная ранее фольклорно-речевая традиция религиозного характера перестала скрываться.

Религиозные нарративы являются частью культурной памяти архангельского сообщества, но их анализ свидетельствует о том, что они оказались вытеснены на ее периферию и заменены ценностями советского периода, в то же время появление новых культовых объектов актуализировало потребность части местного сообщества в получении информации об истории архангельских храмов. Исследование позволило сделать вывод о том, что местные музеи, учителя, учебники, культурные и образовательные учреждения не оказывают большого влияния на знания жителей г. Архангельска о своей культуре. Исключение составили респонденты, являющиеся членами «Преображенского братства», которые хорошо знают историю своего города и церкви. Они присутствуют во всех возрастных группах исполнителей, выделенных нами.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 18-412-290002 п. а «Нарративы о разрушении православных церквей и культовых сооружений в современной фольклорной традиции Архангельской области».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Усков В. В. Город Архангельск. Исторические заметки о церквях и зданиях с приложением планов и видов. Архангельск, 1902.
- ² Первым антирелигиозным документом явился декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 года и вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 года. Циркуляры, ограничивающие и преследующие деятельность церкви, выходят почти ежегодно. Циркуляром НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам» от 17 марта 1937 года предписывались меры, направленные на внесение раскола в церковные общины, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т. д. Постановлением Совнаркома СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 года служители культа причислялись к «кулакам». Священнослужители стали одним из субъектов Приказа НКВД № 00447, послужившего началом Большого террора. Борьба с церковью продолжилась в 1960-е годы. В январе 1960 года ЦК КПСС принял закрытое постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах».
- ³ Окладников А. Антирелигиозная пропаганда в деревне (Архангельская губерния) // Антирелигиозник. 1928. № 4. С. 70.
- ⁴ Хроника. Закрытие молитвенных домов // Антирелигиозник. 1929. № 3. С. 95.
- ⁵ Архив Архангельского областного краеведческого музея (АОКМ КП- / П 26098, 5318, 11759 и др.); Мезенский муниципальный архив (Ф. 48. Д. 9. Оп. 1. 144 л.).
- ⁶ АОКМ КП-26098 / 1 п; КП-5310 / 1, 2, 3 п; АОКМ. Оп. 3. Д. 36. № 2.
- ⁷ Построим дом культуры на месте кафедрального собора // Волна. 1928. 14 сент.; Сотни рабочих за ДК // Волна. 1928. 25 сент.
- ⁸ Очаг дурмана рушится. Разборка крыши собора // Волна. 1928. 25 сент. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Сотни рабочих за ДК // Волна. 1928. 25 сент.

¹¹ Попов А. Н. Гибнут памятники уникальные: Письмо из 1926 года / Публ. Ю. В. Дойкова // Правда Севера. 2001. 24 мая. С. 10.

¹² Постановление ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929.

¹³ В 1929 году постановлением ВЦИК из Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области был образован Северный край с центром в г. Архангельске.

¹⁴ Коллекция его снимков хранится в Архангельском краеведческом музее. АОКМ КФОФ 769 / 1-28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский кафедральный Свято-Троицкий собор. 1709–1929 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arhisposedniki.ru/library/research/5554/> (дата обращения 12.01.2020).
2. Асман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. БардILEVA Ю. П. Пропаганда на европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 3. С. 42–49.
4. Буйских Ю. «Кара Божья» и «Чудо Господнее» в рассказах об осквернении святынь в текстах современной украинской крестьянской традиции // Acta Baltico-Slavica. 38. Warszawa, 2014. С. 263–278. DOI: 10.11649/abs.2014.014
5. Габдулова Н. Н. Культурное пространство провинциального города // Труды Псковского политехнического института. 2007. № 11.1. С. 40–43.
6. Давыдова А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 11–15. С. 24–32. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32
7. Давыдова А. С. Церковь в культурном пространстве малого арктического города // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 145–152.
8. Давыдова А. С., Разумова И. А. Новые культовые объекты в оценках и интерпретациях жителей Кировского и Апатитского районов // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7 (33). С. 171–183.
9. Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30 / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб., 1999. С. 500–512.
10. Дранникова Н. В. Архангельские церкви и святыне в устных рассказах горожан // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 35–38.
11. Дранникова Н. В. Культовые объекты Архангельска в современных городских легендах // Фольклор в культуре повседневности: Сб. ст. / Науч. ред. Н. И. Жуланова, Л. В. Фадеева; Отв. ред. Т. Н. Суханова. М.: ГИИ, 2019. С. 231–241.
12. Дранникова Н. В. Соловки в устной религиозной прозе жителей г. Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 49–57.
13. Зенкин С. Н. Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории 2006 / Под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 365–377.
14. Литягин А. А., Тарабукина А. В. Специфика исследования культуры малых городов // Живая старина. 2001. № 1. С. 12–13.
15. Мороз А. Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych. Lublin, 2014. С. 187–195.
16. Мороз А. Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.
17. Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: Сборник к 60-летию А. К. Байбурина / Ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 77–86.
18. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
19. «Обо всем, что совершалось тут»: Воспоминания, материалы о репрессированных жителях Судостроя-Молотовска и о репрессированных родственниках жителей Архангельска и Северодвинска / Сост. Г. В. Шаверина. Архангельск, 2017. 240 с.
20. Панченко А. А. Почему родился черт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорожденные монстры и границы религиозной дидактики // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 252–287. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
21. Попова Л. Д. Архангельск: Очерки истории строительства (конец XVI – начало XX в.). Архангельск, 1994. 158 с.
22. Попов А. Н. Гибнут памятники уникальные: Письмо из 1926 года / Публ. Ю. В. Дойкова // Правда Севера. 2001. 24 мая. С. 10.
23. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Авт. введения, сост. и переводчик М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32–51.

24. Священники – мученики града Архангельска: Доклад протоиерея Александра Козарика, благочинного г. Архангельска, наместника Никольского храма Архангельска на VII Иоанновских образовательных чтениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arh-eparhia.ru/publications/23290/> (дата обращения 12.01.2020).
25. Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 464 с.
26. Фадеева Л. В. Рассказы о поругании святынь в исторической памяти севернорусской деревни (конец XX – начало XXI века) // Человек и событие в исторической памяти: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 89–103.
27. Хальбакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
28. Штырков С. А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Отв. ред. А. К. Байбурин. СПб., 2001. С. 198–210.
29. Штырков С. А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.) / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006. С. 208–230.
30. Struve N. Les chrétiens en U.R.S.S. Paris, 1963. 374 p.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Natalia V. Drannikova, Doctor of Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
n.drannikova@narfu.ru

ARKHANGELSK COMMUNITY CULTURAL MEMORY ABOUT THE DEMOLITION AND DESECRATION OF RELIGIOUS BUILDINGS DURING THE SOVIET ERA*

The aim of the article is to explore the phenomenon of Arkhangelsk residents' cultural memory about the demolition of the Orthodox religious objects (by studying oral and written sources); to identify the main cultural meanings and interpretations of these events; and to analyze the influence of modern forms of memory implementation on collective visions or perceptions and their translation to folklore and speech practice. The study used the anthropological approach, was based on the interdisciplinary principle, and traced the dynamics of mass perceptions. Religious narratives are part of the modern cultural memory of Arkhangelsk residents. The analysis suggests that the religious narratives are located on the periphery of local community cultural memory, being replaced by the values of the Soviet period, but the emergence of new religious objects invoked the need to obtain information about the history of Arkhangelsk churches in some of the local community members.

Keywords: cultural memory, academic publications, local history discourse, religious narrative, sacrilege, God's punishment, mass perceptions, communicative memory

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the government of Arkhangelsk region as part of the Project No 18-412-290002 p a “Narratives on Demolition of Orthodox Churches and Religious Buildings in Modern Folklore Tradition of the Arkhangelsk Region”.

Cite this article as: Drannikova N. V. Arkhangelsk community cultural memory about the demolition and desecration of religious buildings during the Soviet era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 100–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.522

REFERENCES

1. Arkhangelsk Holy Trinity Cathedral. 1709–1929. Available at: <http://arhisповедniki.ru/library/research/5554/> (accessed 12.01.2020). (In Russ.)
2. Assman Ya. Cultural memory: script, recollection, and political identity in early civilizations. Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)
3. Bardileva Yu. P. Anti-religious teaching in the European North of Russia on the materials of the magazines *Antireligioznik* and *Bezbozhnik* (1925–1941). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2011. Issue 3. P. 42–49. (In Russ.)
4. Buyskikh Yu. “Lord’s punishment” and “Lord’s miracle” in the oral stories about the violaton of sanctities in the texts of contemporary Ukrainian rural tradition. *Acta Baltico-Slavica*. 38. Warszawa, 2014. P. 263–278. (In Russ.) DOI: 10.11649/abs.2014.014
5. Abdulova N. N. Cultural space of a provincial town. *Proceedings of Pskov Polytechnic Institute*. 2007. No 1.1. P. 40–43. (In Russ.)
6. Davydova A. S. Sacral and profane elements in the space of Arctic towns. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No 11–15. P. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32

7. Davydova A. S. A church in the space of a small Arctic town. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No 8–10 (42). P. 145–152. (In Russ.)
8. Davydova A. S., Razumova I. A. New cult object in the evaluation and interpretation of Kirovsk and Apatity residents of areas. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No 7 (33). P. 171–183. (In Russ.)
9. Dobrovolskaya V. E. Non-fairytale prose about the demolition of churches. *Russian folklore: Materials and research*. Vol. 30. 1999. P. 500–512. (In Russ.)
10. Drannikova N. V. Arkhangelsk churches and saints in the oral stories of the city dwellers. *Ryabinin Readings – 2015: Proceedings of the VII Conference on the Cultural Heritage of Russian North*. (T. G. Ivanova, Ed.). Petrozavodsk, 2015. P. 35–38. (In Russ.)
11. Drannikova N. V. Arkhangelsk religious buildings in the contemporary urban legends. *Folklore in everyday culture: Collection of articles*. (N. I. Zhulanova, L. V. Fadeeva, Eds.). Moscow, 2019. P. 231–241. (In Russ.)
12. Drannikova N. V. Solovki in oral religious prose of Arkhangelsk citizens. *Traditional Culture*. 2015. No 4. P. 49–57. (In Russ.)
13. Zenkin S. N. Microhistory and philology. *Casus: the individual and the unique in history 2006*. (M. A. Boytsov, I. N. Danilevsky, Eds). Moscow, 2007. P. 365–377. (In Russ.)
14. Lityagin A. A., Tarabukina A. V. The specifics of studying the culture of small towns. *Zhivaya Starina*. 2001. No 1. P. 12–13. (In Russ.)
15. Moroz A. B. Demolition of churches in the Soviet period: two views. *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*. Lublin, 2014. P. 187–195. (In Russ.)
16. Moroz A. B. Oral history of the Russian Orthodox Church during the Soviet period (folktales about the demolition of churches). *Proceedings of Russian Orthodox University of the Apostle John the Theologian*. Issue 6. Moscow, 2000. P. 177–185. (In Russ.)
17. Neklyudov S. Yu. Notes about “historical memory” in folklore. *AB-60. Collection of articles commemorating the 60th anniversary of A. K. Bayburin*. (N. B. Vakhtin, G. A. Levinton, Eds.). St. Petersburg, 2007. P. 77–86. (In Russ.)
18. Nora P. Problems of sites of memory. *France-memory*. St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
19. “About everything that happened here”: Memories, materials about the repressed residents of Sudostroy-Molotovsk, and the repressed relatives of the residents of Arkhangelsk and Severodvinsk. (G. V. Shaverina, Ed.). Arkhangelsk, 2017. 240 p. (In Russ.)
20. Panchenko A. A. Why was a baby Devil born: the legend about a blasphemous communist, monstrous births, and the limits of religious didactics. *Studia Litterarum*. 2018. Vol. 3. No 2. P. 252–287. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
21. Popova L. D. Arkhangelsk: Sketches on the history of construction (late XVI – early XX centuries). Arkhangelsk, 1994. 158 p. (In Russ.)
22. Popov A. N. Unique monuments are disappearing: Letter from 1926. (Yu. V. Doykov, Publ.). *Pravda Severa*. 2001. 24 March. P. 10. (In Russ.)
23. Portelli A. The peculiarities of oral history. *Anthology of oral history*. (M. V. Loskutova, Foreword, Comp., Transl.). St. Petersburg, 2003. P. 32–51. (In Russ.)
24. Martyr priests of Arkhangelsk City. Available at: <http://arh-eparhia.ru/publications/23290/> (accessed 12.01.2020). (In Russ.)
25. Smilyanskaya E. B. Magicians. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spirital crimes” in eighteenth-century Russia. Moscow, 2003. 464 p. (In Russ.)
26. Fadeeva L. V. Narratives about sacrileges in the historical memory of northern Russian villages (late XX – early XXI centuries). *People and events in historical memory*. Syktyvkar, 2017. P. 89–103. (In Russ.)
27. Halbwachs M. Social frames of memory. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
28. Shtyrkov S. A. Punishment of blasphemers: a folklore motif and a narrative scheme. *Proceedings of the Department of Ethnology*. Issue 1. (A. K. Bayburin, Ed.). St. Petersburg, 2001. P. 198–210. (In Russ.)
29. Shtyrkov S. A. Narratives about sacrilege of sacred places. *Traditional folklore of the Novgorod region. Issue 1. Proverbs and sayings. Riddles. Superstitions and beliefs. Children's folklore. Eschatology (using records from 1963–2002)*. St. Petersburg, 2006. P. 208–230. (In Russ.)
30. Struve N. Les chrétiens en U.R.S.S. Paris, 1963. 374 p.

Received: 25 March, 2020

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАРАКИН

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
karakin.86@mail.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
tvpashkova05@mail.ru

ФУНКЦИЯ ПЕЧИ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ И ЛЕЧЕНИИ ДЕТСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У КАРЕЛОВ

Традиционная культура карелов не раз становилась объектом исследования этнографов. Не стали исключением родильная обрядность и народная медицина, к которым будут обращены научные изыскания авторов данной статьи. Целью исследования является всестороннее определение функции печи в родильной обрядности и лечении детских заболеваний у карелов с применением сравнительно-исторического, этнолингвистического и сравнительно-сопоставительного методов. Впервые в научный оборот будут внедрены данные, собранные из различных источников (словари карельского языка, образцы карельской речи), а также полевые материалы авторов. На данный момент не проводилось комплексного исследования по семиотике карельской печи, что определяет актуальность данной работы. В результате проведенного исследования была раскрыта символическая значимость печи в карельской родильной обрядности и народной медицине (на примере заболеваний детей первого года жизни) на фольклорном, лингвистическом и этнографическом материале.

Ключевые слова: карелы, обряды жизненного цикла, карельская народная медицина, родильная обрядность, печь

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Функция печи в родильной обрядности и лечении детских заболеваний у карелов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.523

ВВЕДЕНИЕ

Печь (ливв. *päčči*; с. к. *kiukua*) всегда была характерным атрибутом и наиболее мифологизированным центром карельского жилища. Она выступает одновременно и как центр, и как граница избы, играет важную роль в зонировании жилого пространства, делит его на мужскую (большой или красный угол), женскую (бабий кут) половины и дверной угол [1: 130], [4: 118], [14: 101]. О важности печи и ее символической значимости в карельской избе говорит и карельская загадка: *Mi pirtissä liikkumattoin?* ‘Что в избе неподвижно?’ (ср. рус.: Чего из избы не вытащишь?), а также пословица: *Akatoi elos da päčitöi pertti* ‘Жизнь без жены, что изба без печки’¹.

Печь содержала в себе множество разнообразных функций. В Карелии традиционным отопительно-варочным очагом является «русская печь», снабженная большой топочной камерой для обогрева помещения, выпекания хлеба и дру-

гих изделий из теста и приготовления пищи на духу [9: 281]. Помимо этих основных функций, печь до появления керосиновых ламп служила одним из основных источников света в избе. Камелек, являющийся этническим символом Беломорской Карелии, всегда обращен к центру избы. Наряду с приготовлением пищи он еще и освещал жилое пространство [8: 82]. Кроме того, печь являлась местом для хранения и сушки предметов быта. Для этого использовались печурки – ниши в наружной стене печи, а также голбец – шкафообразная деревянная пристройка сбоку от печи.

Печь была излюбленным местом отдыха как старшего, так и младшего поколения. Лучшее место в избе, на печи, доставалось сказителю, который собирал вокруг себя всю семью долгими зимними вечерами. Однако лежание на печи не всегда считалось полезным делом. Карелы – народ трудолюбивый, и праздное лежание на печи и безделье порицались. В вепсской

и карельской крестьянской среде считалось, что причиной недомогания, весенней усталости, именуемой также веснухой (вепсск. *vesnuh*; ливв. *kevächčy*; с. к. *kevätti*), могло стать частое лежание на печи людей активного возраста: ливв. *päčil tuates kevächčy voit tartuo* ‘к лежащему на печи может пристать весенняя усталость’ [2: 163], [10: 136]. Некоторые фразеологические единицы с компонентом печь связаны с бездельем: с. к. *kiukuata painau* (букв. ‘печь давит’), с. к. *kiukuata paimentau* (букв. ‘печь пасет’), с. к. *kiukuan-korvalla L’evua kostittau* (букв. ‘на лежанке Леву угощает’) [16: 81]. Однако издавна у печи отмечались еще две функции: в ней мылись и в ней (или около нее) лечились. Бесспорно, наличие парной бани у карелов Карелии является одним из характерных этнических признаков их традиционной культуры, но появление бань, например, у тихвинских карелов (Бокситогорский район Ленинградской области) является поздним явлением и относится к началу – первой трети XX века. До этого бытовал обычай мыться и париться в печах². В Тверской Карелии это объясняется тем, что строительство бань было затратным делом, строительный материал нужно было покупать, а он был дорогой. В Беломорской Карелии основной причиной помывки прямо в печи были суровые погодные условия в зимний период. Процесс мытья карелов в печи описывается финским этнографом П. Виртаранта [22: 80].

Издrevле карелы, как и другие народы, относились с почитанием к огню как жизненному началу, символу жизни, наделяли огонь апотропейными (защитными), очистительными и продуцирующими функциями. Печь, будучи местом, где хранили и поддерживали огонь, перенимала его свойства. Наряду с самой печью эти свойства приобретала и вся очажная утварь и продукты горения: зола, уголь, сажа, которые использовались в различных обрядах, включая родильные и лечебные.

По мнению исследователя А. Геннепа, человек в своей жизни проходит некие этапы, одним из которых является рождение. Каждый из этапов сопровождается церемониями, целью которых является обеспечение перехода из одного состояния в другое [3: 9]. Это можно проследить и на примере карельской родильной обрядности, в которой одна из ведущих функций была отведена печи, древнейшему языческому центру, символизирующему женское лоно.

Сперва следует обратиться к фразеологизмам, указывающим на то, что печь в мировоззрении карелов символизирует женское лоно: ливв.

päčči on murennu ‘ребенок родился’ (букв. ‘печь развалилась’) [17: 592], с. к. *korjata kiukuanšuuta* ‘совершать первый акт соития после родов’ (букв. ‘ремонттировать устье печи’) (ПМА).

Печь и печная утварь наделялись продуцирующей семантикой. Считалось, что, если бездетная пара хочет завести ребенка, надо натопить печь и переночевать на ней [21: 17]. После венчания в доме жениха молодых сажали на печь, полили ягодным соком, чтобы дети были румяные, или молоком, чтобы были белолицые³. Чтобы забеременеть, в тайне от мужа под постель клали ухват и кочергу. Хотя карелы для обозначения родов и используют образное выражение с. к. *läsie tervehtä tautie* ‘рожать’ (букв. ‘болеть здоровой болезнью’), при трудных родах, как следствии несоблюдения определенных правил поведения во время беременности или сглаза, роженицу спускали в подпол, тем самым обращаясь за помощью к предкам, и открывали дымоходы, что связано с уподобительной магией [12: 26–27].

Если говорить о запретах, связанных с печью, то к ним относится запрет для беременных женщин залезать в печь для обмазки пода глиной. Это рационально объясняется тем, что устье печи достаточно узкое [12: 22]. Также существовало поверье, согласно которому нельзя было поворачиваться спиной к печи во время выпечки, горб вырастет [6: 476]. Ливв. «*Älä päčil selgiä kiänä, muiten gurbu selgäh kazvaa* ‘Не поворачивайся спиной к печи, иначе горб на спине вырастет’» [18: 415].

У карелов, как и у славянских народов, зафиксирован обряд разбивания дружкой на свадьбе горшка из-под каши о печь, так как верили: сколько черепков, столько и детей будет у молодых⁴. Разбивание посуды содержало элементы апотропеической, продуцирующей магии, являлось подношением семейным духам-покровителям, а также ассоциировалось с дефлорацией и пожеланием счастья новобрачным [11: 190], [15].

Очажную утварь использовали не только для усиления фертильных способностей молодых, а также для плодovitости домашнего скота. Печное помело, принесенное в хлев в зимние святки, обещало хороший приплод овец [23: 580–581]. Головешки, взятые из печи, использовали для изменения масти овец (ПМА).

Согласно карельской поговорке с. к. *Šyntyjä ei šijua valiče* ‘Ребенок не выбирает место для рождения’, рождается там, где случится. Тем не менее традиционно для родов карелки выбирали наиболее уединенные места, хлев и баню, боясь сглаза и его пагубного влияния на роды. В избе запрещали рожать, считая роженицу «нечистой»,

«поганой» (с. к. *pakana*). Женщины тщательно скрывали свою беременность, боясь сглаза и порчи. По этой причине и по незнанию точного срока родов карелки зачастую рожали в поле, в лодке на рыбалке, в лесу и в дороге (ПМА). Однако в зимние морозы, когда роженица не могла родиться вне дома, в редких случаях, нарушая старый обычай, выбирали для этих целей теплую печь в избе [5: 35].

Если любя была невестка, то свекровь заранее готовила для нее место на голбце, а для ребенка — на краю лежанки [23: 162]. При первом появлении роженицы в избе короб с ребенком клали на печь или ставили перед жаротком, отсюда и древняя загадка *Mi on heikko hinkalolla?* ‘Что слабое на припечке?’ (Ребенок) [21: 34]. Таким способом ребенка приобщали к домашнему очагу. В этом случае печь рассматривается как центр переработки «природного» в «культурное», «чужого» в «свое», тем самым и младенец становится «своим», происходит его приобщение к роду [1: 117]. Это объясняется и тем, что в этот период у ребенка еще нет своего духа-покровителя, и он попадает под покровительство духа домашнего очага [21: 34]. Согласно верованиям, свой дух-покровитель появлялся у ребенка лишь с первым зубом [13: 265]. По этой же причине «на зубок» новорожденному приносят в подарок помимо прочего и щуку — рыбу-охранительницу [7: 209]. Печь и подпол в верованиях карелов тесно связаны с культом предков. Объясняется это обрядом захоронения прародительницы рода, которую когда-то было принято хоронить в подполе жилища. В дальнейшем она становилась духом-покровителем для своих потомков [12: 27]. Этим объясняется и закапывание пуповины ребенка в подпол избы как обряд породнения [12: 29]. Также в подпол закапывали и послед, завернутый в тряпочку [20: 40].

Короб (с. к. *vakka*) является первым из четырех «домов» человека (последующие: колыбель, изба, гроб). В нем он пребывает свои первые шесть недель, по истечении которых его перекладывают в люльку (ливв. *kättyt*, с. к. *kätyt*), куда в качестве оберега кладут камешек от пода печи [13: 264].

Известно, что как русские, так и карелы использовали печь для лечения болезней. Раньше карелы говорили: с. к. *Kiukua lämmittäy, kiukua šyöttäy ta kiukua lääkičöy* ‘Печь греет, печь кормит и печь лечит’. Целительной силой обладал огонь, а также другие предметы, имеющие отношение к печи: камни, зола, дым, угли, кочерга. Они же являлись оберегами. Кроме того, еда, изготовленная в печи, использовалась в лечеб-

ных обрядах. Печная сажа, как элемент горения, применялась карелами в качестве оберега для младенца: при большом скоплении народа или при выходе с ребенком из дома ему мазали лоб сажой или рисовали крест на лбу. По народным представлениям, это отвлекало дурной глаз от самого ребенка [24: 36]. Для того чтобы сглаз или другое зло не вошли в дом, где есть новорожденный, в д. Сяргилахта над входом в сени устанавливали печные щипцы для углей. Этот способ основывался на вере в очищающую магию огня и связанных с ним предметов.

Карелы Беломорской Карелии для лечения *yönitettäjä* (‘ночница’) искали сон ребенка в печи, перебирая кочергой угли. У перебирающего спрашивали: *Mitä šieltä ečit?* ‘Что ты ищешь там?’ Он отвечал: *Unta ečin lapšella!* ‘Сон ищу ребенку!’ Используя кочергу, искали сон и под скамейкой. Это делала сама мать ребенка. На задаваемые вопросы во время ритуального действия надо было отвечать со злостью (д. Куйваярви) [23: 152–154].

Обратимся к тем болезням, которые лечились в самой печи. В карельской народной медицине в основе лечения некоторых заболеваний лежали древние воззрения, в соответствии с которыми болезнь воспринималась как некое живое существо. Главный принцип лечения таких болезней заключался в изгнании или удалении недуга из тела больного⁵. Для этого практиковались различные приемы и способы, среди которых выделяется «испечение» болезни, которое проводилось в печи. При лечении рахита, если ни один из магических ритуалов не давал положительного результата, прибегали к крайнему: ребенка заворачивали в ржаное тесто и сажали в горячую печь (Петрозаводский, Паданский и Олонецкий уезды)⁶.

Держанские карелы (д. Семеновское, Новое) для лечения детской молочницы смешивали в миске слегка теплую воду и золу, ставили для выпаривания в горячую печь. После остужали и смазывали ротовую полость младенца. Это средство считалось эффективным с древних времен [19: 227].

ВЫВОДЫ

Анализ этнографического, фразеологического и фольклорного материала показывает, что печь, будучи сакральным и языческим центром карельской избы, играет важнейшую роль в обрядах жизненного цикла человека. Карелы с почитанием относились к огню, наделяли его защитными, очистительными и продуцирующими функциями. Печь перенимала эти свойства, передавая их всей очажной утвари

и продуктам горения, которые использовались в различных обрядах, включая родильные и лечебные. Следует отметить, что на данный момент символика печи в обрядовой практике карелов недостаточно изучена и заслуживает более тщательного и подробного рассмотрения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вепсс. – вепсский язык

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

ПМА – полевой материал автора

с. к. – собственно карельское наречие карельского языка

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карельские народные загадки / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1982. С. 76; Карельские пословицы и поговорки = Karjalazet sananlaskut da sananpiät. Петрозаводск: Периодика, 2007. С. 17.
- ² Юрчак О. Баня в быту и обрядах тихвинских карел (по материалам полевых исследований 2002 г.). Сайт Олонец.ru: Олонецкий городской портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.olonec.ru/banya.php (дата обращения 12.11.2019).
- ³ Образцы карельской речи / Сост. Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1969. С. 268.
- ⁴ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. 1941. № 5. С. 120.
- ⁵ Харузин Н. Этнография: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. СПб., 1905. Вып. 4. С. 192.
- ⁶ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
2. Винокурова И. Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 148–167.
3. Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. Гришина И. Е., Орфинский В. П. Жилище // Народы Карелии. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 114–122.
5. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.: Наука, 1980. 216 с.
6. Кабакова Г. И. Рост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 475–477.
7. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 296 с.
8. Путистин С. В. К вопросу о формировании этнических символов на примере русских печей в Беломорской Карелии // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 81–84.
9. Путистин С. В. Печи Панозера в контексте традиций Беломорской Карелии // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: Juminkeko: ПетрГУ, 2003. С. 281–290.
10. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
11. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность: конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1977. 237 с.
12. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 170 с.
13. Сурхаско Ю. Ю., Клементьев Е. И. Обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 263–277.
14. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 222 с.
15. Топорков А. Л. Битье посуды // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 180–182.
16. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
17. Karjalan kielen sanakirja, IV. Helsinki: SUS, 1993. 610 s.
18. Leino P., Miettinen L. Karjalaisia sananpolvia. Helsinki: SKS, 1971. 640 s.
19. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki: SKS, 1983. S. 225–230.
20. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
21. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. 186 s.
22. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
23. Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.
24. Vuorela T. Paha silmä suomalaisen perinteen valossa. Helsinki: SKS, 1960. 112 s.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Yevgeniy V. Karakin, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
karakin.86@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Doctor of History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
typashkova05@mail.ru

FUNCTION OF STOVE IN CHILDBIRTH RITUALS AND CHILDREN'S DISEASES TREATMENT PRACTICES OF THE KARELIANS

The traditional culture of the Karelians has long been the object of ethnographic studies. Childbirth rituals and traditional medicine addressed by this paper are not an exception. The aim of the study is to comprehensively determine the function of the stove in the childbirth rituals and children's diseases treatment practices of the Karelians using comparative-historical, ethnolinguistic and comparative-contrastive methods. The article presents for the first time the data obtained from various sources (i.e., dictionaries of the Karelian language and samples of Karelian oral language), as well as the field research materials collected by the authors. So far, there have been no comprehensive studies on the semiotics of the Karelian stove, which determines the relevance of this research. The study revealed the symbolic significance of the stove in Karelian childbirth rituals and traditional medicine (namely, the treatment of infants during the first year of their life) using folklore, linguistic, and ethnographic materials.

Keywords: Karelians, life cycle rites, traditional Karelian medicine, childbirth rituals, stove

Cite this article as: Karakin Ye. V., Pashkova T. V. Function of stove in childbirth rituals and children's diseases treatment practices of the Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.523

REFERENCES

1. Bayburin A. K. Dwelling in the rites and perceptions of the Eastern Slavs. Leningrad, 1983. 191 p. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Fire in the Vepsian mythology. *Vepsians: History, culture and interethnic contacts: Collection of research papers*. Petrozavodsk, 1999. P. 148–167. (In Russ.)
3. Gennep van A. Rites of passage. A systematic study of rites. Moscow, 1999. 198 p. (In Russ.)
4. Grishina I. E., Orfinsky V. P. Dwelling. *Peoples of Karelia*. Petrozavodsk, 2019. P. 114–122. (In Russ.)
5. The spiritual culture of the Segozero Karelians in the late XIX and the early XX centuries. (U. S. Konkka, A. P. Konkka, Eds., Publ.). Leningrad, 1980. 216 p. (In Russ.)
6. Kabakova G. I. Growth. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 2009. Vol. 4. P. 475–477. (In Russ.)
7. Konkka W. S. Poetry of sorrow. Karelian ritual crying. Petrozavodsk, 1992. 296 p. (In Russ.)
8. Putistin S. V. Formation of ethnic symbols: case study of Russian stoves in the White Sea Karelia. *"Native vs. Alien" in the culture of the peoples of the European North*. Petrozavodsk, 2003. P. 81–84. (In Russ.)
9. Putistin S. V. Panozero's stoves in the context of the traditions of the White Sea Karelia. *Panozero: the heart of the White Sea Karelia*. Petrozavodsk, 2003. P. 281–290. (In Russ.)
10. Dictionary of the Karelian language (the Livvian dialect). (G. N. Makarov, Comp.). Petrozavodsk, 1990. 495 p. (In Russ.)
11. Surkhasko Yu. Yu. Karelian wedding rituals: late XIX – early XX centuries. Leningrad, 1977. 237 p. (In Russ.)
12. Surkhasko Yu. Yu. Family rites and beliefs of the Karelians: late XIX – early XX centuries. Leningrad, 1985. 170 p. (In Russ.)
13. Surkhasko Yu. Yu., Klementyev Y. I. Rites of the life cycle. *Baltic-Finnish peoples of Russia*. Moscow, 2003. P. 263–277 (In Russ.)
14. Taroeva R. F. Material culture of the Karelians (Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic): Ethnographic essay. Moscow, Leningrad, 1965. 222 p. (In Russ.)
15. Toporkov A. L. Breaking the dishes. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995. Vol. 1. P. 180–182 (In Russ.)
16. Fedotova V. P. Phraseological dictionary of the Karelian language: Reference dictionary. Petrozavodsk, 2000. 260 p. (In Russ.)
17. Karjalan kielen sanakirja, IV. Helsinki, 1993. 610 s.
18. Leino P., Miettinen L. Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971. 640 s.
19. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä. *Kansa parantaa* (Toim. P. Laaksonen, U. Piela). Helsinki, 1983. S. 225–230.
20. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu, Petroskoi, 1994. 457 s.
21. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo, 1924. 186 s.
22. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo, Helsinki, 1961. 271 s.
23. Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo, Helsinki, 1958. 804 s.
24. Vuorela T. Paha silmä suomalaisen perinteen valossa. Helsinki, 1960. 112 s.

Received: 13 May, 2020

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ТОЛСТИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
a_tolstikov@mail.ru

Рец. на кн.: Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 352 с.

Книга Алексея Валерьевича Голубева и Ирины Рейевны Такала посвящена истории масштабной иммиграции североамериканских финнов в Советскую Карелию в 1930–1935 годах, их непростой адаптации и жизни в этом приграничном регионе (во главе которого тогда тоже стояли иммигранты – красные финны, что создавало специфическую для СССР ситуацию), вкладу переселенцев в экономику и культуру республики, а также их судьбам – по большей части трагическим. Исследование стало итогом многолетней работы авторов и первоначально было издано по-английски в 2014 году в США и Канаде¹. Выход спустя пять лет авторизованного русского перевода означает, безусловно, новый этап рецепции книги в российском профессиональном сообществе. Ведь несмотря на интернационализацию науки и, хочется надеяться, достаточный уровень знакомства подавляющего большинства коллег с английским языком, прочесть выпущенную где-нибудь за океаном важную и нужную книгу по-прежнему возможно отнюдь не всегда, в особенности в российской провинции, просто потому, что элементарное получение в свое распоряжение полного текста, даже в электронном виде, нередко сопряжено с преодолением разнообразных препятствий, в том числе финансовых. Между тем рецензируемая работа представляет интерес не только для тех, кто занимается историей Карелии или судьбами иностранцев в СССР, но, по-моему, для всех, кто специализируется на советской истории, по крайней мере, сталинского периода. По справедливому замечанию самих авторов,

«история иммиграции финнов из США и Канады в Карелию позволяет лучше понять такие важные категории советского общества, как власть и культура, центр и периферия, этничность и национальность, миграция и класс. Изучение этой истории открывает новые перспективы для целого ряда исследовательских проблем, таких как адаптация предприятий и целых отраслей

промышленности к условиям плановой экономики, конкуренция между разными подходами к развитию советских национальных регионов и, наконец, вопрос о социалистической модерности, в частности об освоении советским руководством и обществом западных представлений о современной культуре труда и быта»².

Притом авторы, как полагается, внесли в русскоязычное издание ряд изменений, учтя, в частности, некоторые новые работы, вышедшие после 2014 года (с. 4). Фактически перед нами первое обобщающее научное исследование на указанную тему, которое основано прежде всего на документах из российских архивов, главным образом из Национального архива Республики Карелия, а также архива республиканского управления ФСБ. (Кроме того, в число источников помимо периодики, сборников документов, статистических справочников и опубликованных мемуаров и интервью входят еще десять неопубликованных записей бесед с переселенцами и их потомками. Записи были сделаны в Карелии в 2000-е годы (с. 314, 323)). Пожалуй, единственным предшественником авторов, еще в 1983 году опубликовавшим научную работу обобщающего характера об иммиграции финнов из США и Канады в Карелию в 1930-е годы, является финляндский историк Рейно Керо³. Он, однако, не имел возможности обратиться к советским архивным материалам. Исследования же, вышедшие с начала 1990-х годов (преимущественно, хотя и не исключительно в формате статей) и уже использовавшие ранее недоступные документы из российских архивов, либо представляют собой сравнительно краткие обзоры и первые подходы к проблеме (таковы, к примеру, некоторые публикации самой И. Р. Такала), либо посвящены отдельным аспектам истории североамериканских финнов в Карелии, либо написаны скорее в публицистическом, чем в академическом стиле⁴. Только в 2000-х годах началось эффективное сотрудничество занятых данной проблематикой исследователей из Канады, США, Финляндии,

Швеции и России, включая обоих соавторов рецензируемой книги. Два сборника статей, изданных в 2004 и 2008 годах по итогам международных конференций, стали заметным вкладом в изучение темы⁵. Можно отметить и вышедший в 2007 году как раз под редакцией И. Р. Такала и А. В. Голубева второй выпуск серии «Устная история в Карелии», специально посвященный пребыванию финнов из Северной Америки в Советской Карелии и включающий помимо научных статей интервью с четырьмя самими переселенцами, а также интервью и воспоминания детей и внуков иммигрантов плюс некоторые библиографические материалы⁶. Как закономерный результат этой многолетней деятельности и появилась книга «В поисках социалистического Эльдорадо» – написанная на современном научном уровне обобщающая история иммиграции североамериканских финнов в Карелию в 1930-е годы.

В первой главе авторы кратко рассказывают, с одной стороны, о формировании и условиях существования к началу 1930-х годов финской диаспоры в США и Канаде, а с другой – о характере миграции из Великого княжества Финляндского в Санкт-Петербургскую, Архангельскую и Олонецкую губернии еще в досоветский период, о новых волнах переселенцев из Финляндии в Карелию уже после 1918 года и, в самых общих чертах, о значении финских политэмигрантов для истории карельской автономии в 1920-е годы. В одном случае повествование в этом вводном разделе начинается, на мой взгляд, слишком уж издали: почему-то параграф о красных финнах в автономной Советской Карелии открывается упоминанием о появлении постоянных поселений карелов в IX веке, об Ореховецком договоре 1323 года и т. п. (с. 32). Не уверен, что «пограничность» Карелии в тот период стоит даже риторически сопоставлять с ее «пограничностью» в начале XX века. Кроме того, меня несколько удивило, что в первой главе (и кстати, во введении) некоторые статистические сведения приводятся со ссылками не на специальную литературу, а на популярные обзорные труды по истории Финляндии и ряда других стран.

Во второй главе рассматривается переселенческая политика карельского руководства в 1920-е годы в контексте соответствующей политики Советского государства в целом. Здесь хорошо показано, что возглавлявшее Карелию правительство Э. Гюллинга практически с самого начала рассчитывало на привлечение финнов из-за рубежа для решения проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы и одновре-

менно для увеличения доли финно-угорского населения в национальной автономии. (Между прочим, разговоры о приглашении в Карелию финнов из Северной Америки красные финны Э. Рахья и Э. Вастен вели с Лениным уже в мае 1918 года (с. 50)). Однако, несмотря на признание успехов карельского правительства, пользовавшегося в 1920-х годах экономической самостоятельностью, союзные власти долго не давали разрешения на массовую вербовку иностранцев для работы в Карелии. И только новый курс на индустриализацию и связанное с ним изменение приоритетов именно на общегосударственном уровне сделали наконец возможным осуществление этой переселенческой политики со стороны карельского руководства – как раз тогда, когда особые экономические права АКССР были упразднены. Так началась масштабная иммиграция североамериканских финнов в Советскую Карелию. Первая немногочисленная группа лесорубов (авторы сумели установить фамилии 21 человека) приехала 25 сентября 1930 года из Канады (с. 61–62), хотя в дальнейшем большинство переселенцев были из США.

Третья глава посвящена организации вербовки рабочих в Северной Америке (в частности, финансовой стороне дела), а также причинам, по которым финны в США и Канаде отзывались на призывы ехать в Карелию. Авторы подчеркивают значимость в данном случае такого источника, как письма иммигрантов из Карелии, и указывают, что он стал всерьез анализироваться совсем недавно (с. 78)⁷. Говоря о многообразии факторов, приведших к появлению так называемой карельской лихорадки, А. В. Голубев и И. Р. Такала справедливо отмечают, что иммиграцию североамериканских финнов в Советский Союз следует рассматривать

«как часть трансатлантической истории межвоенного периода, где в единое целое слились такие феномены, как стремление “красных финнов” преобразовать Советскую Карелию в национальную автономию, Великая депрессия на Западе и ускоренная индустриализация в СССР, политический активизм финнов-иммигрантов, а также индивидуальные истории и международная политика» (с. 81).

В главе четвертой прослеживается реализация руководством Советской Карелии в 1931–1935 годах взятого курса на переселение североамериканских финнов: описываются трудности, с которыми столкнулись как карельские власти, так и сами переселенцы (и те и другие оказались не готовы к встрече, что в значительной степени определило провал всей иммиграционной политики); впервые на основе первичных

архивных материалов анализируется динамика этого процесса; уточняется общая численность прибывших и количество тех, кто решил уехать назад; приводятся сведения о гражданстве иммигрантов, их половозрастной структуре, занятости в различных отраслях экономики Карелии, основных местах расселения в республике. По данным авторов, справедлива уже высказывавшаяся в литературе оценка общего числа переселенцев «в диапазоне от шести до шести с половиной тысяч человек – вероятно, ближе к верхней границе» (с. 128). 58 % прибыли из США (из них половина – из штатов Мичиган, Нью-Йорк и Миннесота), 42 % – из Канады. Вернулись примерно 1300–1500 человек (пик реэмиграции пришелся на 1933 год), так что к 1935 году в финской диаспоре в СССР выходцы из Северной Америки составляли около одной трети (от четырех с половиной до пяти тысяч человек из приблизительно 15 тысяч (с. 134–135)).

Содержание пятой главы ясно из ее названия – «Американские и канадские иммигранты в экономике Советской Карелии» (с. 136–170). Более 60 % переселенцев были заняты в лесной отрасли, где их вклад оказался наиболее заметен и для современников, и для исследователей (с. 138–145). Известна также их роль в строительстве Кондопожского ЦБК и Петрозаводской лыжной фабрики (с. 147–150). Авторы описывают и показательную историю создания во многом силами североамериканских рабочих первого (деревянного) водопровода в карельской столице, который проработал затем 40 лет (с. 150–151). Хотя в сельском хозяйстве республики трудились всего чуть более 3 % иммигрантов (причем их деятельность в этой сфере началась еще в 1920-е годы, самый известный пример – коммуна «Сяде», то есть «Луч», которую основали финны, приехавшие из Канады еще в 1925 году), здесь их усилия тоже принесли немалые плоды, однако, как подчеркивают авторы, все результаты с началом гонений во второй половине 1930-х годов оказались сперва дискредитированы пропагандой, а после забыты (с. 159–170).

Шестая глава посвящена роли иммигрантов из Северной Америки в культурной жизни Советской Карелии. Рассматриваемые здесь аспекты (особенности языковой политики карельского руководства, вклад североамериканских финнов в развитие литературы, театра, музыки, спорта) не раз уже затрагивались исследователями, и в этой главе число ссылок на архивные источники совсем невелико.

Глава седьмая, на мой взгляд, одна из самых интересных в книге. Речь в ней идет о пробле-

мах взаимоотношений переселенцев из США и Канады с обществом, в котором они оказались, переехав в Советскую Карелию. Заслугой авторов является то, что они сумели показать динамику в развитии взаимных представлений. Если сначала иммигранты – несмотря на все усилия республиканской печати по созданию их положительного образа (а порой именно из-за этого повышенного внимания к ним) – воспринимались местным населением прежде всего как чужаки, «понаехавшие буржуи», имеющие право покупать продукты в магазинах Инснаба и получающие более высокие зарплаты, то со временем, по разным причинам (не только по мере адаптации, но и, в частности, из-за отъезда наиболее недовольных и отмены инснабовских норм), конфликтов с переселенцами становилось все меньше. По крайней мере, сообщения о подобного рода конфликтах почти исчезают из документов с конца 1933 года, а для второй половины 1930-х годов имеются свидетельства сочувствия местного населения к тем, на кого обрушились репрессии (с. 232). Что касается самих североамериканских иммигрантов, то изначально большинство из них ощущали себя, по-видимому, в первую очередь представителями мирового пролетариата и лишь затем финнами (причем молодежь часто предпочитала общаться друг с другом по-английски), однако столкновение с советскими реалиями привело у них – помимо, естественно, лучшего понимания окружавшего их общества – к усилению этнической самоидентификации (с. 228–230).

Восьмая глава «Большой террор и судьбы североамериканских финнов» (опирается на многолетние исследования И. Р. Такала и написана на основании множества архивных источников, в данном случае не только Национального архива Республики Карелия и архива республиканского управления ФСБ, но и РГАСПИ, а также Национального архива Финляндии и Архива МИД Финляндии). По данным И. Р. Такала, гонения 1937–1938 годов затронули приблизительно 15 % всех иммигрантов из США и Канады, а если считать только мужчин (которых среди репрессированных было более 90 %), то 28 %, то есть каждый четвертый (с. 277, 279). Всего расстреляно было 71 % выходцев из США и 84 % – из Канады (с. 282). В то же время:

«Во всех делах, по которым проходили североамериканцы, они были просто финнами или “уроженцами Финляндии”. Когда речь заходила о шпионаже, то он мог иметь место тоже только в пользу Финляндии, даже если человек родился в Северной Америке и никогда на своей исторической родине не был. Канада и США остались в числе тех немногих стран, чьих шпионов, по мнению карельского НКВД, в республике не было» (с. 286–287).

Очевидно, логика фабрикации обвинений в шпионаже предполагала прямолинейную связь между деятельностью считавшегося враждебным пограничного государства и принадлежностью к «титальной нации» этого государства (что в очередной раз демонстрирует одну из опасностей столь типичного для сталинского дискурса акцента на территориальном аспекте таких категорий, как «нация» и «национальность»⁸).

В заключительной, девятой главе кратко рассказывается о судьбах североамериканских финнов после завершения волны массовых арестов 1938 года. В Зимнюю войну многие из них оказались в так называемой Финской народной армии. Затем, с созданием КФССР, пережили недолгий, по выражению авторов, «ренессанс советской финской культуры» (с. 299). А после начала новой войны, в 1941 и особенно в 1942 году их вновь сочли «пятой колонной» враждебной Финляндии и стали отправлять в «трудармию» НКВД (хотя и не приходится говорить о том, что эта кампания осуществлялась последовательно и неукоснительно (с. 306)). Причем большинство из тех, кто выжил, все же вернулись по окончании войны в Карелию (с. 308). По словам авторов,

«если в 1930-е гг. канадские и американские финны были, пожалуй, наиболее выделяющейся этнокультурной группой в Карелии, то к 1950-м гг. они в значительной степени ассимилировались» (с. 314).

Как любое полноценное научное исследование, рецензируемая книга не только дает ответы, но и заставляет задумываться над новыми вопросами и ставить новые задачи. Из таких аспектов мне здесь хотелось бы отметить два. Во-первых, целесообразно расширить источниковую базу будущих исследований о североамериканских финнах в Карелии прежде всего за счет материалов финляндских архивов, сведения которых теперь легче проверить и сопоставить с тем, что обнаружено в архивах советских. Отчасти это потенциально продуктивное направление связано, конечно, с историей деятельности спецслужб, причем как Финляндии, так и СССР, в котором американские и канадские финны в начале войны активно привлекались к разведывательной деятельности (она, впрочем, часто завершалась провалом, а в 1942 году, как упоминалось выше, советское руководство решительно взяло курс на «вычищение» финнов – включая «американцев» и «канадцев» – из рядов Красной армии (с. 301–305)). Например, что отмечают и наши авторы, за финскими иммигрантами в Карелии внимательно следили в МИДе Финляндии и в Центральной сыскной полиции (Etsivä keskuspoliisi, ЕК), которая в декабре 1938 года была переиме-

нована в Государственную полицию (Valtiollinen poliisi, Valpo). В книге есть (в главе о репрессиях) немногочисленные ссылки на документы этих ведомств, а также на архив Пентти Ренвалля, хранящийся в финляндском Национальном архиве (с. 238, 251, 253). Ясно, однако, что соответствующего материала в Финляндии должно быть намного больше. Пока наиболее известным и изученным из такого рода сюжетов, где переплетаются судьбы североамериканских иммигрантов и борьба советских и финляндских спецслужб, является история Кертту Нуортева⁹. Но, вероятно, следует полагать, что дальнейшая работа в финляндских архивах позволит обогатить деталями и уточнить нынешние наши представления о жизни североамериканской диаспоры в Советской Карелии. Возможно, мы наконец узнаем, во сколько раз репрессивные органы КАССР преувеличили число финляндских шпионов (и были ли вообще они среди «американцев» и «канадцев»), ведь упомянутые, к примеру, в одной докладной записке карельского наркома внутренних дел К. Я. Тенисона сведения о 59 резидентах и 283 агентах разведки Финляндии, арестованных «по финской линии» на 1 января 1938 года (с. 266), являются очевидно фантастическими. Во-вторых, следует, на мой взгляд, четче проблематизировать идентификацию и самоидентификацию североамериканских иммигрантов. Как учат нас современные теоретики, отнесение себя или кого-то другого к тем или иным группам, в том числе этническому, очень текучий и ситуативный процесс. Настолько текучий, что, скажем, сомнительным и даже неприемлемым оказывается использование привычного понятия «идентичность» «из-за его чрезмерной неясности, расщепленности противоречивыми смыслами и обремененности овеществляющими коннотациями»¹⁰. Иначе говоря, и различные инстанции советской власти, и сами иммигранты (и, естественно, их потомки), и их соседи, и коллеги в разных обстоятельствах пользовались разными категориями, когда идентифицировали представителей группы, которую мы определяем как «североамериканские финны» (сама по себе последняя категория, очевидно, является в первую очередь исследовательским конструктом – вполне удобным, впрочем, если не забывать о его условности). Как было сказано ранее, в годы репрессий североамериканских иммигрантов рассматривали прежде всего как финнов и напрямую связывали с Финляндией¹¹. Но так было не всегда, что, разумеется, хорошо понимают авторы рецензируемой работы. Недавно они подчеркивают неустойчивость терми-

нологии в советских документах и в периодике, где писали то о «канадцах» или «канадских лесорубах» (причем так называли и тех, кто приехал из США, и тех, кто отнюдь не был лесорубом по профессии), то об «американцах», то о «финно-канадцах» или «канадских финнах», то обобщенно об «инрабочих», то о «финнамериканцах» (с. 60, 128, 273–275, 286). Интересно было бы попытаться подробно проанализировать особенности такого словоупотребления, особенно в контексте зигзагов советской национальной политики в 1930-х годах. От чего все же мог зависеть выбор одного из приведенных групповых «ярлыков»? Всегда ли тут дело было в случайности? Какие коннотации были у прилагательных «американский», «канадский», «финский» в доступных для изучения дискурсах о Советской Карелии на разных этапах ее истории? Еще интереснее, по-моему, хотя и сложнее, проанализировать выбор национальности теми из североамериканских иммигрантов и их потомков, кто получал (порой вынужденно) советский паспорт. Ведь как раз в рассматриваемый период происходило становление паспортной системы СССР (для Карелии важен, в частности, такой ее аспект, как паспортизация жителей погранполосы¹²). С 1932 до 1938 год определение национальности практически не регламентировалось, так что получавший новый документ гражданин имел в этом отношении довольно широкие возможности для выбора. Но в апреле 1938 года, видимо, как один из эффектов «национальных операций» НКВД, появился циркуляр (что характерно – секретный), согласно которому национальность должна была определяться только «в соответствии с фактическим национальным происхождением родителей» (если она была разной у родителей, можно было выбрать одну из

двух)¹³. И очень любопытно было бы выяснить, что ставили североамериканским финнам в этой графе как до 1938 года, так и после – особенно в контексте упоминаний о «карело-финском народе» и «карело-финской национальности» в связи с созданием КФССР в 1940 году¹⁴.

В заключение несколько слов об оформлении ссылочного аппарата в книге. К сожалению, здесь кое-где заметны «родимые пятна» ее изначально англоязычного происхождения. Например, некоторые сборники статей описаны не по названию, а по фамилиям редакторов, что мешает быстро установить наличие или отсутствие ссылок на такие издания по списку литературы (с. 326–343). В тех случаях, когда публикации существуют в переводах на русский или с русского, ссылки (обычно в разных разделах, но не всегда) даются то на оригинальную, то на переводную версии (с. 13 и 42, 14 и 80, 175 и 188, 234 и 235). В нескольких случаях вообще не указано, что упоминаемая публикация имеется в русском переводе, а речь идет, к примеру, о не самых известных русскоязычной аудитории финляндских исследований, которые, на мой взгляд, могут представлять интерес для читателей рецензируемой книги¹⁵.

Однако эти сравнительно мелкие авторско-редакторские огрехи, конечно, не меняют общего положительного впечатления от книги. И по ее прочтении вполне логичным и убедительным представляется вывод, которым авторы заканчивают свое исследование:

«...трагедия репрессий конца 1930-х гг. против финской диаспоры заключается не только в том, что они принесли с собой смерть и страдания для многих иммигрантов, но и в том, что они разрушили целый мир, где встретились финская, американская, канадская, карельская, русская и советская культуры...» (с. 321).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press; Winnipeg, MB: University of Manitoba Press, 2014. 236 p.

² Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–11. Далее ссылки на рецензируемое издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

³ Kero R. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki: SHS, 1983. 231 s.

⁴ Здесь следует подчеркнуть значительный вклад Мейми Оскаровны Севандер, которая одной из первых привлекла широкое внимание к этой теме, напрямую затрагивавшей и ее лично. См. прежде всего ее последнюю книгу, изданную сначала по-фински в 2000 году, а чуть позже и в русском переводе: Севандер М. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии / Пер. с фин. яз. М. Ипатова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 186 с.

⁵ Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. (R. Harpelle, V. Lindström, & A. Pogorelskin, Eds.). Beaverton, ON: Aspasia Books, 2004. 226 p.; North American Finns in

- Soviet Karelia in the 1930s. (I. Takala, I. Solomeshch, Eds.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2008. 270 p.
- ⁶ Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 190 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oralhist.karelia.ru/Libr/almanach_2.pdf (дата обращения 11.06.2020).
- ⁷ Они обращают здесь внимание на защищенную уже после выхода англоязычного издания их книги докторскую диссертацию Самиры Сапано: Saramo S. S. Life Moving Forward: Soviet Karelia in the Letters & Memoirs of Finnish North Americans. Toronto: York University, 2014. 433 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yorkspace.library.yorku.ca/xmlui/handle/10315/29866> (дата обращения 11.06.2020). Кстати, еще одну докторскую диссертацию о североамериканских финнах-иммигрантах в СССР, защищенную в том же Йоркском университете в Канаде также уже после выхода англоязычной версии рецензируемой книги и безусловно хорошо известную авторам, они по каким-то причинам не упоминают в русскоязычном издании: Efremkin E. At the Intersections of Nations, Diasporas, and Modernities: North American Finns in the Soviet Union in the 1930s. Toronto: York University, 2014. 293 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yorkspace.library.yorku.ca/xmlui/handle/10315/29961> (дата обращения 11.06.2020).
- ⁸ См. об этом, например: Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
- ⁹ Авторы тоже ее упоминают (с. 304–305), ссылаясь на книгу А. Костиайнена и статью Э. П. Лайдинена (Kostiainen A. Santeri Nuorteva: Kansainvälinen suomalainen. Helsinki: SKS, 1983. 224 s.; Лайдинен Э. П. Хроника преследования (судьба семьи А. Ф. Нуортева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 8 (102). С. 25–30). Последний же использовал как документы Национального архива Финляндии, так и сравнительно недавнюю книгу известного историка О. Маннинена – самую основательную на сегодня биографию К. Нуортева: Manninen O. Kerttu Nuorteva: Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. Helsinki: Edita, 2006. 196 s.
- ¹⁰ См.: Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. яз. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. См. особенно с. 61–126 (приведенная цитата – на с. 123).
- ¹¹ Вот хороший пример из докладной записки главы карельского НКВД С. Т. Матузенко «О выселении за пределы КАССР финнамериканцев и семей репрессированных финнов» (9 июня 1938 года): «...Гюллинг через специально созданное переселенческое управление пополнял вражеские ряды завозом из Канады финнамериканцев. <...> Из Канады финны прибывали с собственными автомобилями, пишущими машинками, валютой и заданиями иностранных разведок... Представляя собой разный сброд авантюристов, настроенных враждебно к Советской власти, они в погоне за наживой с охотой продавались разным разведывательным органам фашистских стран и в первую очередь Финляндии» (с. 273–274). Здесь вроде бы подразумевается некое различие между «финнамериканцами» и «финнами», но оно тут же размывается.
- ¹² О режиме погранзон в СССР в 1930-е годы, в том числе о паспортизации, см., например: Дюллен С. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 251–319.
- ¹³ О графе «национальность» и практиках ее заполнения в советском паспорте см.: Байбурун А. Советский паспорт: История – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 216–230, 289–314.
- ¹⁴ См.: Клементьев Е. Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 160 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?id=4561&plang=r> (дата обращения 16.06.2020).
- ¹⁵ Здесь я бы отметил прежде всего издания: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни. Петрозаводск: Барс, 1998. 322 с.; Ниронен Я. Финский Петербург / Пер. с фин. Л. Сташкевич. СПб.: Европейский Дом, 2003. 258 с.; Энгман М. Финляндцы в Петербурге / Пер. со шв. А. И. Рупасова. Изд. 2-е. СПб.: Европейский Дом, 2008. 470 с.

Поступила в редакцию 17.06.2020

ИНСТИТУТУ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН – 90 ЛЕТ

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН – старейшее научно-исследовательское учреждение Карелии, единственный в республике академический институт гуманитарного профиля. Современный научный облик института определяется приоритетным вниманием к языкам и культурам прибалтийско-финских народов, их взаимодействию с русской культурной традицией. На протяжении многих лет в институте также исследуются археология и история Карелии и сопредельных областей, русская культура Северо-Запада России, литература Финляндии и русско-финские литературные связи.

Первым директором института был Председатель Совнаркома КАССР, доктор философии Э. Гюллинг (1930–1935), позже институт возглавляли чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих (1947–1949), к. и. н. В. И. Машезерский (1950–1965), к. и. н. М. Н. Власова (1965–1988), д. и. н. Ю. А. Савватеев (1988–2005), д. ф. н. И. И. Муллонен (2005–2015).

В 1930-е годы тематика исследований определялась историко-революционным и этнографо-лингвистическим направлениями, в конце десятилетия добавилось изучение фольклора, археологии, истории Средних веков и Нового времени. В результате активной экспедиционной работы были заложены основы ныне обширных коллекций рукописей, аудиозаписей, археологических материалов. На протяжении всего советского периода институт в той или иной мере ощущал идеологическое давление, чему ученые противопоставляли свои знания и профессионализм. Во второй половине 1930-х годов жертвами политических репрессий стал целый ряд сотрудников, включая директора Э. Гюллинга и его заместителя С. А. Макарьева, а институт в 1937 году был реорганизован.

В годы Великой Отечественной войны на фронтах сражались сотрудники института: Н. И. Богданов, В. Я. Евсеев, В. И. Машезерский, М. М. Михайлов, В. И. Пегов, А. Д. Соймонов и другие. Институт был эвакуирован и сначала работал в Сыктывкаре, затем – в Беломорске. Велась работа по сбору материалов о Карельском фронте, партизанском движении, записывался фольклор.

В 1946 году после создания Карело-Финской базы АН СССР начался «академический период»

истории ИЯЛИ. Исследование прибалтийско-финских языков Карелии – карельского и вепсского – стало планомерным и сопровождалось активным сбором диалектного материала. Значительно расширился дисциплинарный и тематический спектр исследований, что вело к появлению новых структурных подразделений. В 1955–1956 годах начала самостоятельно работать группа археологов под руководством Г. А. Панкрушева. Восстановилось после гонений сталинского периода этнографическое направление, а в 1970-е годы под руководством Е. И. Клементьева стали развиваться этносоциологические исследования. Окрепшие в рамках сектора литературы и народного творчества оба научных направления также оформились в самостоятельные сектора.

В научном мире хорошо известны имена многих ученых, в разные годы работавших в ИЯЛИ. Среди них Д. В. Бубрих, В. Г. Базанов, К. В. Чистов, Я. А. Балагуров, Н. И. Богданов, В. Я. Евсеев, Э. Г. Карху, У. С. Конкка, Н. А. Криничная, Г. Н. Макаров, Р. Б. Мюллер, Р. Ф. Никольская (Тароева), Г. А. Панкрушев, В. В. Пименов, А. П. Разумова, А. С. Степанова, Л. В. Суни, И. П. Шаскольский. Классическими стали монографии «История литературы Финляндии XX века», «Малые народы в потоке истории» Э. Г. Карху, «Вепсы» В. В. Пименова, «Карельская свадебная обрядность» Ю. Ю. Сурхаско, «Залавруга» Ю. А. Савватеева, «Древняя Корела» С. И. Кочкуркиной, «Русская мифология: мир образов фольклора» Н. А. Криничной и ряд других. Настольными книгами для многих специалистов являются трехтомная «История литературы Карелии», а также обобщающие труды «Археология Карелии» и «История Карелии с древнейших времен до наших дней».

Археолог и этнограф А. М. Линевский, фольклорист Д. М. Балашов стали известны и как авторы блестящих художественных произведений, фольклорист Э. С. Киуру – один из авторов нового поэтического перевода «Калевалы», а наша современница языковед Н. Г. Зайцева – в качестве создательницы вепсского эпоса «Вирантаназ». Многие филологи института входили в Союз писателей Карелии, работали в редколлегиях литературно-художественных журналов республики. Эта традиция сохраняется по сей день наравне с расширяющимся участием ученых ИЯЛИ в редколлегиях научных журналов страны.

Институт активно откликается на общественно значимые культурные события и процессы. Так, возрождение интереса к карельскому и вепсскому языкам в конце XX – начале XXI века было поддержано специалистами ИЯЛИ, создавшими первую линейку школьных учебников и полный комплект двуязычных академических словарей. Наши исследователи разработали концепцию и программу развития национальной школы Республики Карелия, теоретически обосновали алфавиты и орфографию новописьменных карельского и вепсского языков. Ныне институт является главным экспертным центром Республики Карелия по вопросам языков и культур проживающих здесь народов. Научные и научно-популярные издания института служат поддержкой для туристического бизнеса, на них опираются сотрудники музеев, подвижники возрождения и сохранения народных ремесел и промыслов. Стали бестселлерами в этой связи книги Р. Ф. Никольской «Карельская кухня» и А. П. Косменко о народном изобразительном искусстве. Петроглифы Карелии благодаря усилиям археологов ИЯЛИ включены в предварительный Список объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В последние два года институтом также проведена серия общественно значимых мероприятий, посвященных 100-летию юбилею Республики Карелия.

Здание Карельского научно-исследовательского института, 1932 год

Сегодня в ИЯЛИ работают 43 научных сотрудника, из них 8 докторов и 31 кандидат наук. Пополнение института осуществляется через аспирантуру, где ведется подготовка по шести профилям и куда ежегодно поступают 2–3 выпускника ПетрГУ. Окрепла школа прибалтийско-финского языкознания, основы которой были заложены Д. В. Бубрихом. Сегодня она широко известна, в числе перспективных направлений – ономастика и корпусная лингвистика. Институт

поддерживает академические традиции научной школы фольклористики, историко-этнографического изучения народов Карелии. Это непростая задача, поскольку в ходе деструктивных реформ научной сферы за последние тридцать лет численность исследователей сократилась более чем в два раза. И хотя в институте сохранены исследовательские группы по всем традиционным отраслям гуманитарного знания (археология, история, лингвистика, литературоведение, этнология, фольклористика), большинство из них теперь представлено лишь 4–6 специалистами. В таких условиях ресурсом для сохранения самой возможности научных исследований становится внутриинститутская кооперация и интеграция ИЯЛИ с другими научными центрами и университетами. Эта тактика объединяет задачу сохранения конкурентоспособности с курсом на развитие междисциплинарных исследований.

Среди постоянных партнеров ИЯЛИ прежде всего учреждения РАН: Институт археологии, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургский институт российской истории и Институт истории материальной культуры. Прочные связи установились с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербургским государственным университетом, университетами Хельсинки, Оулу, Йёэнсуу, Мадрида (Комплутенсе), Академией Сибелиуса, Карельским просветительским обществом и фондом Юминкеко (Финляндия). При всей широте внутрироссийских и зарубежных контактов основными и наиболее интенсивными являются взаимодействия с учреждениями Карелии. Разнообразные проекты связывают нас с Национальным музеем и Национальным архивом Республики Карелия, Петрозаводским государственным университетом, Петрозаводской государственной консерваторией, Карельским филиалом РАНХиГС, а также с республиканскими министерствами и ведомствами.

Ряд коллективных работ последнего десятилетия состоялся на основе взаимодействия с названными учреждениями. В их числе поддержанные программами Президиума РАН проекты «Истоки Карелии: время, территория, народы», «Историческая память и российская идентичность», «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве», «Разработка морфологической базы и развитие корпуса вепсского языка», «Карельская семья: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций».

Выполнялись международные проекты ELDIA (Междисциплинарный подход к активизации исследований языков национальных меньшинств, использования и сохранения языка), «Неолитизация в Северо-Восточной Европе», «Гибкие этничности», «Инфраструктура памяти после 1917 года» и др. Коллективный обобщающий труд «Народы Карелии: историко-этнографические очерки» объединил более 30 авторов. Междисциплинарный подход позволил исследователям ИЯЛИ выйти на новый уровень осмысления истории древних и средневековых технологий, добиться важных результатов в ареальных лингвистических исследованиях, в этносоциальном ракурсе рассмотреть историю повседневности.

В 2016 году в институте создан Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA – современная общероссийская экспертно-аналитическая площадка для проведения исследований в сфере нордистики и подготовки кадров. Центр важен для консолидации и координации деятельности российских специалистов в области истории, культур, языков Финляндии и других стран Северной Европы, расширения международного сотрудничества. На базе МНОЦ с 2018 года осуществляется издательский проект «Карелия глазами путешественников и исследователей», в ходе которого впервые в переводах на русский и финский языки публикуются наиболее содержательные книги конца XIX – начала XX века.

Внутрироссийские и международные контакты ученых ИЯЛИ поддерживаются благодаря организации и участию в научных мероприятиях. Ежегодно совместно с Национальной библиотекой РК проводятся «Краеведческие чтения», раз в два года в сотрудничестве с ПетрГУ организуются «Бубриховские чтения». Также совместными усилиями с университетом издается «Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review».

Востребованы информационные ресурсы института, включая фонды научного архива КарНЦ, фонограммархива, археологического фондохранилища и археологического музея ИЯЛИ. В результате проектной работы созданы

крупные электронные базы данных: «Археологические памятники Карелии» (объединяет более 2500 памятников, выявленных на территории Карелии), «Географическая информационно-аналитическая система “Топонимия Карелии”», «Открытый корпус вепсского и карельского языков» (ВепКар), «Звуковая коллекция Фонограммархива ИЯЛИ» и др. По инициативе молодежи ИЯЛИ создан и развивается «Карельский подкаст».

Институт ежегодно публикует около 100 статей, издает десять-пятнадцать книг. Это научные монографии, атласы, словари, сборники документов, учебники и учебные пособия. Многие из них получают высокую академическую и общественную оценку. Так, в докладе Президенту Российской Федерации об итогах работы РАН за прошлый год глава академии А. М. Сергеев в числе важнейших фундаментальных научных результатов назвал подготовленный в ИЯЛИ КарНЦ РАН «Лингвистический атлас вепсского языка (ЛАВЯ)» (руководитель проекта – Н. Г. Зайцева). По результатам XX ежегодного конкурса «Книга года Республики Карелия» издание «Народы Карелии» (отв. ред. И. Ю. Винокурова) одержало победу в трех номинациях.

За существенный вклад в развитие научных исследований многие сотрудники ИЯЛИ награждены государственными наградами РФ, отмечены научными и общественными организациями. В последнее десятилетие это З. И. Строгальщикова (орден «За заслуги перед Отечеством» II степени), Н. Г. Зайцева (орден Дружбы), С. И. Кочкуркина (Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством»). На уровне Республики Карелия труд ученых отмечен премией «Сампо» (Н. В. Лобанова, С. И. Кочкуркина) и другими наградами и поощрениями. Ярким событием в жизни института стало избрание в 2019 году И. И. Муллонен членом-корреспондентом РАН. Результаты труда ученых востребованы в образовании, культуре, этнонациональной политике. Они способствуют развитию российской науки, формированию имиджа современной Карелии как края, где сохраняются традиции и ведется большая исследовательская работа, направленная на изучение историко-культурного наследия.

О. П. Илюха

доктор исторических наук, директор
Института языка, литературы и истории –
Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук»
ilyukha.olga@mail.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Bublichenko V. N.</i> KYLTOTO MONASTERY: FROM A NUNNERY TO A FACILITY FOR HOMELESS JUVENILES	70
ARCHEOLOGY			
<i>Blyshko D. V., Zhulnikov A. M.</i> RECONSTRUCTION OF PERI NOS VI CAPE PETROGLYPHIC SHRINE	8	<i>Zelenskaya Yu. N.</i> ORGANIZING REPAIR AND RECONSTRUCTION WORKS ON THE KIROV RAILWAY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	77
WORLD HISTORY			
<i>Maiatskii D. I.</i> FOREIGN POLICY OF PETER THE GREAT IN THE ARTICLES OF CHINESE HISTORIANS OF THE 1980s AND THE 1990s	15	<i>Popov S. A.</i> IDENTITY DOCUMENTS OF THE RURAL POPULATION OF UST-SYSSOLSK UYEZD OF VOLOGDA PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY	83
<i>Cherevko M. V.</i> SPECIFIC DESCRIPTIONS AND CHARACTERISTICS OF TAIWANESE INDIGENOUS PEOPLES IN THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC BOOK <i>HUANG QING ZHI GONG TU</i>	24	<i>Filimonchik S. N.</i> HOW THE FORTRESS PARTY WAS CREATED IN KARELIA: THE EXPERIENCE OF THE 1930s.	91
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH			
<i>Razumova I. A.</i> KRAVCHENKO-BEREZHNOY'S BOOK <i>BETWEEN THE WHITE AND THE RED</i> AS A HISTORICAL SOURCE AND AN AUTHOR'S TEXT	32	<i>Drannikova N. V.</i> ARKHANGELSK COMMUNITY CULTURAL MEMORY ABOUT THE DEMOLITION AND DESECRATION OF RELIGIOUS BUILDINGS DURING THE SOVIET ERA	100
<i>Bode A. B., Zhigaltsova T. V., Khodakovskiy E. V.</i> NIMENGA PARISH OF THE ONEGA UYEZD IN ARKHANGELSK PROVINCE: CONSTRUCTION HISTORY	40	<i>Karakin Ye. V., Pashkova T. V.</i> FUNCTION OF STOVE IN CHILDBIRTH RITUALS AND CHILDREN'S DISEASES TREATMENT PRACTICES OF THE KARELIANS	110
<i>Savitsky I. V.</i> VIEWS OF RUSSIAN SCHOLARS AND PUBLICISTS ON THE ROLE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE "CRIMEAN SPRING"	50	Reviews	
RUSSIAN HISTORY			
<i>Kalinina E. A.</i> ORGANIZING PHYSICAL EDUCATION AND SPORTING ACTIVITIES IN KARELIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	62	<i>Tolstikov A. V.</i> The book review: Golubev A. V., Takala I. R. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s	115
Scientific information			
<i>Ilyukha O. P.</i> The 90th anniversary of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences	121		

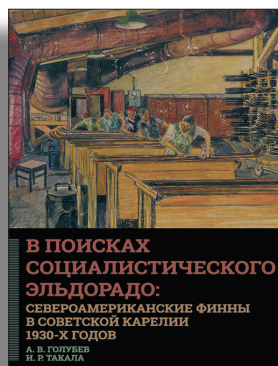
Роман Кравченко-Бережной МЕЖДУ БЕЛЫМ И КРАСНЫМ

Книга Р. А. Кравченко-Бережного представляет собой воспоминания в изобретенном автором жанре «стоп-кадра», охватывающие период с 1935 по 2007 год. Уникальность воспоминаний очевидна и участника событий совмещается с глубокими размышлениями об истории и человеке потомственного русского интеллигента. В состав издания входят юношеские дневники автора периода фашистской оккупации его родного города Кременец (с июля 1941 по январь 1944 года), на Западной Украине, представленные в числе материалов советского обвинения на Нюрнбергском процессе.

Книга адресована как специалистам по истории и культуре XX века, так и самому широкому кругу читателей.

Кравченко-Бережной Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: «Гамас», 2008. 423 с.

Статья об этой книге размещена на стр. 32–39

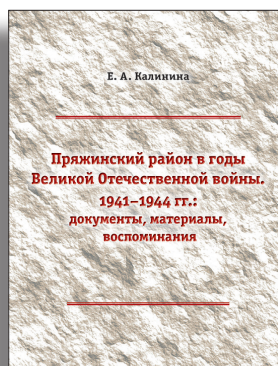
А. В. Голубев, И. Р. Такала В ПОИСКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭЛЬДОРАДО: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов

В первой половине 1930-х годов примерно шесть с половиной тысяч финнов из США и Канады эмигрировали в Советскую Карелию. Они рассматривались в качестве высококвалифицированной и образованной рабочей силы и внесли существенный вклад в экономику и культуру Советской Карелии. Однако в середине 1930-х годов в отношении государства к иммигрантам начали преобладать подозрительность и страх, и в 1937–1938 годах, в годы Великой Отечественной войны они стали одной из групп, наиболее пострадавших от внесудебных арестов и расстрелов, депортаций и принудительного труда.

Книга основана на широком круге архивных источников, газетных и книжных публикаций, а также интервью с самими иммигрантами и является первой монографической публикацией на эту тему на русском языке.

Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 352 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

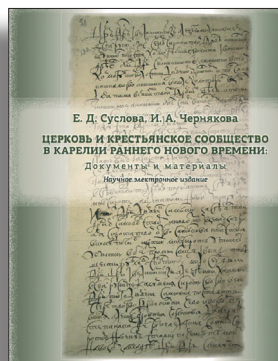

Е. А. Калинина ПРЯЖИНСКИЙ РАЙОН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сборник документов составлен из опубликованных и неопубликованных архивных, документальных материалов, воспоминаний по теме «Пряжинский район в годы Великой Отечественной войны».

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, учащихся, работников музеев и библиотек, а также для всех тех, кто интересуется военной историей родного края.

Калинина, Е. А. Пряжинский район в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: документы, материалы, воспоминания / Е. А. Калинина. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. – 372 с.

Е. Д. Суслова, И. А. Чернякова ЦЕРКОВЬ И КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО В КАРЕЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Издание содержит многоаспектную информацию о церкви и крестьянском сообществе в Карелии второй половины XVII века, извлеченную из архивной документальной коллекции «Олонецкая воеводская изба» – делопроизводственного комплекса канцелярии олонецких воевод (1649–1702) – его первой части (1649–1681).

Адресовано специалистам в области церковной и социальной истории, исследователям региональных управленческих структур и приказного делопроизводства, филологам, изучающим древнейшие ономастиконы, топонимию и диалектную лексику. Неоценимые сведения в нем найдут краеведы и составители семейных генеалогий, а также все, кто интересуется историей и культурой Карелии накануне петровских реформ.

Суслова Евгения Дмитриевна. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии раннего Нового времени: Документы и материалы / Е. Д. Суслова, И. А. Чернякова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019.

